

Борис Турчинский

Это наша с тобой биография

(ОЧЕРКИ О МУЗЫКЕ И МУЗЫКАНТАХ)

Иерусалим, 2023

Это наша с тобой биография.

(Очерки о музыке и музыкантах)

Борис Турчинский.

Мозаика жизни.

Наша жизнь напоминает мозаику, а вернее – процесс её сборки.

Мы укладываем события нашей жизни, словно элементы пазла. Вначале нам и самим бывает не совсем понятно, что получится в итоге, но наступает момент ...

Так и с моими очерками. Иногда они рождаются из одной детали и затем превращаются в картину.

Вместе с тем меня захватывают новые события, приходящие в мою жизнь. Я встречаю всё новых и новых людей, испытываю новые чувства и переживания.

...Так родилась и моя новая книга. Книга о музыке, музыкантах и музыкальных коллективах.

Очень надеюсь, что она вам понравится – будет полезной и информативной. Мне бы это принесло вдохновение для последующих литературных опытов.

© Борис Турчинский

Иерусалим, 2023

Борис Турчинский

Кларнетист, педагог, дирижер, музыкальный публицист.

Родился в 1952 году в г. Житомире (Украина).

Окончил Житомирское музыкальное училище и Одесскую консерваторию.

С 1971 по 1973 г. служил в рядах вооруженных сил СССР (оркестр штаба ПрикВО, г. Львов, Украина).

Работал в оркестре Одесского военного командно-инженерного училища.

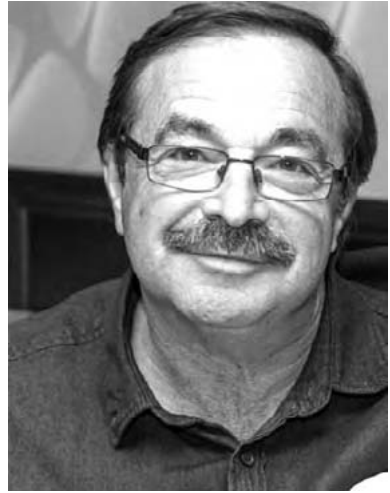
С 1979 по 1983 г. — дирижер Житомирского Городского духового оркестра.

В 1986-1990 г.г. — преподаватель Ровенского института культуры.

С 1990 года проживает в Израиле; преподаватель муниципальной консерватории города Петах-Тиква, дирижер оркестра.

Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Автор 6 книг.

Публикуется в израильских изданиях «Израиль XXI» (музыкальный журнал), «Русское литературное Эхо» (журнал художественной литературы, публицистики и критики), в российских журналах «Оркестр», «Дети и музыка».

Предисловие

Удача – найти свою тему. Удача, когда это не выдуманно, не позаимствовано где-то – а от сердца.

Очерки Бориса Турчинского – летопись исполнительства на духовых инструментах. Борису интересны люди, посвятившие свою жизнь музыке. В разных странах и городах они играли, учили, аранжировали и дирижировали. В меру своего таланта и возможностей сохраняли, приумножали и передавали следующим поколениям традиции, понимание своей профессии и любовь к высокому искусству.

Благодаря Борису Турчинскому, который в непосредственной и увлекательной форме сумел познакомить нас с их судьбами, мыслями и идеями, – их имена остаются в истории.

Анатолий Коган, лауреат Международных премий,
концертный исполнитель, педагог.

«Старая фотография»

(заметки об истории духовой музыки Израиля)

Однажды на центральной площади Петах-Тиквы мой взгляд невольно остановился на щитах с большими фотографиями. Снимки рассказывали, каким город был до создания государства Израиль. Узкие улочки, маленькие домики... И среди всего этого – духовой оркестр! 25 молодых красивых музыкантов. Оркестр назывался «Кинор Цион» – «Скрипка Сиона». Символическое название! Наверное, скрипку ассоциировали с поющей еврейской душой – и не важно, на каких инструментах играли эти парни!

Фото было датировано 1931 годом.

Позже я узнал, что «Кинор Цион» был одним из первых духовых оркестров не только в нашем городе, но и во всей подмандатной «английской» Палестине, а его история началась ещё в 1880-е годы!

***

Интересно, могли ли себе представить эти ребята со снимка, что всего через 18 лет произойдёт событие, которое изменит карту Ближнего Востока, преобразует расстановку сил и отношений между государствами, утвердит их страну как национальную независимую единицу, и они смогут гордо сыграть гимн своей страны? И что через каких-то сорок лет, в 1972 году, в их родном горо-

де появится и долго будет занимать ведущие позиции в духовой музыке Израиля оркестр муниципальной консерватории.

Мне было понятно, что музыкантов этих, к сожалению, уже не может быть в живых. Я решил найти людей, которые могли бы хоть как-то пролить свет на историю этих парней с музыкальными инструментами в руках.

И мне повезло!..

Мой коллега, педагог и дирижёр оркестра консерватории города Петах-Тиква, Михаил Дельман, помог, сразу указал, к кому обращаться.

Зеэв Дрори

Зеэв Дрори – кларнетист, сын дирижера оркестра с этой исторической фотографии. Музыка по разным причинам не стала его основной профессией, хотя кларнетом он владеет прекрасно. До сих пор, несмотря на серьезный возраст, он в хорошей исполнительской форме.

Вот что рассказал мне Зеэв:

«Это был очень дружный коллектив. Днём работали кто где, а по вечерам собирались, чтобы репетировать и выстраивать репертуар. Упор делался на музыку патриотического звучания, но играли и на танцах, и на свадьбах. Тогда духовая музыка была в моде. Мой отец был дирижёром нескольких оркестров. Оркестром «Кинор Цион» он руководил с 1931 по 1952 год. Помню, ещё детьми мы с друзьями в конце 30-х – начале 40-х годов часто приходили на выступления оркестра, наслаждались его прекрасным звучанием».

***

Тут я должен дополнить Зеэва: духовые оркестры, в силу их мобильности, доступности и убедительности звучания, стали тогда появляться всё чаще и чаще. Так родился оркестр в Ришон-ле Ционе – оркестр Британской полиции, который позднее плавно трансформировался в Оркестр полиции Израиля. А в 1948 году начали создавать оркестр при министерстве обороны Израиля.

***

«Мой отец был одним из организаторов этого вновь создаваемого коллектива, – продолжает Зеев, – но по каким-то причинам он не стал дирижёром...

Первым руководителем и дирижёром главного государственного оркестра стал Арье Лэйб Гиссин. А первыми музыкантами были: Джереми Зальман, Моше Шпигель, Гирш Гринштейн, Израиль Коэн, Авраам Шапира, Шабтай Леви.

Дирижёрами оркестра Армии Обороны Израиля в разные годы были: Исаак Муза (1948-1949), Ронли Рикслис (1949-1960), помощником дирижёра у него проходил службу Ноам Шериф (1953-1955) – впоследствии известная личность в музыкальных кругах страны, композитор, дирижёр Хайфского симфонического оркестра, профессор академии музыки. С оркестром также работали дирижеры Ицхак Грациани (1962-2003), Михаэль Яаран (2003-2013). С 2013 года – Ноам Инбер.

Дирижёр и композитор
Исаак Грациани

Во время Второй мировой войны в составе британской армии была создана Бригада «Иудит» – естественно, со своим оркестром. Кстати, еврейские воины принимали участие в военных действиях против фашистов в Европе. Отец мне рассказывал, что они выступали с концертами для уцелевших общин тех мест, где дислоцировались. Из истории знаю, что бригада «Иудит» была и в Аушвице (Освенциме), а выступал ли там после освобождения лагеря её оркестр, неизвестно. Может, после тех картин ужасов, что бойцы там увидели, было не до музыки...

В 1946 году оркестр бригады расформировали, и затем несколько лет вся нотная литература этого оркестра лежала у нас дома. В 1948 году отец её передал оркестру Армии Обороны Израиля. В то время это был бесценный подарок. Вспоминаю, что в Тель-Авиве имелся довольно хороший оркестр пожарных. Как

видите, не густо тогда было с духовой музыкой, но хочу заметить, она всё же была, и очень качественная!».

***

Вернёмся к оркестру на фотографии. Создание оркестра «Кинор Цион» было одним из первых культурных проектов ишува. Ишув — собирательное название еврейского населения Эрец-Исраэль и Палестины («ишув» на иврите — «заселённое место», «население», «заселение»). Это наименование использовалось в основном до создания государства Израиль. Термин «ишув» неоднократно встречается в Талмуде, чаще всего — применительно к населению вообще, но также и к еврейскому населению земли Израиля.

Дирижёр Арье Лейб Гисин

... Около десяти лет оркестр «Кинор Цион» радовал жителей, пользовался поддержкой состоятельных лидеров сионистов — таких личностей как барон Эдмон де Ротшильд и других. Это было до 1890 года. По причинам, которые

недостаточно ясны, оркестр на некоторое время перестал функционировать, но в 1900-м снова возобновил свою деятельность, причём довольно энергично. Руководитель Арье Лейб Гисин при поддержке Аарона Коэна и Илия Меири приобретал новые инструменты. Коллектив «Кинор Цион» играл каждый вечер в парке, в ряды музыкантов оркестра вливалась молодежь — уже второе, коренное поколение.

В середине Первой мировой войны оркестр приостановил свою работу, а инструменты были надёжно спрятаны. Негативную роль тут сыграл набор рекрутов в турецкую армию (на тот момент Палестина была под властью Османской империи), выселение и снос павильона, где выступали музыканты. Музы молчали...

***

В 1920 году оркестр возрождается в полном объёме и попадает под крыло организации «Benjamin» во главе с Барух Раб. Эта

организация была создана в 1921 году и названа в честь Теодора Герцля и Бенджамина Ротшильда, покровителя оркестра. Были найдены средства для приобретения новых, более усовершенствованных инструментов. Большую поддержку оркестру оказал молодой политический активист Эзра Ихилев.

На более позднем этапе приобщилась общественная организация «Макаби Ав Шалом», которая нашла способ обеспечить бюджет оркестра в Петах-Тикве: она получила лицензию от местного совета.

«Макаби Ав Шалом» построила прекрасный новый павильон в городском парке, куда общественность могла приходить на концерты оркестра.

***

«Мой отец Шимшон Дрори, руководивший оркестром более 20 лет, стоял у пульта, а я, мальчишка, тихонечко ему завидовал, но гордился и понимал, что именно мой отец заставляет так прекрасно звучать эти инструменты! Да, тогда звучание оркестра вышло на новый уровень, – продолжает свой рассказ Зеэв Дрори. – Духовой оркестр всегда участвовал во всех городских мероприятиях. У музыкантов была красивая парадная форма – белые мундиры и белые брюки, такой оркестр было и видно, и слышно издавека!»

Я спросил у Зеэва, верили ли эти молодые музыканты, что когда-нибудь будет создано государство Израиль и они станут израильским оркестром?

Оркестр Британской Полиции

«Вы хотите это знать? Отвечу утвердительно. Они жили этим и для этого, как и все евреи нашей страны!».

Оркестр полиции Израиля

Оркестр Армии Обороны Израиля

Слышать душу своей истории (к 95-летию Нехамы Лифшицайте)

В сентябре 2022 года по инициативе Бориса Траубаса в Вильнюсе прошел второй Международный конкурс вокалистов имени Нехамы Лифшицайте. Цель конкурса – популяризировать еврейскую песню, искать ее наиболее талантливых исполнителей и авторов, помогать творческой молодежи реализовывать свой потенциал в этой сфере и общаться с коллегами по всему миру. В конкурсе приняли участие исполнители в возрасте от 7 до 20 лет со всего мира.

***

Нехама Лифшицайте окончила Вильнюсскую консерваторию.

В 1951 году состоялся ее первый концерт. Чуть позже она стала первой в СССР исполнительницей, включившей в свой репертуар песни на иврите.

Александр Галич, вдохновленный ее искусством, обратился к Еврейской теме. Благодаря ей его песни получили международ-

ную известность: она первой вывезла записи песен Галича за рубеж.

Со временем специально для нее стали писать известные композиторы и поэты.

«После победы на Всесоюзном конкурсе, – рассказывает Нехама в интервью 1989 года, – у меня появилась надежда, что вокруг меня что-то возникнет, что-то будет создано... Но после пятнадцати концертов в Москве, в которых участвовали все лауреаты, мне быстро дали понять, что ничего не светит: езжай, мол, домой».

Одиннадцать лет колесила Нехама по всему Советскому Союзу. И в районных клубах, и в Концертном зале имени П.И. Чайковского ее выступления проходили с аншлагами. Повсюду после концертов ее ждала толпа, чтобы посмотреть на еврейского соловья вблизи, перекинуться фразами на мамэ-лошн, проводить до гостиницы...

Но в то же время... Везде, где можно было отменить выступление Нехамы, власти не отказывали себе в этом удовольствии. Плюс каждую программу прослушивали, обязывали певицу отдавать на цензуру все тексты с подстрочниками.

«В Минске, – продолжает свои воспоминания Нехама Лифшицайте, – вообще не давали выступать, и, когда я пришла в местный ЦК партии (членом которой я, кстати, была), мне сказали, что цыганам и евреям нет места в Минске. Я спросила, как называется учреждение, где я нахожусь, – мол, я-то думала, что это ЦК компартии... В конце концов, мне позволили выступить в белорусской столице, после чего в газете появилась рецензия, в которой говорилось, что концерт был проникнут духом национализма».

Вспоминает еврейский писатель Шломо Гросман:

«В конце 1959 года после долгих раздумий Киев соизволил организовать восемь концертов Нехамы. Надо сказать, столица Украины даже Аркадию Райкину устраивала проблемы; славилась она таким отношением к евреям.

У Нехамы в программе была песня «Колыбельная Бабьему Яру» (музыка Р. Боярской на слова О. Друза). Спустя восемнадцать лет после того, как Бабий Яр стал могилой для стольких евреев, она на сцене запела об этом.

Причем ей самой даже в голову не приходило, что из этого может получиться. Песня тяжелая, и Лифшицайте всегда исполня-

ла ее в конце первого отделения, чтобы потом в антракте можно было передохнуть.

... Спела. Полная тишина в зале. Вдруг поднялась седовласая женщина и сказала: «Что вы сидите? Встаньте!» Зал встал: ни звука... Нехама была в полуобморочном состоянии. Только в этот момент она по-настоящему осознала всю силу, которой обладает искусство.

«Я должна петь то, что нужно этим людям!» – решила она в тот момент и впоследствии сделала свою программу более целенаправленной, заменив оперные арии и популярные произведения еврейскими песнями, находившими большой отклик в душе слушателя.

На следующий после того памятного события день Нехаму Лившицайте вызвали в ЦК КПУ. Дело в том, что в те, доевтушенковские, годы советская власть всеми силами замалчивала трагедию Бабьего Яра. На месте гибели киевских евреев проектировали не то городскую свалку, не то стадион. На все претензии Нехама отвечала, что все ее песни разрешены к исполнению, что она их поет всегда и всюду, а если есть какая-то проблема, то это у них, а не у нее.

Дальнейшие концерты в Киеве были запрещены. Позднее, в статье к

70-летию Нехамы Шимон Черток заметил, что труднее всего преследователям певицы было понять, каким образом выросший в коммунистическом тоталитарном государстве человек остается внутренне свободным».

От автора

Мне очень повезло: в том же 1959 году (само собой, еще до киевского инцидента) Нехама Лившицайте приехала с одним концертом в Житомир, где проживала большая еврейская община.

Для евреев города это был культурный шок – иначе это явление никак не назовёшь. И я с папой был на том концерте. Мой отец работал в оркестре театра, где выступала певица, и каким-то чудом выпросил у своего директора два билета. Зал был заполнен на сто процентов. Люди стояли на улице – в надежде купить лишний билет. Мне было только семь лет, но впечатление от выступления Лившицайте я запомнил на всю жизнь.

***

... В ноябре 2022 г. Борисас Траубас привез в Израиль для участия в концерте победителей и участников Второго международного конкурса вокалистов им. Нехамы Лившицайте. Концерт прошел в зале культурного центра Тель-Авива (Эйнав-центр) с большим успехом.

... Несколько слов о моем старом друге из Литвы, в прошлом концертмейстере Литовского камерного оркестра Борисасе Траубасе.

Сегодня он пенсионер – но не из тех, кто сидит на скамеечке. Борисас весь в движении, и это подтверждает его новое занятие – организация конкурсов и фестивалей. Также уже много лет он выступает в составе фортепьянного трио Musica Camerata Baltica. Объездил с концертами всю Европу, ну и, конечно, Литву.

Скрипач Борисас Траубас хорошо известен в Европе как солист, камерный музыкант и исполнитель. Он выступал с известными музыкантами – такими, как Иегуди Менухин, Мстислав Ростропович, Тимофей Докшицер, Гидон Кремер и Давид Герингас. Б. Траубас также заслужил репутацию выдающегося аранжировщика музыки: его оркестровки и транскрипции исполнялись многими оркестрами и солистами, включая Сергея Накарякова, Давида Герингаса, Тимофея Докшицера, Марка Дробинского и Гавриэля Липкинда.

Траубас – поборник еврейской музыки и культуры в Литве. В 1985 г. он основал ансамбль «Литовский Иерусалим» для популяризации еврейской классической и народной музыки.

Кроме того, он является членом трио «Baltica», исполняющим музыку, варьирующуюся от классических трио до авангардных композиций 21 века и традиционной еврейской музыки. Трио выступало по всей Европе и получило высокую оценку зрителей и критиков.

Мне хотелось бы пожелать конкурсу им. Нехамы Лившицайте, его организаторам и участникам жить долго, процветать и открывать все новые яркие имена.

«В поисках истины» (другой Ганелин)

Рассказывает композитор, педагог, легенда советского джаза Вячеслав Ганелин:

«Начну с редкого случая и расскажу о, можно сказать, героическом поступке альтиста, а затем и дирижера камерного оркестра, Донатаса Каткуса. Когда при советской власти в Вильнюсе разрушали древнюю синагогу, этот человек воевал с властями, подобно Дон Кихоту. Совсем еще молодой парень, он просто «кричал» властям, что они совершают преступление, разрушая историческое здание. В то время это был вызов.

2008 год. Я преподавал в Иерусалимской Академии Музыки и Танца и был в «шабатоне» (это израильское слово означает годичный отпуск для всех учителей в Израиле – с целью повышения квалификации, а заодно и отдыха от тяжелой преподавательской деятельности).

Часть этого творческого отпуска я проводил в Вильнюсе. Читал лекции, участвовал в музыкальных мероприятиях и т.д. Квартиру снимал неподалеку от того места, где репетировал струнный оркестр Каткуса. Мы часто встречались с Донатасом, сидели в кафе,

разговаривали на разные темы... Однажды он мне говорит: «Слава, а знаешь ли ты, что в Вильнюсе до войны была 101 синагога, а потом все они были уничтожены? Я хочу, чтобы ты об этом написал. Это трагедия уничтожения не только людей, но и всего культурного наследия еврейского народа, который веками жил в Литве. Историю евреев в Литве можно проследить начиная с VIII века. В XIV веке Великий князь Литовский Витаутас наделил их всеми правами и свободами наравне с другими живущими в Литве народами. А сегодня здесь сохранилась одна-единственная синагога».

***

... И так было при каждой встрече: «Слава, ты должен об этом написать». Я долго отказывался, так как все это попахивало политикой.

Знаешь, Борис, есть такая китайская пытка — когда все время капают на голову... В конце концов, это срабатывает.

«Крик тишины» («Рессисим. Осколки»)

2009 год, Вильнюс

Вернувшись в конце декабря домой, я получил от Донатаса телефонный звонок: «Слава, уже назначена дата концерта». Выхода у меня не было, и я активно взялся за работу.

Меня и самого долгие годы преследовал вопрос — не «какими несчастными были евреи», а — «за что, почему?» Нашел по этой теме сначала одни стихи, затем другие... Вот тогда мне пришла мысль, чтобы все в зале встали в минутном молчании.

Разные люди пришли на концерт — и те, кто понимают жуть происшедшего в Литве в военные годы, и вообще не думающие об этом вопросе. Я придумал очень простой ход, как достучаться до всех слушателей: посредством соединения музыки и поэзии. И все слушатели в конце произведения встали — последним «звучком» произведения стала минута молчания.

От автора

Стихи к Рессисим, «Крик тишины» написаны несколькими авторами, среди них — известный израильский писатель Давид Маркиш, немецкая поэтесса Нелли Закс, расстрелянный в 1937 году еврейский писатель, поэт и переводчик Моше Кульбах и другие.

Есть и стихи Славы Ганелина — один из них я хочу здесь привести:

Стыд и Позор — два слова, в ряд стоящих-
Загнали совесть в тесный коридор...
Позор и Стыд — два слова, говорящих,
Что жар стыда не ведает позор.
Позор не знает благородства,
Стыд — нашей совести рассвет.
С Позором надобно бороться!
Кипящий Стыд прольёт надежды свет.

Оркестр "Тримитас"...

На этом поиски истины Вячеслава Ганелина не прекратились. 26 ноября 2021 года в Государственном еврейском музее Вильнюсского Гаона состоялась премьера произведения для скрипки и духового оркестра, которое так и называется: «В поисках истины». В концерте принимал участие духовой оркестр «Тримитас» и прекрасная литовская скрипачка, лауреат многих международных конкурсов, Рута Липинайтите.

... Поиск истины был в центре внимания многих философов, в том числе — и еврейских мудрецов.

Вильнюсский Гаон — самый известный в XVIII веке еврейский мудрец, религиозный авторитет, определивший уникальность литовской еврейской общины.

Вильнюсский Гаон известен своей целенаправленностью и последовательностью, несгибаемой волей, строгостью и справедливостью. Именно он превратил Вильнюс в центр еврейской духовной мысли.

Произведение написано В. Ганелиным в честь 300-летия Вильнюсского Гаона.

Владимир Глушков, русский парень с еврейской душой

Я познакомился с Володией Глушковым в сентябре 1965 года, когда 13-летним мальчишкой стал воспитанником военного оркестра дивизии Вильнюсского гарнизона, которым руководил замечательный дирижер и прекрасный человек Иосиф Моисеевич Манжух. Коллектив был победителем конкурса в Риге, у него была репутация лучшего оркестра в Прибалтийском военном округе. В Вильнюсе коллектив хорошо знали и ласково называли «оркестр Северного городка» — по месту его дислокации.

Моя жизнь в Вильнюсе была наполнена новыми знаниями, все большим пониманием своего призвания и неуклонным движением в профессию.

Иосиф Моисеевич считал, что игра в оркестре исключительно важна для исполнителя, но, чтобы двигаться вперед, совершенствовать мастерство, необходимо в полном объеме овладеть теорией музыки и сольфеджио. Службу в оркестре я совмещал с по-

сещением музыкальной школы — и небезуспешно: в последнем классе школы на Республиканском музыкальном конкурсе юных исполнителей на духовых инструментах в Укмерге, в номинации кларнет я занял первое место.

Кстати, впоследствии там же, в Вильнюсе, я поступил в музыкальное училище.

Оркестр «Северного городка»

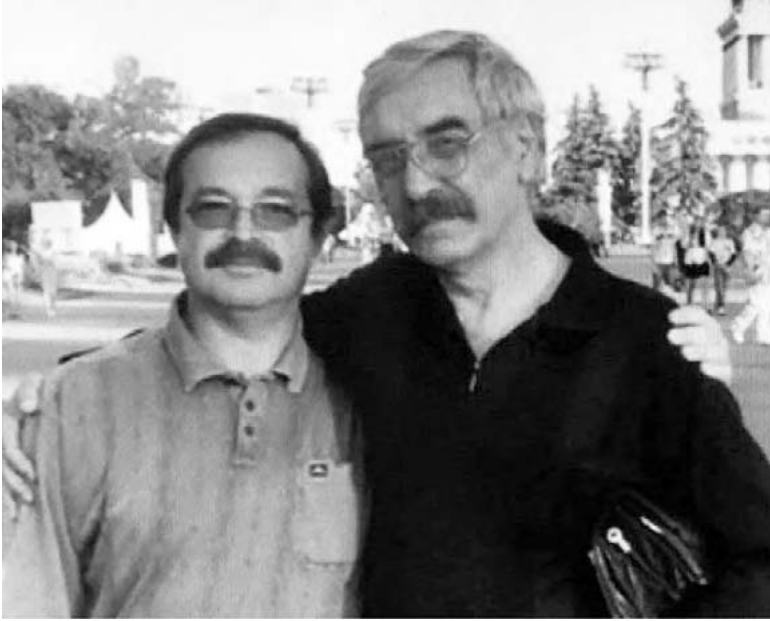
... А тогда, в 1965-м, среди музыкантов я увидел немало воспитанников оркестра — ребят возрастом чуть постарше меня. Среди них был и тромбонист Володя Глушков.

Три года мы с Володей бок о бок играли в этом замечательном оркестре, а в 1969 году пути наши разошлись. Я вернулся в Украину, а Володя продолжал жить в Литве. Со временем он стал руководителем ансамбля народной еврейской песни «Файерлех» («Огонек») — это было огромным, значительным периодом его жизни. Затем работал звукорежиссером на национальном радио и телевидении Литвы. А в беспокойные 90-е ему не нашлось там места. Зная талант Владимира как композитора, аранжировщика и отличного звукорежиссера, его пригласили в Москву, где он работал главным звукорежиссером каналов НТВ Москва и НТВ-плюс.

Московская встреча

Москва-2007

Почти 40 лет спустя, в 2007 году, благодаря возможностям интернета у нас состоялась потрясающая встреча в Москве.

Тогда я спросил моего старого и доброго друга, как получилось, что он, русский парень, вдруг почувствовал любовь к еврейской народной музыке, а полюбив ее, стал писать «еврейские» песни и инструментальную музыку, сделал массу аранжировок для ансамбля «Фаерлех» — коллектива, заслужившего признание и большое уважение знатоков жанра, называемого «клеизмерская музыка»? Не могу дословно воспроизвести ответ Володи — ведь прошли годы — но смысл и атмосферу его рассказа я запомнил очень хорошо и постараюсь воспроизвести его с максимальной точностью... Давайте считать этот разговор небольшим интервью.

«Вопрос и легкий, и непростой. Начну с того, что все было делом случая. В жизни многое происходит по воле случайностей, часто переходящих в очень серьезные вещи. Привела меня в этот коллектив настоящая любовь к красивой, умной и энергичной девушке, участнице танцевальной группы еврейского эстрадного

ансамбля при Доме профсоюзов — Алле, которая впоследствии стала моей женой. Познакомившись с ней в 1969 году, я много раз присутствовал на репетициях ее ансамбля (у которого и названия на тот момент не было).

Я просто сидел, смотрел и слушал, как ребята играют и танцуют. Со многими из них я был знаком — с кем-то ближе, с кем-то только поверхностно... Трудно вспомнить, в какой момент я почувствовал, что еврейский мелос оказался как бы внутри меня и мне это очень нравится. Не буду скрывать, я и Алле хотел доказать, что я человек талантливый и могу творить «на ее территории».

Ансамбль «Фаерлех»

Ну, дальше, Борис, ты уже многое знаешь... Первой своей задачей я посчитал сделать коллектив профессиональным по уровню — а это было непросто: ведь я сам этому только учился. А в первую очередь надо было много трудиться именно мне — для начала переслушать много еврейской музыки — и делать это нужно было быстро.

Не хочу сильно хвалиться, но мы с ребятами достигли многого. Нас поддержало министерство культуры и правительство Литвы, начались гастроли. С гордостью можно сказать, что мы были чуть ли не единственным еврейским коллективом в Союзе. Не мне тебе рассказывать, как тяжело было пробиться, а главное, удержаться на достойной высоте с «еврейской темой» на территории нашей родины. И все-таки мы смогли!

Мы получили приглашение записать пластинку на Всесоюзной фабрике грамзаписи «Мелодия» в Москве. Первая грамзапись вышла под названием «Веселей играй». Потом еще одна. Были многочисленные гастролы по всему СССР. Интересная была жизнь, творческая! В годы перестройки я увлекся фотографией и быстро добился в этом успехов. Если собрать сделанные мною фотографии, они могли бы стать интересной экспозицией, посвященной еврейскому исполнительскому искусству Литвы того времени.

С распадом СССР все рухнуло в одночасье. Я работал звукорежиссером на Литовском радио и телевидении, очень любил Литву и дело, которым занимался, чувствовал себя востребованным человеком, и... Больно рассказывать, но я оказался не у дел».

... Тогда мы долго гуляли с Володей по ВДНХ, сидели в кафе, потом снова гуляли — до самой ночи. Говорили, вспоминали общих друзей по военному оркестру, нашего дирижера И.М. Манжуха, который относился к нам как к родным детям.

На следующий день Владимир показал мне свою студию по озвучиванию фильмов. Помню, как он меня представил своему коллеге и помощнику: «Борис Турчинский — Литва—Одесса—Израиль».

Я впервые оказался по другую сторону кино — до того я понятия не имел, как озвучивают фильмы. А между тем, занятие это требует особых знаний и мастерства. Владимир тут же провел со мной мастер-класс, объяснил, чем он занимается: «В студии звукооператор и звукорежиссер имеют возможность записать, если нужно, любой звук в отдельности и обработать его. Все можно синтезировать на месте, в приспособленном помещении. Для фильма, например, могут быть нужны разные звуки из нашей повседневной жизни. Шум мотора машины или катера, скрип калитки, конский топот, крик чаек или взрывы бомб...»

Кругом компьютерная техника. Рядом — какие-то комнаты: там воспроизводят большие шумы... В общем, интересно, и Владимир, как оказалось, в этом был спец!

Через полчаса демонстрации всего, что хлопает, журчит, хрустит или булькает, Володя отпустил своего помощника и достал магнитофонные бобины. Я сразу догадался, что это его музыка или аранжировки. И не ошибся.

Я долго с большим удовольствием слушал музыку к спектаклям, записи Володиного ансамбля из Вильнюса... Интересно, где сейчас все это богатство?.. — Увы, в интернете можно найти

только небольшой аудиоматериал, который выложил наш общий друг, бывший музыкант ансамбля «Фаерлех» Илья Манжух, за что ему низкий поклон!

Посещение Останкино, где работал Владимир, произвело на меня впечатление. Я видел, с каким уважением к нему относятся окружающие и коллеги.

В тот же день Володя познакомил меня со своей дочкой Ингой, которая тоже работает на НТВ-плюс, и рассказал, что у него еще есть сын, который живет в Израиле. Сказал, что и он сам не раз бывал в нашей чудесной стране и вновь собирается ее посетить. Прощались ненадолго, а получилось — навсегда...

В своем завещании Владимир попросил родных похоронить его в Вильнюсе, где покоятся его родители.

...И сейчас, через много лет, я не могу вспоминать нашу последнюю встречу без волнения. Спасибо тебе, Володя, что ты был в нашей жизни. Спасибо тебе за доброту и талант, который ты посвятил моему народу.

Шел 1971 год...

Это было время тяжелого кризиса в еврейской художественной самодеятельности Литвы. Значительная группа ее участников добилась права репатриироваться в Израиль и покинула СССР. В это трудное время во Дворце культуры профсоюзов Литвы Яков Магид создал новый коллектив: вокально-инструментальный ансамбль еврейской эстрадной песни.

Владимир никакого отношения ни к этому ансамблю, ни к его участникам не имел, ничего не знал ни о еврейском искусстве, ни об особенностях еврейской национальной музыки. В этот ансамбль его, как он сказал, привела любовь — Алла Глушкова, которая через много лет, живя в Израиле, собрала всех, кого смогла, и организовала вечер, посвященный 50-летию еврейского ансамбля «Фаерлех». Самым добрым словом участники встречи вспоминали своего руководителя, Владимира Глушкова.

Я беседую с руководителем танцевальной группы ансамбля Аллой Глушковой.

— Алла, известен факт, что именно ты привела Володю Глушкова во вновь созданный в 70-х годах ансамбль еврейской песни и танца. Как все это было?

«Начинать рассказывать, как это было, наверное, нужно с фразы Володи: «В жизни много исходит от случайностей, часто переходящих в очень серьезные вещи». Так было и в тот раз.

Я танцевала в этом коллективе с 1969 года. Секрет Полишинеля, что у меня в то время был парень, который уехал в Израиль и ждал меня. В компании друзей я отмечала новый, 1971 год в ресторане «Жирмунай», а Володя играл там в оркестре. Правда, до этого мы уже были знакомы по школе, но тогда он меня никак не интересовал. А вот что было дальше — напоминало вихрь, торнадо. Ни одной минуты он не оставлял меня одну. Ухаживание, напоминающее сюжеты голливудских фильмов.

До Вильнюса семья Глушковых жила в Кисловодске. Там Володя учился в музыкальной школе по классу фортепиано. В Вильнюсе, как ты, Борис, уже говорил, Володя был музыкантом военного оркестра «Северного городка». В это же время он окончил музыкальное училище по классу тромбона. Затем его без экзаменов взяли в Литовскую государственную консерваторию на кафедру духовых инструментов. К сожалению, когда мы поженились, он бросил учебу... Хотел быть обеспеченным человеком.

Играл на свадьбах и в ресторанах. К нам домой несколько раз приходил его профессор из консерватории, пытался уговорить Володю вернуться к учебе, но все было бесполезно. Я тоже поддерживала идею продолжения учебы. Но Володин характер надо было знать. Его трудно было переубедить.

Юбилей 50-летия ансамбля прошёл в Израиле

... Прошло огромное количество лет, и празднование 50-летия ансамбля «Фаерлех» состоялось в Израиле. Это был юбилейный творческий вечер-встреча «Концерт воспоминаний».

Идея проведения вечера, посвященного 50-летию ансамбля «Фаерлех», пришла мне в голову в одну секунду. Но до ее воплощения в жизнь предстояла большая напряженная организаторская работа. Прежде всего я взялась за написание сценария. Он должен был быть интересным и содержательным. Надо было найти фотографии и видео, которые, по сути, стали уже историческими. Связаться со всеми нужными людьми, найти спонсоров, привезти из Литвы сегодняшней ансамбль «Фаерлех»...

Каждое слово в текстах и песнях прошло через мое настроенное, мое виденье. На это ушло много времени, бессонных ночей

и масса энергии. Как все получилось — вам судить, но судя по откликам бывших участников ансамбля и поклонников нашего творчества — хорошо, и даже очень. Программа включала в себя песни и танцы, воспоминания участников ансамбля, много фотографий и видеороликов выступлений ансамбля разных лет. Все было очень трогательно».

ВСЕЛЕНА ИГРАЕТ
Ансамбль еврейской народной песни
«Фолькман» (И. Глушков)
Руководитель Владимир Глушков

УРОКИ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

Степан — 1:00	Степан — 1:00
Воспоминания — 1:00	Воспоминания — 1:00
Песня: За Море — 1:00	Песня: За Море — 1:00
Степан на рояле — 1:00	Степан на рояле — 1:00
Степан — 1:00	Степан — 1:00
А. Глушков (1—4), С. Ави и С. Ави (5)	С. Ави (6—8), С. Ави (9)

МЕЛОДИЯ
СЕРИЯ С. 101 (1981)

УРОКИ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

Степан — 1:00	Степан — 1:00
Воспоминания — 1:00	Воспоминания — 1:00
Песня: За Море — 1:00	Песня: За Море — 1:00
Степан на рояле — 1:00	Степан на рояле — 1:00
Степан — 1:00	Степан — 1:00
А. Глушков (1—4), С. Ави и С. Ави (5)	С. Ави (6—8), С. Ави (9)

PLAY MORE CHEERFULLY
«Fayolacha, Jewish Folk Song Ensemble (Vilnius)
Artistic Director Vladimir Glushkov

HINDI FOLK SONGS

Степан — 1:00	Степан — 1:00
Воспоминания — 1:00	Воспоминания — 1:00
Песня: За Море — 1:00	Песня: За Море — 1:00
Степан на рояле — 1:00	Степан на рояле — 1:00
Степан — 1:00	Степан — 1:00
А. Глушков (1—4), С. Ави и С. Ави (5)	С. Ави (6—8), С. Ави (9)

В еврейской музыке, в ее специфике и интонациях он как будто обрел новое дыхание.

... Со временем Глушков стал одним из основных музыкантов еврейского национального ансамбля. Он не только играл на тромбоне, но и аккомпанировал на рояле. Когда в ансамбле появились всевозможные электронно-клавишные инструменты, он и на них научился играть виртуозно. Увлекающаяся натура, со временем он попробовал писать оркестровки — и это ему с успехом удалось.

В еврейском коллективе, в еврейской музыке, в ее специфике

и интонациях он как будто обрел новое дыхание, и вскоре первый руководитель Яков Магид передал Владимиру художественное руководство ансамблем, а сам остался в роли кларнетиста и солиста-вокалиста.

Под руководством нового руководителя ансамбль добился самых высоких результатов. Пробиваясь через барьеры цензуры, ансамбль приносил слушателям звуки радости и надежды, чувство причастности к музыкальной культуре еврейского народа. Ансамбль дал сотни концертов в разных городах Литвы и за ее пределами, участвовал в конкурсе «Вильнюсские башни-75» и стал его лауреатом, затем «Витебская осень-79», «Красная гвоздика-81» и т.д.

С ансамблем охотно выступали еврейские профессиональные певцы и артисты Г. Лев, Б. Ландау и другие. На творческой деятельности ансамбля плодотворно сказалось сотрудничество коллектива с советскими еврейскими композиторами и писателями: З. Компанейцем, поэтом Х. Бейдером, последним еврейским писателем Литвы Б. Гальпериним.

Особенно много, охотно и с удовольствием не только консультировал работу ансамбля, но и содействовал его популяризации московский композитор Владимир Терлецкий. По его рекомендации в 1979 г. Союз композиторов СССР пригласил ансамбль под руководством Глушкова выступить в Москве. Концерт прошел с огромным успехом. Терлецкий добился права записать еврейскую музыку из репертуара ансамбля на студии грамзаписи «Мелодия». Так были созданы два виниловых диска-гиганта: в 1981 г. — «Шпил мер» («Сыграй еще...») и в 1984 г. — «Дэр аройсганг фун ди штерн» («Восход звезд»).

Музыка к спектаклям

Владимир Глушков написал прекрасную музыку к спектаклям Еврейского народного театра — «Скоморохи из Брода» и к комедии «Развод по-еврейски». «Скоморохи из Брода» в 1988 г. были показаны по Литовскому телевидению. Уточним, что первым спектаклем с музыкой Владимира был «Рейзеле».

***

Историческая память нашего народа хранит много тяжелых, непростых моментов. То, что в Литве (впрочем, как и во многих

других республиках СССР) евреев не жаловали, привело к тому, что к 50-м годам прошлого века в Вильнюсе, практически, не осталось очагов еврейской жизни. Еврейские школы, театры и газеты были закрыты, книги еврейских писателей не публиковались, сами писатели были репрессированы или уже расстреляны.

Однако еврейское самосознание и на этом фоне дало ростки. Так, в 1956 году в Вильнюсе возник народный ансамбль еврейского искусства. Еврейские напевы на почти запретном языке теперь не просто напевали бабушки за закрытыми дверьми — они зазвучали со сцены. Публика удивлялась и рукоплескала.

Труппа состояла из 180 артистов. Молодые, задорные, отчаянные — они поверили в то, что все теперь будет по-другому, что раз они с таким успехом гастролируют по Литве и всему Союзу — значит, они могут менять реальность и дальше. Труппа путешествует на собственных автобусах, возит с собой не только декорации и костюмы, но и продукты. А в продуктах — запрещенную сионистскую литературу: учебники иврита, брошюры об истории Израиля, о еврейских традициях, иудаизме. Их везде принимают с восторгом, им рукоплещут, они верят в то, что они защищены и неподсудны. С 1956 по 1971 год ансамбль дал 280 концертов, на которых побывали 250 тысяч зрителей...

Когда украинский КГБ запретил их выступление в Киеве, они отправились в Бабий Яр и выложили на земле огромный Маген Давид из цветов и опавших осенних листьев. Эту акцию они повторили на 9 Ава в 1971 году в Литве: собрали 500 человек и отправились пешком в Панары, на место массового расстрела евреев. Там они снова выложили шестиконечную звезду, прочли поминальную молитву, а потом пешком отправились в Вильнюс. Восьмерых зачинщиков этой акции задержали и приговорили к 9 суткам ареста. Но сразу отпустили — первый секретарь ЦК КП Литвы Снечкус, узнав об этом, отреагировал резко: «Пока я жив, процессов над евреями в Литве не будет».

Дальше тоже не все развивалось гладко — теперь уже по другой причине: группа участников еврейской самодеятельности, оставшаяся в Вильнюсе после массовой репатриации в начале 70-ых годов, переживала шок: казалось, дни самодеятельности сочтены и все то, что было создано за 15 лет трудом талантливых руководителей, энтузиазмом и трудом сотен участников самодеятельности — хор, оркестр, Ансамбль еврейского народного танца, Народный театр — все это, казалось, было обречено на

развал и быстрое исчезновение...

На фоне таких пессимистических прогнозов о дальнейшей судьбе еврейской самодеятельности Вильнюса и появился новый коллектив — вокально-инструментальный ансамбль еврейской песни (ВИАЕЭП) Якова Магида. Объединив вокруг себя нескольких еврейских музыкантов-инструменталистов и вокалистов, он, как говорится, оказался в нужное время в нужном месте.

Поначалу консервативная публика, привыкшая к еврейскому «народному», как считалось, звучанию струнного оркестра, без энтузиазма отнеслась к новшеству. Джазовый состав оркестра, да еще в соединении с ультрасовременными в то время электромузыкальными инструментами, да еще с широким набором ударных — это, с точки зрения скептиков, казалось посягательством на еврейскую традицию. Но вскоре стало ясно, что эстрадный ансамбль, созданный Я. Магидом, не только прекрасно вписывается в клейзмерские традиции еврейской музыки, но и делает ее звучание сегодняшним, глубоко волнующим и заражающим современными ритмами. Еврейская музыка и песня одержали победу над скептицизмом и недоверием.

К концу 1972-го года сформировался основной состав ансамбля:

Первыми были: ударник Йосиф Яновер, бас гитара Нема Хулин-Рабкин, скрипач Муля Глейзер, далее Магид — вокал, кларнет, саксофон, В. Глушков — фортепиано, тромбон, Ф. Герман (а затем Л. Шапиро) — электрогитара, Г. Кравец — ударные, А. Траубас — скрипка, Б. Кирзнер — скрипка, С. Либенштейн — скрипка. С ансамблем сотрудничали Г. Либенштейн, И. Браузас, И. Манжух, Ж. Ривина, Х. Каб, Ф. Курас и др. Вскоре к ансамблю пришло признание еврейской публики, а в 1975 г. коллектив был признан лучшим аккомпанирующим ансамблем республики на конкурсе «Башни Вильнюса». На то время руководителем ансамбля уже был Владимир Глушков.

Публике понравилось и запомнилось оптимистическое название нового ансамбля — «Файерлех» («Огоньки»), но, как выяснилось, по цензурно-бюрократическим причинам коллектив не мог пользоваться названием, поэтому ни в афишах, ни в программках ВИАЕЭП того времени название «Файерлех» не упоминается. Тем

не менее, и участники коллектива, и зрители всегда, говоря об этом ансамбле, вместо длинного названия или сложной аббревиатуры произносили короткое веселое слово «Файерлех».

Официально же оно впервые появилось 10 лет спустя на грампластинке-гиганте, где коллектив «Файерлех» записал 11 песен. Эта грампластинка увидела свет при неограниченной помощи московского композитора Вл. Терлецкого, который активно содействовал популяризации ансамбля. Возможно, что для того, чтобы обойти цензурные препятствия, Терлецкий заменил название «Вокально-инструментальный ансамбль еврейской эстрадной песни», которое могло не понравиться цензорам, на «Ансамбль еврейской народной песни». И чтобы уж окончательно усыпить бдительность цензоров, добавил негласное название ансамбля — «Файерлех». В результате удалось почти невозможное: самодеятельный еврейский ансамбль выпустил свою пластинку-гигант, тираж которой мгновенно раскупили, сделав популярным его название и в СССР, и за рубежом. Позднее название «Файерлех» появилось на афишах и в программах.

Представляю читателю дочь Владимира Глушкова, Ингу Глушкову.

— Инга, мы с тобой познакомились в 2007 году на студии Останкино, где вы с отцом работали. Надо сказать, что я сразу почувствовал вашу духовную близость. Никогда не забуду фразу, сказанную Глушковым, когда он нас знакомил: «Это самый светлый и близкий мне человек, мое продолжение».

— Я окончила Институт Телевидения и Радиовещания в Москве. Кстати, работать на телевидении и в кино начала еще до поступления в вуз. До сих пор, уже 16 лет, работаю старшим звуко-режиссером на первом в России цифровом канале НТВ+ и самом рейтинговом спортивном канале МатчТВ. Периодически работаю в кино над сериалами. Работой своей очень дорожу и люблю ее.

— **Кем для тебя в жизни был твой папа? Мне показалось, он тебе больше чем просто отец...**

— Я невероятно горжусь своим папой, до сих пор безумно его люблю и уважаю — как человека, как невероятно талантливого специалиста, как музыканта, как мудрейшего наставника, очень тонкого и грамотного учителя и самого лучшего в мире отца! Вы правы, для меня он был лучшим другом, учителем, примером для

подражания, самым лучшим папой! Как многому он меня научил и как много я еще не успела у него спросить, узнать, посоветоваться. Папа был для меня лучшим другом, который всегда даст правильный совет и рекомендации. Он всегда шел в ногу со временем, бесконечно развивался, постоянно общаясь и подтягивая молодежь за собой! До сих пор армия его учеников вспоминает про сильного, справедливого наставника, человека, который и им был как отец...

— Инга, по мере твоего взросления, понимала ли ты, что у тебя талантливый отец, что он очень известен в музыкальных кругах Литвы?

— Конечно! В Вильнюсе мы жили в Старом городе, в самом центре. Сколько себя помню, у нас всегда дома было много народу, всегда звучала музыка, песни (причем песни еврейские). Папа с Яшей Магидом что-то слушали, переслушивали, без конца спорили, все думали, как сделать звучание более интересным. А мы с братом сидели, не мешали, наблюдали за всей этой «движухой». На концерты «Фаерлех» ходили, конечно, всегда всей семьей. Первый раз нас взяли с собой, когда нам с братом было где-то около двух с половиной лет. Помню, как нам нравилось все это веселье, атмосфера, танцы...

— Мне как другу хорошо известен период его жизни в Литве. Но я мало знаком — думаю, и мои друзья тоже, — с московским периодом его жизни и деятельности. Ты как никто другой можешь нам об этом рассказать.

— Когда мы переехали в Москву, папе очень повезло, что на телевидении только-только начал образовываться канал «НТВ-Плюс» и его сразу взяли в штат. Он свою работу обожал, очень дорожил ею, поэтому, наверное, и поднимался по карьерной лестнице, через 2 года став главным звукорежиссером телеканала. Параллельно еще очень много работал в кино и сериалах.

Назову лишь некоторые фильмы с его участием: сериалы «Паутина», «Полет аиста», «Московские дворики», «Одиночество любви», «Бесы», «Обрыв», «Следопыт», «Дети белой богини», «Такова жизнь», «Аннушка», «Голос матери». Папа сотрудничал с такими известными режиссерами, как Феликс Шультеес, Владимир Щегольков, Владимир Краснопольский, Владимир Златоустовский, Ходжакули Нарлиев, Александр Павловский, с композитором Валерием Гаврилиным, сценаристом и режиссером Виктором Мережко и другими.

На вопрос о его друзьях в Москве и в других городах России ответить затрудняюсь. У папы было много друзей из кино, ТВ и шоу-бизнеса, всех и не перечислить, а кто-то может даже обидеться! Поэтому просто скажу, что папиными друзьями в России были очень известные творческие люди.

— Расскажи нам о своих впечатлениях от творческого вечера по случаю 50-летия ансамбля «Фаерлех».

— Когда нас с мужем пригласили в Израиль на празднование, мы очень обрадовались. Во-первых, очень красивая страна, мои

любимые родственники, друзья, вкусная еда и море. Что может быть лучше?! Во-вторых, детские воспоминания, связанные с еврейской культурой. Концерт был очень классным, шикарно организованным (Алла и Жанна, низкий поклон вам!). Столько эмоций, столько новых и старых друзей со всего мира, просто нет слов... Как будто окунулась в детство. Море фотографий, новых знакомств, масса эмоций на всю жизнь!..

Кларнетист Илья Манжух (Нюрнберг):

Шалом алейхем, дорогие зрители и потомки! Чтоб вы были здоровы, и пусть вас всегда преследует Удача! А самая главная удача в нашей жизни — понимать — кто ты и откуда твои корни, куда бы тебя ни забросила судьба!

Конечно же, идеи и программы нашего поколения уже в прошлом, и другие артисты продолжают радовать публику и сохранять еврейское искусство идиш. Но главное, что удалось сделать нам, — зажечь на пространстве бывшего СССР огоньки идиш культуры, которые и по сей день горят в наших сердцах. И хоть сейчас мы разбросаны по всему миру, нас объединяет память тех дней и ночей и согревает костер воспоминаний о том, как создавались ансамбль еврейской песни и танца «Фаерлех» и другие еврейские коллективы в Литве.

Мне было интересно и приятно работать с артистами ансамбля. С каждым годом коллектив становился все профессиональнее. Несомненно, это была целиком заслуга Володи Глушкова.

Атмосфера в коллективе была эмоциональной и творческой. Спорили до хрипоты, как исполнять то или иное произведение. Истина рождалась не всегда быстро, но всегда достигалась.

Истинным знатоком языка идиш и прекрасным исполнителем еврейских песен был Яша Магид. Великолепным певцом был и Файвл Курас. Прекрасно пели Галя Могельницкая, Мена Горнштейн, Сергей Либенштейн, Хона Кабас. Я застал таких великолепных инструменталистов, как Марик Рабкин, Леня Шапиро, Гриша Кравец, Муля Глейзер, Амос Трауб. Если я кого-то забыл, прошу прощения и надеюсь, что вы поправите меня.

Файвл Курас — солист-вокалист:

Ансамбль «Фаерлех» действительно добился прекрасных успехов не только в Литве, но и на всесоюзном эстрадном уровне. В Литве на конкурсе «Vilniaus bokstai» я выступал в качестве солиста, пел песню Володи Глушкова «Сердце» на стихи Эдуардаса Межелайтиса. Дошли мы до второго тура, где ансамблю было присуждено звание лауреата. Это было в 1979 году. Ровно через два года, в 1981-м, мы стали лауреатами конкурса «Красная гвоздика».

Стелла Аврутин, артистка танцевальной группы первого состава, — о праздновании 50-летия «Фаерлех» в Израиле 26 мая 2019 (Бат-Ям, Израиль):

— «Фаерлех», огоньки детства и юности, вечные огоньки в сердце моем. Помню всех, кого встретила вчера, — такие родные, будто не прошло 30 лет... Алла, Жанна, Галя с Сережей, Римма, Ася с Мишей, Файва, Лиза. А скольких не хватало... Майя, Фиола, Мишка, Арик, Рома, Олег, Софочка, Гриша, Вадим и, конечно, Аня... Нестареющая кадриль каждым притопом и аккордом отзывается в каждой точке тела, песни на идиш разливаются теплом родных голосов. Комок в горле: это мой первый концерт в роли зрителя.

Вихрь воспоминаний длиною в восемь лет (кажется, в детстве время бежало медленнее). Начало — в детской группе с Аллой, гордость и волнение при переходе во взрослую группу к Ане, репетиции, прогоны, выступления и последние пару лет — гастроли: Баку, Тбилиси, Рига, Варшава, Лодзь, Копенгаген, Москва, Свердловск. Фаерлех — огоньки мои... Песни под гитару в автобусах и поездах, ночь на московском вокзале, посиделки несмотря на полуобморочное состояние после двух концертов подряд, истории, шутки, танцы...

Фаерлех — огоньки мои, спасибо, что вы были в моей жизни. Спасибо, что вы есть. Спасибо, что остаетесь навсегда со мной.

Продолжая традиции

Традиция — это жизнь прошлого в настоящем. Традиция — это память и продолжение художественной культуры. Владимир Глушков, «русский парень с еврейской душой», сумел

заложить профессиональные основы национальной еврейской культуры, незаслуженно отодвинутой на дальний план многонационального советского государства. Низкий русский поклон тебе, Владимир, от еврейской диаспоры Литвы и от всех любителей задушевной и веселой, грустной и жизнерадостной еврейской музыки!

Израильская мечта Евгения Егудина (к 30-летию творческой деятельности)

Намерение писать о музыкантах из постсоветского пространства, сделавших успешную карьеру в Израиле, родилось у меня в ту самую минуту, когда шеф-редактор российского музыкального журнала «Оркестр» Анатолий Дудин произнес: «Вы, Борис, там на месте, вам и карты в руки. Это очень интересует редакцию журнала и его читателей».

Одним из таких талантливых, успешных и состоявшихся на «новой земле» музыкантов является Евгений Егудин.

О Жене я, конечно, знал из рассказов моих друзей-коллег, музыкантов-духовиков высокого класса – Михаила Гурфинкеля, Григория Глузмана, Гены Турчинского, Миры Меерович, Михаила Городецкого и других – и все не раз отмечали высшую степень его профессионализма. К тому же мне не раз приходилось слушать его в составе оркестра на концертах, наблюдать в жюри израильских конкурсов юных исполнителей, в которых участвовали и мои ученики. Заочно я был готов к встрече – а вот лично познакомиться не удавалось. И вот, как говорится, час настал.

Меня как публициста увлекло желание найти «белые островки» его биографии – творческой и личной. К сожалению, в интернете мне не удалось найти достаточно материала (есть публикации только на белорусских интернет-ресурсах), и я решил пойти уже проторенным мною путём – познакомиться лично и взять интервью у своего нового героя.

Встреча с первым кларнетистом израильского симфонического филармонического оркестра должна была состояться в Тель-Авиве, в кафе, расположенном прямо в здании его работы. Я был слегка взволнован, меня одолевали разные вопросы. Каков он в реальной жизни? Найдём ли мы общий язык?..

... В первую очередь, общей оказалась любовь к кофе! Это сблизило нас, настроило на одну волну и помогло с лёгкостью начать беседу!

...Передо мной сидел очень приятный человек с милой улыбкой, молодой, лет сорока (позже я узнаю, что он несколько старше). Мой собеседник был прост в общении, с ним было легко разговаривать – и мы быстро перешли на «ты». Говорил он мелодично, увлеченно и убедительно, негромко, не переходя на «крецендо». Наша беседа то и дело прерывалась шутками, не ощущалось ни капли натянутости, хотя я ни на секунду не забывал, что рядом со мной – уникальный музыкант, имя которого хорошо известно далеко за пределами Израиля.

Интервью

– Евгений, ты родился в семье музыкантов. У вас династия?

– Не совсем. Бабушки и дедушки к музыке отношения не имели. А вот родители мои и брат Яков – да! Брат был чудесным пианистом и прекрасно воспитанным человеком... Увы, ему было всего 28 лет, когда он ушел из жизни.

Родители мои были уважаемыми преподавателями в Центральной музыкальной школе №1 города Минска. Мама, Валентина Яковлевна, по специальности пианистка, а отец, Владимир Юльевич, преподавал баян и аккордеон, был завучем в школе.

Папины корни из-под Смоленска, мамыны – из Белоруссии.

– У тебя был выбор – или?..

– Выбора, Борис, честно говоря, у меня не было. Конечно, я сопротивлялся – наверное, как и все мальчишки, хотел гонять в футбол, но...

В шесть лет я стал заниматься на фортепиано. Моя учительни-

ца была из очень известной династии музыкантов. Звали ее Бетти Борисовна Фидлон, и она была мамой гениального и известнейшего виолончелиста В.П. Перлина. Из класса Перлина за годы его преподавательской деятельности вышла плеяда известных музыкантов: А. Киселев, В. Синькевич, К. Злотников и др. Он и сегодня в полном здравии, профессор Белорусской академии музыки, засл. арт. республики Беларусь.

Но с его мамой у меня отношения не сложились. Бетти Борисовна могла взять мой мизинец и до боли нажать им на клавиши, говоря, что у меня он должен быть сильным. Не помню, как я это рассказывал дома, но меня перевели в класс моей матери. На каком-то этапе родители решили, что пианистов много и выделиться среди них, даже при большом таланте и трудолюбии, очень сложно. Вот духовой инструмент – другое дело. Но какой...

Хороший друг семьи, флейтист, стал уговаривать родителей отдать меня на флейту. А другой друг семьи – на кларнет.

Надо сказать, что родители с пяти лет водили меня на все концерты филармонии. Я прислушивался к звучанию всех духовых инструментов. И мой собственный вердикт был однозначен: кларнет, – что, видимо, обрадовало родителей.

В десять лет параллельно с фортепиано я стал заниматься на кларнете и в дальнейшем закончил музыкальную школу по двум инструментам.

Мой первый учитель по кларнету – Ефим Львович Мазелев, замечательный человек, впоследствии ставший мне старшим товарищем. До преподавательской работы он играл в симфоническом оркестре Белорусской филармонии. Светлый человек! Именно он сумел убедить моих родителей, что кларнет – это правильный выбор, это мой инструмент.

В то время Ефим Львович был уже в возрасте. Я часто бывал у него дома. Встречал он меня всегда ласково и с улыбкой, любил чем-нибудь угостить. Как-то он сказал отцу, что я играю так, что ему мне даже нечего подсказать. Фразировка, дыхание, техника, качество звука – все на месте. А это был только второй год обучения. На этом этапе я занял первое место на Республиканском конкурсе юных исполнителей в Гомеле. Мне было 12 лет, а там были ребята намного старше меня, некоторые – из музыкального училища. Председателем жюри был известный гобоист, музыкант союзного значения Борис Николаевич Ничков. Это был авторитетный человек, и он не давал меня в обиду. Дело в том, что в

Белоруссии тоже существовал еврейский вопрос – может, не так явно, как в Украине, но он был, и при приеме в учебные заведения и на конкурсах это ощущалось.

Мне очень хотелось учиться в музыкальной школе-десятилетке, однако по многим причинам это долго не случалось. Но в 8 классе я всё-таки туда попал. Конечно, это сыграло серьезную роль в моем музыкальном воспитании.

– Евгений, знаю, что срочную службу ты проходил не в простом военном оркестре Советской армии, а в учебном оркестре военно-дирижёрского факультета при Московской консерватории...

– Да, именно там. Дирижёром был майор Подгорбунских Владимир Александрович. Музыканты оркестра – профессионально подготовленные специалисты, с отличной практикой чтения с листа. Такая у них специфика работы: приходят все новые курсанты факультета и каждый приносит свою партитуру... Прослушав меня, дирижёр оркестра назначил меня концертмейстером группы кларнетов.

Удивлю, может, наших читателей, но я как-то с детства не очень любил играть в духовых оркестрах. Меня больше притягивала игра в камерных ансамблях, симфоническая музыка.

А впечатления после службы остались хорошие – от друзей, от Москвы, с ее музыкальными коллективами и возможностью их послушать и увидеть. Полезное было время, чтоб повзрослеть и обдумать свои дальнейшие шаги в жизни.

– Ты приехал в Израиль в 1991 году молодым человеком и сделал блестящую карьеру. Расскажи об этом.

– Прилетел в Израиль в девяносто первом году, 28 марта, после войны в Персидском заливе. Все было непросто. В кармане 300 долларов, ни иврита, ни английского, ни кларнета. Пока мы не нашли съемную квартиру, нас временно приютила мамина подруга в Кфар-Сабе. Инструмент вывезти было нельзя. В Минске я играл на стареньком «Селмере», и для того времени это было неплохо. На таможне в Беларуси нам было конкретно сказано, что вывезти можно только инструменты Ленинградской и Киевской фабрики (это были еще те инструменты!), любой же импортный – нельзя.

От автора

Надо сказать, я тоже был в такой ситуации. Чтобы вывезти свой кларнет «Ноблет», мне надо было ехать во Львов, где находилась экспертная комиссия, которая выносила решение, представляет этот инструмент ценность для страны или нет. Сейчас смешно вспоминать...

Евгений продолжает.

– Патриотизм у меня зашкаливал... Я хотел жить именно в Израиле. То, что я еврей, я знал с шести лет – знал это в автобусе, на улице, в школе – везде. Дома мне внушали, что я должен быть на десять голов выше других, чтобы добиться успеха в жизни.

Учебу я продолжил в израильской Академии музыки в Тель-Авиве.

Хочу подчеркнуть, что в Израиле своим учителем считаю Мордехая Рейхтмана, фаготиста, дирижёра, музыкального аранжировщика, превосходного музыканта, у которого есть чему поучиться не только духовикам.

В 1992 году я был принят в состав оркестра «Israel Sinfonietta Beer Sheva», на пост концертмейстера группы кларнетов. Работал – и... десять лет ждал момента, когда объявят конкурс в филармонический оркестр.

Я был этим одержим. В конце концов, мечта и упорный труд помогли мне – но об этом чуть позже. А до этого, в 1991 году, я получил стипендию для молодых музыкантов фонда Франсуа Шапира (культурный фонд Америка-Израиль). В 1994 году стал первым кларнетистом в истории Израиля, победившим на конкурсе исполнителей на духовых инструментах. В этом же году стал преподавателем Академии Рубина в Иерусалиме и Музыкальной школы Бухманна-Меты при Университете Тель-Авива.

Звёздный час

2001-й был решающим годом для моей дальнейшей профессиональной судьбы. Произошли два важных события. Во-первых, были отобраны четыре (вместе со мной) кандидата на первый кларнет в оркестр Израильской филармонии.

Во-вторых, в это же самое время в Израиль приехал Юрий Башмет, и Зубин Мета должен был решить, кому дать с ним соло. К моему большому счастью, он дал его мне!

Мы исполняли двойной концерт Макса Бруха. Дирижировать должен был Курт Мазур, но он заболел, и его заменил дирижёр Иоэль Леви.

А в 2002 году я прошел по конкурсу в Израильский филармонический оркестр под руководством всемирно известного дирижёра Зубина Меты и одновременно стал концертмейстером группы кларнетов. Об этом можно долго рассказывать, но если коротко — это был мой звёздный час. Когда я сыграл конкурсное прослушивание, в зале раздался возглас: «Я его знаю!» Это был Зубин Мета, сидевший в зале со всеми музыкантами.

К этому конкурсу я готовился усердно, занимался по многу часов в день. В прослушивании принимал участие весь оркестр, претендентов оценивали тайным голосованием, и я получил больше всех голосов.

Израильский филармонический симфонический оркестр.
Дирижёр Зубин Мета

– Знаю, что из духовиков в вашем оркестре только два музыканта – из постсоветского пространства...

– Да, Борис, и много лет в штате оркестра я был единственным представителем постсоветского «духовенства». За 65 (на тот момент) лет существования коллектива только недавно к нам взяли прекрасного гобоиста Диму Малкина.

Справка (2021 г.)

В числе музыкантов Израильского филармонического оркестра немало выходцев из бывшего СССР: скрипачи — уроженец Новосибирска Илья Коновалов и Александр Штарк из Вильнюса, альтист, уроженец Санкт-Петербурга Роман Шпицер, виолончелист Марсель Бергман из Украины, арфистка Юлия Ровинская из Санкт-Петербурга и другие.

Из истории оркестра

Первым концертом Израильского филармонического оркестра, состоявшимся 26 декабря 1936 года в Тель-Авиве, дирижировал выдающийся итальянский дирижёр Артуро Тосканини.

В 1958 г. оркестр был удостоен Государственной премии Израиля. Индийский дирижер Зубин Мета, пользующийся мировой известностью, в 1968 г. был приглашен в качестве музыкального советника Израильского филармонического оркестра, а в 1977 г. стал его главным дирижером и музыкальным руководителем (в 1980 г. избран пожизненно). С оркестром выступали знаменитые дирижеры и солисты того времени – такие, как Алан Буш, Пьер Монте, Бернардино Молилари, Герман Шерхен, Яша Хейфец, Артур Рубинштейн, Леонард Бернстайн, Сергей Кусевицкий, Иехуди Менухин, Айзек Стерн.

С 1992 года должность почетного приглашенного дирижера оркестра занимал выдающийся немецкий дирижер Курт Мазур.

Сегодня оркестр возглавляет молодой дирижер и пианист Лавхав Шани, победитель Международного конкурса дирижёров им. Густава Малера в Бамберге.

Израильский филармонический оркестр ежегодно совершает зарубежные турне (США, страны Западной Европы, Южной Америки, Дальнего Востока, Австралия, Новая Зеландия, Египет и др.). До 1967 г. с оркестром выступали многие крупные советские музыканты – в том числе Яков Флиер, Давид Ойстрах, Игорь Ойстрах, Лев Коган, Лев Власенко, Валерий Климов, Мстислав Ростропович, Галина Вишневская, Геннадий Рождественский, Дмитрий Башкиров и другие. Но первые гастролы Израильского филармонического оркестра в СССР состоялись в 1990 г.

От автора

За время обучения в Белорусской академии музыки Евгений Егудин дважды становился лауреатом Первой премии национальных конкурсов.

Выступал как солист и в составе камерных ансамблей с такими музыкантами, как Юрий Башмет, Набуко Имаи, Елена Башкирова, Гай Браунштайн, Гари Хоффман, Стивен Ковацевич.

Принимал участие в международных фестивалях камерной музыки в Иерусалиме, Туне и Роландсеке.

– Евгений, ты мне рассказывал о своем участии в международном конкурсе...

– Я участвовал в международном музыкальном исполнительском конкурсе в Мюнхене, проводимом немецким телеканалом ARD. Но... Как-то там все не сложилось.

На первом туре было 60 человек. Прослушивание продолжалось с утра до вечера. Прослушивали пятерками – и сразу объявляли результаты.

Я получил от зрителей такие овации, что мне пришлось три раза выходить на сцену кланяться – чего на конкурсах обычно не происходит. Я до сих пор считаю, что это было одно из лучших моих исполнений в жизни.

Впечатление от моей игры у тех, кто меня слушал, тоже было хорошее. Однако на второй тур меня не пропустили. Возможно, я не совсем объективен... Но вместе со мной не пропустили, например, такого замечательного кларнетиста, как Игорь Бегельман, который на самом престижном конкурсе в Женеве завоевал 2 место, – а это конкурс, на котором редко дают первые места. Не пропустили еще несколько потрясающе сильных ребят, и выглядело всё это очень странно.

Что сказать?.. Все, что с нами происходит, – должно произойти. А больше я в международных конкурсах не участвовал: репатриация – надо было на месте самоутверждаться, да и возраст подошёл неконкурсный. В моей копилке – победы на двух белорусских конкурсах и одном Всеизраильском.

«Играет как на пластинке»

– Женя, я немного переведу вектор нашего разговора... Мой брат, фэготист Геннадий Турчинский, узнав, что я пишу о тебе очерк, очень обрадовался: «Женю я первый раз услышал, когда он был совсем юным человеком и проходил аудицию в Тель-Авивский симфонический оркестр, где я в то время работал (сейчас этого оркестра нет, в 90-е годы он был создан специально, чтобы предоставить работу новым репатриантам-музыкантам). Мы слушали его всем оркестром. Его игра была идеальна: ничего лишнего, каждый штрих и нюанс – всё было на своём месте. Потрясающий, завораживающий звук, безукоризненная техническая точность. Помню, кто-то из музыкантов сказал: «Играет как на пластинке».

Пришлось мне поработать с ним и в Беэр-Шевской «Симфониетте», где Женя проработал много лет концертмейстером группы кларнетов. Работать в одном коллективе с таким Мастером – огромная часть профессионального счастья».

– Борис, спасибо Гене, что напомнил эти давние события и первые мои попытки вжиться в израильскую музыкальную среду.

Первый год я был без работы и занимался тем, что убирал офис страховой компании (кстати, был там не худшим работником). Однажды после швабры и метлы пришел сыграть аудицию в Тель-Авивский симфонический оркестр репатриантов. Моя цель была, чтобы меня услышали и узнали, что есть такой кларнетист Егудин. Всем моя игра понравилась, но места для меня не было. Мне в один голос сказали, что надо готовиться к прослушиванию в филармонический оркестр. Вообще, тогда отсутствовали места кларнетистов во всех израильских оркестрах.

Позднее такое место освободилось в Раанане. Вакансия на второй кларнет. Я был рад уже тому, что могу там сыграть, т.е. еще раз засветиться.

Борис, поверь, я здорово сыграл, и... меня не взяли.

Я продолжил усердно убирать страховое агентство.

Позднее музыканты мне сообщили, почему меня не взяли в Раанану. Дирижёром там был Ярухам Шаровский, который сказал после прослушивания: «Мне нужен второй кларнет, Егудина я возьму – и через неделю он от нас уйдет».

Несмотря на все это, я уверенно смотрел вперёд. Уборка и занятия на кларнете меня очень поддерживали в то время. Уборка – хоть какой-то заработок, кларнет – моё будущее, моя надежда. И он меня не подвёл!

Вот такую историю мне напомнил твой брат. Большой ему привет и громадное спасибо.

– Ты выступал и выступаешь с без преувеличения великими дирижёрами. С кем работалось лучше всего? С кем ещё хотелось бы поработать?

– Озвучу то, что за 20 лет мне больше всего запомнилось и чем я был больше всего восхищен. Ну конечно, Зубин Мета – это даже можно не обсуждать. Запоминающаяся работа была с такими дирижерами, как Курт Мазур, Риккардо Мути, Валерий Гергиев, Кирилл Петренко, Алан Гильберт, Юрий Термиканов, Густаво Дудамель... Хотелось бы сыграть с такими известными дирижёрами, как Саймон Райтлом, Пааво Ярви. К сожалению, не пришлось встретиться с недавно ушедшим Марисом Янсонсом...

Повторить бы на бис работу с Кириллом Петренко. Скажу два слова о нем: это уникально одаренный дирижер, тонко чувствующий музыку. Оркестр под его управлением преобразуется и играет на голову лучше, чем обычно. До недавнего времени Кирилл был музыкальным руководителем и главным дирижёром Баварской государственной оперы, сегодня он – главный дирижёр Берлинского филармонического оркестра.

– Не могу не спросить о всемирно известном нашем израильском дирижёре...

– Наши отношения с Зубином Метой были построены на обоюдной симпатии. Он меня полюбил изначально, и я это чувствовал во многих проявлениях – как во время работы, так и просто в общении. Я, наверное, понравился ему ещё тогда, когда играл «Audition Solo». Тогда он сказал окрылившую меня фразу: «Проблемы с кларнетами у меня в будущем быть не должно».

– На каком инструменте играет первый кларнетист филармонического оркестра Израиля?

– Мой первый кларнет был Буффе R-13. Сейчас я играю на

Буффе-Артист (это инструмент особого статуса). Питаю большую симпатию к чилийскому кларнету «Луис Росси». У нас в оркестре имеются кларнеты этой фирмы строя до, ре и бас-кларнет, и сам я на нем долго играл, пока под меня не усовершенствовали кларнет Буффе – но это отдельная история.

По цене и качеству, думаю, для всех хороши кларнеты «Буффе-Фестиваль» и «Престиж», а также «R-13»

– Твои личные корифеи в мире кларнета?

– Иван Пантелеевич Мозговенко, Чарльз Найдик и Мартин Фёрст.

И.П. Мозговенко был частым гостем Минска, где его хлебо-сольно и с уважением принимали. Он любил приезжать к нам.

Сейчас воспоминания меня вернули в 1984 год, когда я учился в средней специальной музыкальной школе при Белорусской консерватории (сегодня это «Республиканская гимназия-колледж при Белорусской государственной академии музыки»).

Мне 15 лет. Мастер-класс Маэстро в Минской государственной консерватории. Я вышел на сцену, чтобы сыграть Большой концертный дуэт К.М. Вебера, но Иван Пантелеевич меня остановил и попросил сыграть гамму си-мажор. От неожиданности я, играя, запнулся, а Мозговенко безапелляционно заявил: «Ну, если этот юноша не знает такой несложной гаммы – наверное, нет смысла слушать его дальше, с ним все ясно». В шутку или всерьез это было сказано – не понял никто из присутствующих, включая моего учителя Лунина. Это была горькая минута для меня: все происходило при большой аудитории, в зале – практически, все кларнетисты Минска, а может быть, и не только Минска...

Но мой учитель Григорий Михайлович Лунин рьяно за меня заступился (возможно, сыграл тот факт, что он был учеником Мозговенко в институте им. Гнесиных). «Нет-нет, Иван Пантелеевич, – обратился он к своему учителю, – вы обязаны послушать этого юношу». Послушав меня, Мозговенко сказал: «Оценка «отлично!» Сыграл я действительно очень хорошо.

...Очень многому я научился у Геннадия Ивановича Забары! Он в моей жизни тоже очень важная фигура, Учитель. Я до сих пор использую многое, чему сам научился у него, и передаю его уроки своим ученикам.

– Женя, не совсем удобный вопрос. Не захочешь отвечать – сделаем «тацет». Твои блестящие творческие успехи — это что: дар Божий или упорный труд?

Одно без другого не существует – но, скорее, первое. Мне всегда все легко удавалось. Хотя не хочу утверждать, что я не прилагал к этому усилий.

А хорошо бы и то, и другое – тогда успех обеспечен!

– Какие твои любимые композиторы и что сейчас на пульте маэстро?

– Квинтет Брамса. Он у меня всегда в футляре. А еще Сонаты и Партии Баха в переложении для кларнета.

– Евгений, ты – высокопрофессиональный, опытный, результативный педагог. Накопленные знания, навыки и собственную концепцию преподавания ты реализуешь в своих учениках...

– Я много лет преподавал в Иерусалимской и Тель-Авивской академиях. Сейчас преподаю только в Тель-Авивской (уже на протяжении 20 лет). Мои ученики играют во всех оркестрах Израиля, чем я горжусь. Есть лауреаты израильских и международных конкурсов. Назову их:

Йонатан Адас – филармонический оркестр

Шира Элисаф – Иерусалимская Камерата

Нир Маром – Иерусалимский симфонический оркестр

Томер Орнан – Хайфский симфонический оркестр

Семён Оситянский – Израильский камерный оркестр.

А недавно, пока я отдыхал, мой ученик Енатан Лейбович занял 1 место на престижном международном конкурсе музыкантов-исполнителей в Хельсинки. Рад этой победе и горжусь своим учеником!

– Евгений, среди преподавателей духовых инструментов бытует мнение, что качество звука зависит от природных данных, от строения дыхательного аппарата... А по утверждению некоторых методистов, всему можно научить. Каков твой вердикт?

– И то, и другое верно на сто процентов! Давай разберемся. Что такое природное? Бывает, что у ребенка есть хватка и готовый дыхательный аппарат (как правило, это случай редкий). А бывает, что есть какие-то физиологические моменты, мешающие при игре на определенном инструменте. Но если они поддаются развитию, воспитанию, которое музыкант получает от учителя, то идя путём подражания и поиска, он обязательно найдет звук, который ищет.

– Евгений, наша беседа подходит к концу. Если позволишь, – ещё вопрос...

Как ты отдыхаешь? Что для тебя отдых: смена пейзажа за окном, тишина и покой, какое-то хобби, музыка «других» жанров, горные лыжи, плавание, просто дома поваляться на диване, – что? Очень ли ты нуждаешься в том, чтобы периодически радикально отрываться от работы – или, по крайней мере, досужий разговор о музыкальных новинках тебе в отпуске все же необходим?

– Тут есть небольшая предыстория.

Как-то летом мы с оркестром поехали на гастроли по европейским городам. Один из концертов был в Финляндии, в городе Тампере. Поселили нас в отеле на берегу озера. Мы с супругой вышли погулять – и я вдруг понял: следующий отпуск мы обязательно должны провести в подобном месте! И вскоре моя жена нашла в Финляндии деревню среди леса, где мы купили наш любимый домик. Чем мы там занимаемся? Паримся в сауне, плаваем в озере, ловим рыбу, сидим у камина, гуляем по лесу, собираем грибы! Любимейший отдых! В этом году с нами вместе были друзья – четыре семьи.

– Женя, четыре семьи вместе на отдыхе – это дружба с большой буквы. Я вам даже немного позавидовал.

– Есть у меня ещё одно любимое место отдыха: Тироль, австрийские Альпы...

В общем, отдыхаю с удовольствием, не скучая в отпуске по профессии, забываюсь без проблем. А вот со временем... Да, постепенно скучать начинаю. И тогда – с удовольствием возвращаюсь на сцену. Очень люблю играть, но не менее люблю отдыхать!

Зубин Мета с моей женой Полиной и дочкой Мартой.

А дома возможность отключиться для меня весьма относительна. Дело в том, что моя жена Полина, скрипачка нашего оркестра, стала серьезно заниматься с дочкой скрипкой.

– О! Так династия всё-таки формируется?

– Намечается. И тут самое важное – воспитать Музыканта.

Борис, я хочу обратиться к тем, кто избрал музыку своей профессией: слушайте выдающихся исполнителей – причем не только духовиков, но и пианистов, скрипачей и виолончелистов. Вслушивайтесь в профессиональное пение вокалистов, с которыми у нас очень много общего в вопросах дыхания.

Инструмент должен петь, как хороший вокалист, звучать четко и дифференцировано, как пальцы пианистов, играть легато подобно ведению смычка у струнников....

И конечно, не тратьте время на бессмысленные тренировки, занимайтесь грамотно и вдумчиво, добиваясь технического и душевного совершенства. И тогда, в совокупности с вашими способностями, с поддержкой опытного и чуткого преподавателя, результат не заставит себя ждать!

От автора

... Подумалось: «Передо мной сидит человек, благополучный в жизни и в творчестве, человек, чьи мечты осуществились!»

Есть такое понятие: «американская мечта». Можно смело сказать, что «израильская мечта» тоже существует. И – сбывается!

ПЕРСОНА МУЗЫКАЛЬНОЙ ВАЖНОСТИ

**Александр (Алекс) Ческис – композитор,
автор-исполнитель, продюсер.
Член Союза композиторов Израиля.**

50 лет. Столько времени мы дружим с Алексом Ческисом. Сегодня он – известный композитор, узнаваемый во многих странах мира.

А начиналось все в стенах Житомирского музыкального училища.

Сблизились мы с ним сразу, хоть учились на разных отделах – Алекс на фортепианном, я на духовом.

Вспоминаю один эпизод нашей дружбы. Он для меня оказался важным в жизни, и за это я своему другу очень благодарен.

Я учился на последнем курсе музыкального училища, а Алекс уже был студентом Ленинградской консерватории. В один из приездов в Житомир он предложил мне приехать в Ленинград. «Я тебя познакомлю с любым преподавателем кларнета», – сказал он.

Весенним днем 1970 года на поезде «Одесса-Ленинград» я прибыл в серый и дождливый Питер.

Алекс договорился о прослушивании с известным кларнетистом, солистом симфонического оркестра Ленинградской филармонии, доцентом Ленинградской консерватории, заслуженным артистом РСФСР, заслуженным деятелем искусств РСФСР Валерием Павловичем Безрученко.

...Те два дня работы с Маэстро остались в моей памяти на всю жизнь. А еще в классе Безрученко я познакомился с его лучшим учеником того времени, впоследствии нар. арт. России Владимиром Карловым. Незабываемые встречи!

Прошло несколько десятилетий... С легкой руки и по подсказке Алекса я познакомился с Союзом русскоязычных писателей Израиля, куда меня впоследствии приняли.

***

Алекс Ческис о своих учителях и не только

– Вернемся в год 1967. Я – студент Житомирского музыкального училища им. В.С. Косенко. Судьба меня сводит с интересным человеком, талантливым, педагогом и композитором Александром Наумовичем Шинделем. Это был поворотный момент в моей жизни. Наперед скажу, что таких моментов впереди было еще несколько, но этот – первый.

В классе Александра Наумовича я начал сочинять музыку и понял, что это моё призвание на всю жизнь.

Кроме того, горжусь и всегда повторяю: я был его первым учеником!

Через некоторое время к нему в класс пришли добившиеся сегодня заслуженной известности Сергей Жуков, Ольга Коровина и другие.

Под руководством Александра Наумовича я написал много музыки. В то время сам Шиндель был студентом Казанской консерватории. Всему он учился вместе с нами: он в консерватории, а мы – у него. Вот такая интересная цепочка. Учитель был очень творческим человеком, внимательным к нам. А еще у него была богатая фантазия – а это то, что нужно нам, композиторам.

В стенах его класса и под его руководством родилось много моей музыки – камерной, песен и романсов, пьес для различных инструментов.

Именно благодаря Учителю, знаниям, полученным от него, я без труда поступил в Ленинградскую консерваторию.

***

Ленинградская консерватория меня изменила полностью. Изменила внутренний мир, повлияла на творчество в дальнейшем. Общение с великими музыкантами не могло не сказаться на всех аспектах моего мировоззрения.

Мой профессор по композиции Александр Дереникович Мнацаканян был учеником Дм.Дм. Шостаковича. По-человечески они также хорошо понимали друг друга. Дм.Дм. раз в году приезжал в Ленинград и слушал наши произведения. Представляете, что это было для нас... Для нас Шостакович был Богом в человеческом обличье.

Хочу упомянуть имя преподавателя истории музыки. Это профессор Вульфийус Павел Александрович. Удивительно тонкий и эрудированный человек. Мы с ним жили рядом и часто встречались в трамвае по пути в консерваторию. Каждая такая совместная поездка была для меня праздни-

ком. Он много рассказывал интересного – об истории музыки, о различных новых музыкальных направлениях.

Назову имя еще одного большого человека и музыканта. Иосиф Яковлевич Пустыльник, профессор полифонии и контрапункта. Мы с ним очень подружились. На 5 курсе консерватории он мне предложил поступать в аспирантуру, в класс полифонии. К сожалению, жизнь продиктовала другой сценарий, и главным в нем была служба в армии. От нее никуда нельзя было деться...

Еще одним важным учителем для меня был профессор Арон Львович Островский, который вел класс сольфеджио у композиторов. Думаю, многие музыканты знают его по учебнику сольфеджио для музыкального училища и консерватории. Я очень любил этот предмет и благодаря абсолютному слуху чувствовал себя в нем как рыба в воде. Легко справлялся с атональными, иногда шестиголосными диктантами, что импонировало учителю. Как дорогую реликвию храню подаренную им книгу.

И еще один предмет мне доставлял удовольствие. Дирижирование. В Ленинградской консерватории школа дирижирования была очень высокого уровня. Я учился факультативно у Николая Семеновича Рабиновича.

К сожалению, в 1972 году его не стало, и меня определили в класс Ильи Александровича Мусина. Там я познакомился с будущими крупными дирижерами России: Юрием Темиркановым, Валерием Гергиевым и другими.

О песенном творчестве

Расскажу об одном удивительном моменте прошлых лет.

В консерватории нам нельзя было писать песни. Впрочем, проведу параллель. В театральных вузах нельзя было сниматься в кино. Абсурд полный. Только на 4 и 5 курсе я начал осторожно писать песни. Когда я уже окончил консерваторию и служил в армии, мои песни и первую симфонию представили на Первом Всесоюзном конкурсе композиторов (1976). Две песни завоевали второе место, а симфония получила 3 премию. Меня по этому случаю отпустили из армии, и я приехал в Ленинград за получением призов.

Тут я встретился и познакомился со знаменитым композитором-песенником В.П. Соловьевым-Седым.

Не сочтите за хвастовство. На конкурсном концерте, в перерыве, Василий Павлович пригласил меня подсесть к нему и подождать свою жену. Познакомив нас, он сказал: «Чудесный мелодист этот молодой и перспективный композитор!»

К песенному жанру я серьезно обратился уже в Израиле, когда рядом со мной оказались такие известные, опытные поэты-песенники, как Виктор Гин (с ним я записал свой первый альбом в Израиле в 1992 году), Андрей Дементьев, с которым я дружил и писал песни многие годы, Юрий Гарин – великолепный поэт-песенник, по сути, мой наставник в песенном жанре, с которым я написал более 100 песен. Фредди Зорин и Валентина Чайковская – замечательные поэты, с которыми я много работаю в последнее время. Недавно познакомился с молодым, очень интересным поэтом Павлом Бронштейном, на чьи стихи уже написал несколько песен.

Надо быть свободным человеком

Знаешь... Только сейчас я понял одну важную вещь. Чтобы писать музыку, надо быть свободным человеком. В прошлой жизни не было ни на что времени. Надо было зарабатывать деньги.

Сегодня у меня более 500 песен. Многие из них стали популярными. Известные певцы взяли их в репертуар.

К сожалению, из-за пандемии сорвались мои авторские выступления в Германии и в США. Верю, что еще все вернется на круги своя.

О новых альбомах

В 2020 году закончена работа над альбомами «Просто любовь» и «Не убий», в которых солирую я сам. Сейчас идет работа над сольным альбомом Анны Резниковой, который называется «Еврейский альбом. Родом из местечка». Это наш с ней третий совместный альбом.

Кроме того, мной записано три музыкально-поэтических альбома в новом формате: вначале на фоне тихой музыки поэты читают стихи – затем стихи перетекают в песню. Поэзия и песни находятся в глубокой образной и тематической взаимосвязи. Эти альбомы созданы на стихи и с участием поэтов Д. Кимерфельда, Ф. Зорина и В. Гина.

***

Кто-то из великих шутил:

«Чтобы писать великие картины, большие и умные книги, писать серьёзно музыку, надо быть нищим и голодным».

Голодный до сочинительства – вот, пожалуй, что он имел в виду.

***

Мне трудно удержаться от того, чтобы просто перечислить заслуги моего друга. Кто-нибудь скажет, что это скучновато читать, что здесь не Википедия... И все же:

Алекс Ческис – лауреат Всесоюзного конкурса композиторов (1976). С 1990 года живет в Израиле, с 2012 г. – в Израиле и США.

Член Союза композиторов Израиля и творческой организации АСУМ. Выступал с концертами в городах Израиля, США, России, Украины, Канады, Германии, Бельгии, Швеции, Швейцарии, Франции, Испании, Турции.

На канале RTVI (Россия) записал сольную программу «К нам приехал» (эфир 16 апреля 2007 года), на канале RTN (США) – сольную концертную программу (эфир 12 ноября 2011 года).

Основные произведения:

Рапсодия для симфонического оркестра
 Концертино для гобоя и камерного оркестра
 Концерт для скрипки и симфонического оркестра
 Концерт для фортепиано и симфонического оркестра
 Симфония в 5 частях
 Кантата для хора, оркестра и солистов
 Симфония № 2 (для струнного оркестра)
 Соната для кларнета и фортепиано
 Фортепианное трио
 Струнный квартет
 Соната для тромбона и фортепиано
 Камерная инструментальная музыка
 Романсы и песни.

Написал более 500 песен на русском, украинском, иврите,

идиш и английском языках. Основные песни написаны с поэтами Андреем Дементьевым (Россия), Юрием Гариным (Россия-Израиль), Виктором Гином (Россия-Израиль), Марком Мордуховичем (США), Игорем Барахом (Украина-Израиль), Валентиной Чайковской (Украина-Израиль), Ароном Кайзером (Израиль), Авраамом Юдовичем (Израиль), Фредди Зориным (Израиль).

С 1991 по 2014 годы выпустил 46 альбомов (кассет и CD) с песнями и романсами, среди которых – впервые в Израиле – альбом песен на украинском языке «Подаруй» на стихи Игоря Бараха и альбом «Жизнь-дорога» на стихи Юрия Гарина.

В 2016-17 г.г. вышла в свет серия из 15 альбомов песен и романсов, написанных за последние годы. Среди них – произведения в авторском исполнении, а также сольные альбомы Анны Резниковой, Надежды Синенко и Светланы Мироновой, отдельные альбомы с песнями на стихи Юрия Гарина (4 альбома), Виктора Гина, Марка Мордуховича, Фредди Зорина. В сборные альбомы вошли песни разных лет в исполнении Иосифа Кобзона, Тамары Гвердцители, группы «Учкудук», Лалы Хопер, Ольги Пэрах, Геннадия Ицхакова, Павла Кравецкого и др. исполнителей.

За последние годы (2018-19) создал несколько новых концертных программ с певцами и поэтами: В. Гином, Ф. Зориным, П. Кравецким, С. Гринбергом, С. Мироновой, А. Резниковой, Любовью Днепровской. Выпустил новые альбомы на иврите, идиш и русском языках. В 2019 году выпустил 2 новых альбома на украинском языке – «3 любов'ю до України» и «Карта зоряного неба».

И НА ДЕСЕРТ...

Недавно Алекс Ческис получил диплом международного конкурса в Лондоне за лучшую песню, посвященную 75-летию Победы!

Russian Community Council in UK
 With support from the Embassy of the Russian Federation in Great Britain
 Representative Office of Rossotrudnichestvo in Great Britain
 "MUSICA NOVA" International Music Academy
 present

**International Online Music Competition
 VICTORY SONGS 75**
 Dedicated to the 75th Anniversary of Victory of World War II

DIPLOMA

The best music composed

awarded to

ALEX CHESKIS
 (Israel)

Oleg Sotnicenko
 Chairman of Russian Community Council
 in the United Kingdom

Evgenia Terentieva
 Artistic Director & Coordinator
 Winner of prestigious awards
 President of the United Kingdom Branch
 of the World Association of Performance Arts (WAPA)
 Director of Musica Nova Academy
 and "Stars of the Albion" Competition in London

Природная любознательность и Божий дар (Михаилу Дикеру – 88)

... Не успели «высохнуть чернила» после моего очерка о Зое Анатольевне Прокудиной, как я получил звонок от своего старого друга, Леонида Сталинского:

«Борис, все удивляюсь, как тебе удается находить все новых интересных, значительных героев... Попробую и я подключиться: тебе имя Миша Дикер ни о чем не говорит?»

... Конечно, я хорошо знаю Михаила Мироновича Дикера! Знаю его с детства, знаю, что он окончил наше музыкальное училище по классу кларнета, что писал хорошую музыку...

Несколько раз мне приходилось слушать эстрадные коллективы, которыми он руководил. Впечатление осталось очень хорошее, аранжировки и музыка Михаила оставляли прекрасное впечатление, были очень профессиональными.

***

— Учился я в классе своего дяди, Зельмана Зусиевича Ройтфарба, — начинает рассказ о себе Михаил Миронович, — у которого, кроме абсолютного слуха, было много других способностей — музыкальных и не только. Отличный организатор музыкальных коллективов, он силами студентов и преподавателей поставил оперу С. Рахманинова "Алеко" и большую концертно-музыкальную сюиту на музыку из оперы М. Глинки "Иван Сусанин". Все оркестровки принадлежали ему. Любил он оркестровать и делал

это очень хорошо. Память о моем дяде и о его вкладе в культуру Украины живет в музыкальных кругах Житомира...

От автора

3.3. Ройтфарба студенты очень любили, всегда с трепетом ждали его оценки и высоко ценили его мнение. Авторитет этого универсального музыканта был исключительно высок и среди преподавателей. Блестящий скрипач и преподаватель игры на этом инструменте, он вёл занятия и на всех духовых инструментах. Особенно любил баритон и тромбон и прекрасно ими владел. А его постановка оперы С. Рахманинова «Алеко» в июне 1955 года стала важной вехой в истории музыкальной жизни Житомира.

Сын 3.3. Ройтфарба, Григорий Ройтфарб — известный тромбонист, профессор, нар. арт. Татарстана, много лет бывший концертмейстером группы тромбонистов симфонического оркестра Татарстана под управлением Натана Рахлина.

Я был удивлен, узнав, что Михаил Дикер — двоюродный брат Григория Ройтфарба, которого я давно и хорошо знаю и о котором у меня есть очерк!

***

... Должен сказать, что наше знакомство и общение с Михаилом Дикером имеет, так сказать, пунктирный характер: на протяжении жизни время от времени мы довольно надолго теряли друг друга из вида, а потом — и нередко неожиданно — снова встречались.

***

— **Михаил, мы много лет не виделись, но рассказать о вас я хотел давно. Давайте начнем с самого начала: как вы попали в нашу профессию?**

— Стал музыкантом я совершенно случайно! После окончания школы вместе с несколькими товарищами я подал документы в Васильковское военное училище, где готовили летчиков.

Но... Как-то у нас в гостях был мой дядя Зельман Зусиевич Ройтфарб, и когда отец ему рассказал, что я хочу стать пилотом, он очень удивился. Стал уговаривать не делать этого, назвал тысячу причин, почему это плохая идея. «Миша, у тебя хороший слух, ты любишь петь песни. Поступай в музыкальное училище...»

Это решило мою судьбу, и в 1951 году я стал учащимся Житомирского музыкального училища.

Основным инструментом у меня был кларнет, но, кроме этого, я посещал уроки игры на аккордеоне (преподаватель А. Зуев).

Учебу на три года прервала армия. К счастью, два года из трех я прослужил в музыкальном взводе, как это тогда называлось. Там я впервые написал несколько песен — и мне это понравилось (и не только мне).

Служил я в оркестре бригады на Богунии (район Житомира), напротив военного училища, в оркестре которого служил твой отец, Борис. Мы часто играли с ним вместе на сводных репетициях. Я хорошо помню и всю твою семью — маму Соню, братьев...

После службы я женился, и у нас появился первый ребенок, дочка Мая. Заочного отделения тогда в училище не было, и учебу я продолжил только через несколько лет — уже у другого учителя по специальности, **И.А. Древецкого**.

Не могу не вспомнить своих учителей... Некоторых я уже назвал. Всю жизнь добрым словом вспоминаю и Я. Дреслера, С. Каплуна, З.А. Прокудину...

Яков Дреслер, директор училища, был умелым администратором, сразу после войны он собрал в училище коллектив прекрасных преподавателей. Мне очень хочется о них вспомнить подробнее.

Трубач и педагог, а также дирижер духового оркестра училища Иосиф Антонович Древецкий. За спиной этого человека было отличное образование — институт военных дирижеров в Москве. Директор доверил ему быть зав. отделом, вести все предметы дирижерского цикла. Кроме трубы, Иосиф Антонович вел в училище класс кларнета. Под руководством Древецкого духовой оркестр училища был одним из лучших в Украине.

Сергей Андреевич Капун — превосходный теоретик, очень скромный человек. В верхнем кармане его пиджака всегда был красный карандаш. Память у него была феноменальная. Во время экзамена Сергей Андреевич проходил по рядам и... Одному: «Это вы списали у Ивана — там такие же ошибки», — другому: «А это списано у Володи. Сверьте».

— **Зоя Анатольевна Прокудина среди преподавателей того времени занимает особое место. Почему?**

— В то послевоенное время было трудно с преподавательским составом, преподаватели на духовом отделении вели по два-три инструмента — а это нехороший вариант. Каждый педагог дол-

жен преподавать тот инструмент, на котором сам хорошо играет и имеет соответствующее образование. Кроме того, в училищном симфоническом оркестре, коллективе серьезном, игравшем сложные произведения, тоже были проблемы – например, с валторнистами.

Появление в училище Зои Анатольевны всеми было воспринято с радостью, решило многие вопросы и вообще — принесло ощутимую свежую волну.

Вспоминаю такой эпизод. Однажды она зашла в класс, где я занимался, немного послушала и... ничего не сказав, ушла. Спустя какое-то время увидела меня в коридоре, попросила зайти к ней в класс. «Михаил, я хотела бы дать тебе несколько советов по исполнительскому дыханию», — сказала она. Потом Зоя Анатольевна провела со мной несколько уроков. А после экзамена сказала: «Ты правильно все понял, молодец».

Я учился на старших курсах, и по возрасту мы были не очень далеки. В общем, можно сказать, подружились.

Я не однажды бывал у нее дома, был знаком с ее мужем — добродушным и гостеприимным человеком. Они были прекрасной парой и очень дополняли друг друга во всем. Оба симпатичные, красивые, приветливые. С такими людьми было приятно общаться.

После моего окончания училища мы не теряли друг друга из вида еще многие годы.

... По прошествии лет я поступил на заочное отделение Московского педагогического института (кафедра музыкально-исполнительского искусства), где факультативно занимался композицией у преподавателя Г.П. Голубева.

— Расскажите о своем творчестве, Михаил. Вы помните, тот момент, когда решили писать песни?

— Быть композитором и дирижером давно было в моих мечтах. Помню свою первую песню — «День рождения», посвященную маме. А вторая называлась «Отрастил солдат усы». Я послал ее в журнал «Советский воин» и получил рецензию: стихи хорошие, а вот музыка сыровата. Ответ пришел от консультанта по музыкальным вопросам, композитора «Х» (обойдемся без фамилии). Позже я послушал пару его песен и... успокоился.

Мною написано около 600 песен и романсов. Это произведение на русском, украинском языках и на идиш.

Я работаю со стихами прекрасных поэтов. Это Андрей Дементьев, Ирина Лапшина, Валентина Полякова, Борис Гальперин, Фе-

ликс Мазур, Надежда Ткачук, Михаил Сандлер, Нина Виноградова...

Есть несколько песен на стихи Сергея Есенина.

В Израиле жила моя давняя знакомая, в прошлом завуч одной житомирской школы Надежда Ефимовна Ткачук. Писала замечательные стихи. В песнях «Залицявся білий дуб», «Песня матери» — мы с ней соавторы. Светлая ей память!

— Вернемся к началу...

— Хочу вспомнить моих сокурсников и друзей, которых ты, Борис, наверняка помнишь. Г. Оганезов, Г. Ший, Ш. Низамутдинов и другие...

Гриша, Григорий Семенович Ший, мой друг детства, был одаренным и почитаемым в городе человеком.

Это была многогранная личность. Профессиональный переводчик, профессиональный исполнитель на ударных инструментах, руководитель оркестра и хора...

Гриша был человеком большого юмора, имел много друзей.

Рассказывая о своей творческой жизни, о концертной деятельности, он постоянно упоминал множество фамилий — имена своих учителей, товарищей по учебе и работе, выдающихся личностей, с которыми встречался и дружил.

Был человеком с большим сердцем и открытой душой для всех, кто ему встречался на пути. Поэтому многие люди его и вспоминают по-доброму. А для меня он был самым близким другом.

Михаил Григорьевич Некрич. Композитор, педагог, аранжировщик. Мы с ним дружили с детства, хотя он был на пять лет младше меня. Руководитель эстрадных коллективов Ровенской и Кировоградской филармоний, Житомирского Биг-бэнда и ансамбля "Юность" при Житомирском городском Доме культуры (лауреата многих Республиканских и Всесоюзных конкурсов, в котором, как я помню, Борис, и ты какое-то время играл). Позже Миша руководил знаменитым эстрадным оркестром "Зеленый огонек" в городе Черкассы.

А в 1975 году Михаил Некрич стал музыкальным руководителем эстрадного отдела Днепропетровской филармонии, где основал и долгие годы был руководителем детского ансамбля «Мастерок». Ансамбль давал сотни концертов в год, делал записи на радио и телевидении, в разные годы записал пять пластинок на Всесоюзной студии "Мелодия", а также восемь компакт-дисков

различной музыки – эстрадной, джазовой, фольклорной — и альбом-диск «Святкові колядки».

Многолетняя дружба меня связывала с **Шамилем Низамутдиновым**.

Он тоже был студентом в классе Зельмана Зусиевича, играл под его руководством в училищном симфоническом оркестре. Шамиль был очень серьёзным студентом, выделялся целеустремленностью и настойчивостью. Показывал отличные результаты в игре на тромбоне и в учёбе вообще. Поэтому его поступление в Московскую консерваторию в класс известного советского педагога, профессора В.А. Щербинина все приняли как естественный результат его плодотворного рвения в учебе.

Гарри Оганезов учился со мной в музыкальном училище, причем сразу на двух отделениях — по классу кларнета и скрипки, что затем положительно повлияло на все аспекты его дирижерского искусства. Как и у меня, его педагогом был З.З. Ройтфарб. Впоследствии Гарри сам преподавал в училище, вел симфонический оркестр.

Поступил в Уральскую консерваторию в класс кларнета.

Десять лет был дирижером симфонического оркестра Одесской филармонии. С ним играли выдающиеся исполнители, сотрудничали известные композиторы. Оганезов был в своем оркестре непререкаемым авторитетом.

Позже Гарри основал и возглавил Липецкий симфонический оркестр и руководил им до конца жизни. Под его руководством этот коллектив достиг высокопрофессионального уровня, стал лауреатом международных фестивалей и конкурсов, с успехом гастролировал в городах страны и за рубежом.

Чуть ранее в нашем училище учился известный аккордеонист **Борис Векслер**. Его «Трио Векслера» было очень известно в Союзе, а потом и за границей. Кстати, в училище он занимался на фаготе, но потом аккордеон и концертная жизнь увлекли его за собой. Когда Борис приезжал в гости в Житомир, он всегда с друзьями приходил ко мне домой, потому что у меня был отличный итальянский аккордеон. И он играл для нас. Не поверишь: без выпивки.

Все они уже не с нами, но я часто их вспоминаю. И хочу сказать им спасибо, что они со мною были, учились, дружили.

Начало творческого пути

В конце 50-х годов в Житомир приехал иллюзионист и гипнотизер (а по совместительству – Остап Бендер) Гена. Он нашел меня и начал рассуждать, как много в Васюках — то бишь в Житомире — можно заработать. «Мне нужны музыканты для сопровождения моих номеров», — сказал он.

Я организовал небольшой инструментальный ансамбль, и мы начали репетировать. Скажу наперед: мы думали, что с нашими номерами и иллюзионистом мы будем работать в какой-то филармонии. Но мы ошибались. Молодость наивна и глупа... Но так мы приобретали опыт.

Гена как-то связался с геологоразведочной экспедицией в большом селе Турчинка, в 52 км от Житомира. Там был большой Дом культуры, и там мы дали свой первый концерт. Людям понравилось наше выступление, и мы дали еще два концерта при полном зале. После этого нас пригласили выступить перед геологами и в других местах области.

А что же дальше? У нашего «Остапа» родилась идея: почему бы нам не поехать с этой программой в Белоруссию?

Приехали в Мозырь. Возник вопрос — как нам платить? Другая республика, другой банк. Дали один концерт бесплатно, для рекламы. Сидим, ждем. Гена нас успокаивает – мол, не пропадем, ребята. Пошли в гастроном. Выбрали продуктов рублей на сто. Гена (напомню, что он был гипнотизером) подходит к кассе и протягивает 10 рублей. Точно по Мессингу. Мы стоим как вкопанные. Думаем, что же сейчас будет, ждем скандала... Но нет, кассирша берет деньги и дает еще какую-то сдачу. Мы не стали дожидаться финала. «Гена, — обратился я к нему, — чтобы больше я этого не видел, не учили меня так жить».

Позже Гена уговорил председателя горисполкома, и нам дали возможность составить договор на 10 концертов.

После этого мы с Белоруссией почти сроднились. Два раза были там на гастролях: первый раз дали 64 концерта, второй — 62. База у нас была в Витебске. Красивый городок. Приятные воспоминания остались о нем и музыкантах, с которыми я там работал.

— **Михаил, расскажите о вашей работе с детьми**

— Долгое время я работал художественным руководителем областного Дома культуры профтехобразования. В большой мере я бы назвал эту работу делом жизни.

Руководил вокально-инструментальным ансамблем. У нас работал своеобразный конвейер: была младшая группа, куда я набирал учащихся с нуля, и старшая. Занимались каждый день, дети были уже почти профи. Было много концертов в училищах области — а училищ было около 40.

Стали задумываться о хорошей, качественной аппаратуре. Тут как раз на конкурсе самодеятельных коллективов в Запорожье (1986г.) мы получили первое место и звание лауреатов — а после этого коллективу было присвоено звание «народный самодеятельный коллектив Украины».

Я приехал в Житомир и показал нашу грамоту начальству... Вижу, от гордости начальников стало распырять: «Проси что хочешь, Михаил Миронович!» Тут я и выпалил наше желание. Через короткое время мы получили лучшую аппаратуру, которая изготовлялась в Ленинграде (ЛОМ). Какое это было счастье!.. И снова начались концерты...

В 1987 году в Днепропетровске, на конкурсе самодеятельного народного творчества мы снова получили первое место. Председатель жюри, главный дирижер театра оперы и балета на «разборе полетов» сказал: «Равняйтесь на коллектив из Житомира. Вот как надо играть! Полноценный ансамбль (он имел ввиду разнообразие инструментов, а не только гитары и песни в три аккорда). А как они звучат, какие песни взяли для выступления... Молодцы житомиряне!»

Со временем мне стало трудно справляться с фронтом работы одному. Уговорил директора взять для меня помощника. Так в Доме культуры профтехобразования появился Леонид Сталинский (да, тот самый: с его звонка начался наш очерк – авт.) — трубач, который занимался с духовиками, и не только. И должность ему придумали: руководитель патриотической песни (теперь звучит неправдоподобно и смешно!). Он мне очень помогал. Спасибо, Леонид!

***

Конечно, среди моих давних песен много было написано на политическую и комсомольскую темы. Избежать этого было почти невозможно. Вспоминая свои песни и многие произведения других композиторов того времени, я грущу: много хорошей музыки попросту попало в мусор.

Виктор Вуячич

— Очень уважаю этого человека — прежде всего за добродушие и простоту в общении.

В свое время я был рад узнать, что на концерте в честь присвоения ему звания засл. арт. Беларуси Виктор среди прочих исполнил и мою песню «О чем мечтал солдат» на стихи Якова Хелемского (1971).

А познакомились мы задолго до этого.

По вечерам я подрабатывал в симпатичном житомирском ресторане под названием «Первомайский». В один из вечеров я обратил внимание, что в конце зала сидит группа людей и внимательно нас слушает. Было понятно, что это не местные и в ресторан они пришли не только для отдыха. В перерыве они зашли в нашу музыкантскую комнату. «Виктор Вуячич», — представился один из них.

Белорусский певец Виктор Вуячич с серией концертов был в Житомире и области.

Надо сказать, музыканты из Беларуси были частыми гостями нашего края — ведь мы территориальные соседи.

Вуячичу очень понравился наш коллектив, а также он похвалил меня, сказав, что меня «любит микрофон», что ему понравились мои аранжировки и песни.

Так зародилась наша дружба.

Виктор не раз приглашал меня принять участие в конкурсах песни, проводимых в Беларуси, выступить в Витебске. Увы, с моей занятностью это было слишком сложно.

Любопытная встреча у нас была в Минске. Одно время я работал руководителем вокально-инструментального ансамбля Полтавской филармонии, и в то время мы гастролировали по Беларуси.

По каким-то делам я оказался в Минском культурном центре. Вижу — навстречу мне идет Виктор в военной форме. Я удивился!

Оказалось, он работал в Ансамбле песни и пляски Белорусского военного округа. Радостная и неожиданная встреча.

Мы общались многие годы. Перезванивались, поздравляли друг друга с праздниками...

Где оно теперь, это время...

***

В 1994 году я впервые после отъезда в Израиль посетил Житомир. Встретил бывших друзей. Оговорился, Борис, — бывших

друзей не бывает. Это были волнительные встречи.....

Зашел и к директору профтехобразования Борису Константиновичу Гаврилюку. Услышал много приятных слов, вспомнили наши коллективы и их участников. Но самой интересной темой был рассказ, как мне присвоили звание заслуженного работника культуры. Я знал, что меня представили к этому званию, но до моего отъезда в Израиль ответ из Киева так и не пришел. Оказалось, звание мне присвоили, а документы переслали в областное управление культуры. На одном из совещаний моего директора подозвал начальник управления и спросил: «Твой Дикер уже уехал на Землю обетованную?»

Услышав утвердительный ответ, он выкинул все документы в мусорное ведро, хотя Гаврилюк просил их ему отдать. «Пусть там получает звание», — подытожил начальник управления. Вот такая история. Считать себя заслуженным или нет?..

Не могу не вмешаться (от автора)

— Б.К. Гаврилюка я хорошо знал в бытность его службы начальником Житомирского Дома офицеров.

Будучи учащимся второго курса Житомирского музучилища, я пришел к нему на прием и предложил свои услуги в качестве руководителя эстрадного оркестра.

Рассказал ему о себе. Кстати, он был знаком с моим отцом.

Борис Константинович вызвал двух методистов, представил меня им. Один из методистов был категорически против меня: «Он же совсем пацан, какой из него руководитель?»

Но меня взяли. И думаю, не прогадали.

Прошло время. С 1979 года я — дирижер городского духового оркестра. На одном из концертов ко мне подошел Борис Константинович (он был уже на пенсии и работал директором областного Дома культуры профтехобразования):

«Борис, ты меня помнишь?»

Конечно, я его помнил.

«Я знал, что у тебя будет большое будущее — помнишь, как я тебя в юности поддерживал? Рад за тебя», — сказал он на прощание.

Я тоже был рад его видеть.

— Михаил, как вас встретил Израиль?

— Как-то не так, как я ожидал. Мне было 58 лет. Возраст не маленький. О работе по профессии я даже не думал. Если честно, думал, что мы вернемся обратно...

Это был 1993 год. Я начал искать неквалифицированную работу — и вскоре нашел: маляром. Правда, соврал нанимателю, сказав, что мне 52 года. На ходу научился и год там проработал.

Однажды решил пойти в ульпан (школу) на обучение ивриту.

Там ко мне неожиданно подошла женщина: «Случайно не играете на каком-нибудь музыкальном инструменте?» Я обомлел. Как в известной поговорке, я оказался в нужном месте в нужное время! Женщина представляла белорусскую общину.

Купил микрофон, динамик — и был готов к работе. Создал хор: обнаружили отличные голоса, многие были с музыкальным образованием. Я мог писать им песни в три голоса. У нас было замечательное женское трио «Поющие сердца»: Л. Флягина, Т. Дувинская и моя племянница Лена Дикер. Пели и играли на всех праздниках. За те годы состоялось 18 моих авторских концертов. Каждый такой концерт — новая программа. «Спасибо, музыка, тебе» сл. Н. Люлиной, «Подскажи мне, ивушка», сл. И. Лапшина, «Ветка сирени», сл. Б. Гальперина и другие.

Добавлялись солисты... Увы... Со временем люди начали уходить, кто по старости, кто... Сам понимаешь...

***

— Михаил, наша беседа подходит к концу. Рад был с вами пообщаться и, надеюсь, нашу дружбу мы продолжим.

Ваши друзья и земляки, живущие теперь в разных странах, желают вам крепкого здоровья и, по традиции, до 120!

К ним присоединяюсь и я.

А еще, Михаил Миронович, о дате 88 нумерология говорит: «Природная любознательность и божий дар. Интерес ко всему новому и скромность».

По-моему, это о вас!

Феномен Григория Херсонского

«О маэстро Херсонском можно сказать, что у него совершенный и мягкий тембр звука, потрясающая техника, прекрасное умение управлять течением музыки. Поющий тромбон — не иначе!»

Народный артист Украины, народный артист России
профессор Владимир Кожухарь

Имя Григория Херсонского — выдающегося тромбониста, педагога, российского музыканта из плеяды «небожителей» — хорошо знакомо кругу моих читателей.

Судьба свела нас в конце 90-х годов в Израиле, где мы оба работали в муниципальной консерватории города Петах-Тиква. Наши классы находились рядом, и это дало нам возможность познакомиться поближе. Авторитет его был для меня непререкаемым, и я часто заходил к нему в класс, чтобы спросить совета или услышать мнение старшего коллеги по тому или иному вопросу.

Григорий — приятный собеседник, и за десять лет нашего общения я услышал немало интересных историй, связанных с его творческой жизнью. Он так же, как и я, прошел через военно-оркестровую службу, был воспитанником оркестра. Впоследствии был солистом эстрадно-симфонического оркестра Всесоюзного радио и телевидения, симфонического оркестра радио и теле-

видения СССР и такого выдающегося коллектива, как Госоркестр СССР под управлением Евгения Светланова.

Работа в Государственном симфоническом оркестре, носящем сегодня имя Е.Ф. Светланова, — это концерты по всему миру, выступления на ТВ, огромное количество записей на радио и грам-пластинках, масса встреч с музыкантами с мировым именем.

Рассказы Херсонского не могли не тронуть мою творческую душу, и я решил и тебя, мой дорогой читатель, познакомить с удивительным и мудрым человеком Григорием Херсонским. А кто лучше, чем он сам, сможет обо всем рассказать?.. Впрочем, начнем с сухой деловой справки.

***

Григорий Михайлович Херсонский (Вуль) — тромбонист и педагог, артист симфонического оркестра Всесоюзного радио и телевидения, солист Государственного симфонического оркестра СССР, заслуженный артист РСФСР.

Григорий Херсонский родился 26 августа 1937 г. в г. Кировоград (Украина).

В 1961 году окончил Московскую консерваторию в классе Павла Чумакова, выдающегося музыканта и педагога. Прошел трудный и интересный творческий путь от артиста оркестра Московского театра имени Ленинского комсомола до солиста первого симфонического коллектива страны. Перед этим была победа на первом послевоенном Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей на духовых инструментах в Ленинграде в 1963 году.

Сделал множество аудиозаписей разнохарактерных произведений на фирме «Мелодия» и на Всесоюзном радио и телевидении. Впервые исполнил ряд посвященных ему произведений композиторов Г. Фрида, Т. Чудовой, С. Васильева.

***

Детство

«... Больно вспоминать, как не стало мамы. Зашла в Кировограде на почту получить письмо от отца с фронта. Выходя, была убита бомбой, сброшенной немецким самолетом. Все это было на моих глазах...

Моим воспитанием занялась бабушка Лариса. Мы продолжили эвакуацию в глубь страны, в Сталинабад. Увы, в 1942 году бабушки не стало, и меня забрал в Москву мой родной дядя Борис, там я жил у родной сестры мамы, Полины. Трагическая цепочка

на этом не закончилась, и в 1943 году мы получили похоронку на отца, Михаила Израильевича Вуля.

***

Ярким воспоминанием детства было то, как по Москве вели пленных немцев после их поражения под Сталинградом. Обреченные и поникшие, брели они по главным улицам Москвы при большом скоплении народа. По сторонам их охраняли наши автоматчики, чтоб их не растерзали. Правда, люди в большей степени смотрели на них с любопытством, и никто не пытался на них наброситься. Все чувствовали, что в войне наступил перелом...

В этом же году к Полине приехал ее сводный брат, Херсонский Петр Петрович, офицер Советской армии. Это ему пришла в голову мысль, чтобы я стал воспитанником полка, дислоцированного во Владимире. В этом полку уже находилось тогда 23 мальчика. Всех, кто был старше 10 лет, затем отправили в суворовские училища, а мне было меньше, и меня решили оставить в полку. Так я стал сыном полка.

Из Владимира Петр Петрович, выйдя на пенсию, отвез меня на свою родину в Самарканд и определил в детский дом, дав мне при этом свою фамилию. К счастью, там был духовой оркестр. Должен сказать, что оркестр у нас был довольно приличный для уровня детского коллектива».

***

Через много лет, отыскав в архиве дело родного отца, Григорий, сохраняя благодарность советскому офицеру Херсонскому, приведшему его, сироту, в детский дом, решил вернуть себе настоящие фамилию и отчество.

... А я продолжаю слушать рассказ Григория Михайловича Вуля:

«Вспоминаю директора детского дома Зою Самсоновну Аванесову. Не знаю почему, но большинство окружающих нас людей в детдоме были армяне. Аванесова была мудрым, справедливым и добрым педагогом, и мы, ребята, не могли этого не ценить. Она была нам как родная мать.

Моим первым преподавателем музыки был дирижер оркестра детдома Алексей Максимович Малышев. Он первым увидел во мне музыкальные задатки и дал мне в руки баритон. Мне тогда было 10 лет».

Музыкальное училище, Самарканд

Эвакуация в Самарканд многих музыкантов-исполнителей и творческих коллективов Советского Союза дала толчок плодотворному развитию музыкальной культуры города. А главным достижением в этот период стало открытие музыкального училища, ставшего впоследствии не только важным учебным заведением, но и одним из центров музыкального просвещения городского населения. Педагоги и студенты училища активно вели музыкально-просветительскую деятельность, и это, конечно, способствовало общему подъему культуры города и области.

Талант и трудолюбие Григория Херсонского позволили ему в 1953 году с легкостью поступить в Самаркандское музыкальное училище. Там его талант раскрылся настолько, что через год ему, еще студенту второго курса, предложили возглавить класс тромбона!

«В музыкальном училище мне пришлось учить самого себя, — рассказывает Григорий Херсонский. — Я сам был себе преподаватель. Случай уникальный!

А дело было так. Я пришел на первый урок к преподавателю Леониду Рувеновичу Тельянцу. Это был молодой парень довольно приятной внешности, очень общительный. На меня он произвел хорошее впечатление — подумалось, что с этим педагогом будет интересно. Не шутка ведь — четыре года нам предстояло быть вместе! Урок прошел интересно, но... вскоре Леонид Тельянец поехал в Ташкентскую консерваторию и... поступил. Нам пришлось расстаться. Тут и начались мои мытарства, вернее — мытарства дирекции училища. Что со мной делать?..

Продолжил занятия со скрипачом Евгением Зиминим, далее определили к Виталию Руденко, хормейстеру, который в свое время играл на тромбоне во флотском духовом оркестре. Но и на этом ряд моих преподавателей не закончился. В конце концов, я оказался учеником самого директора музыкального училища Сергея Сергеевича Канальчука. Он же мне предложил на втором курсе стать преподавателем. Я учился по всем дисциплинам как все, а кроме этого преподавал. Дали мне одного студента из далекого аула и благословили на преподавательский труд.

Такие были времена: преподавателей не хватало — тем более на такой редкий инструмент как тромбон. Да и не надо забывать, где это все происходило.

О тех годах осталось много теплых воспоминаний. И об учителях, и о друзьях-товарищах.

В училище вместе со мной учился впоследствии известный дирижер Захид Вахидович Хакназаров. Уже в 1965 году он возглавил Симфонический оркестр Узбекской государственной филармонии и руководил им до 1979 года. С 1979 года он занимал пост ректора Ташкентской консерватории. Также параллельно со мной учился будущий профессор Алма-Атинской консерватории Аркадий Зимович Димонт. Мы были друзьями еще с детдома».

***

С отличием окончив училище, выдержав большой конкурс, молодой музыкант в 1956 году поступает в Московскую консерваторию в класс знаменитого профессора П.И. Чумакова. В Москве перед ним открываются широкие музыкальные горизонты, возможность находиться в самом центре культурной жизни, посещать многочисленные лекции и концерты.

***

«О нашем курсе я должен рассказать отдельно»

«Хочется отдельно рассказать о нашем курсе в Московской консерватории имени П.И. Чайковского. Курс состоял из 23 музыкантов, каждый из которых стал лауреатом Всесоюзных или Международных конкурсов музыкантов-исполнителей!

Трубоч Лев Володин, кларнетист Лев Михайлов, трубоч Павел Усач, народный артист Молдавии... Усачи — легендарная семья. Их отец играл на трубе, баритоне, барабане, а все его сыновья стали трубачами. Так сказать, «в трубы дули Усачи». Орест и Михаил работали в Большом театре, Павел в прославленном ансамбле «Жок», Георгий — в не менее известном ансамбле «Флуераш». Несмотря на их разные характеры — трубачи они были замечательные!

Со мной также учились: флейтист Евгений Игнатенко — впоследствии солист оркестра Большого театра, участник известного квинтета духовых инструментов театра; гобоист Геннадий Керенцев, музыкант и педагог, профессор Московской консерватории, преподаватель Центральной музыкальной школы при Московской консерватории; фаготист Всеволод Бренер, солист Государственного оркестра Союза ССР; тромбонист Виктор Баташев, солист БСО, профессор Московской консерватории; кларнетист

Рафаэль Багдасарян, народный артист РФ, профессор Московской консерватории, — и другие. Как не гордиться такими сокурсниками!

Из моих однокурсников, хотя дороги они мне все, хотел бы отметить Льва Михайлова, превосходного кларнетиста и не только... Лева одним из первых освоил саксофон и прилично на нем играл. Выпустил ряд пособий, переложений. И хотя пальма первенства досталась Маргарите Шапошниковой, должен сказать, что и роль Михайлова в создании отечественной школы игры на саксофоне огромна!

Попросту Лева, в отличие от Маргариты Шапошниковой, не смог и, наверное, не захотел полностью переключиться на саксофон, поскольку кларнет любил все же больше. С Михайловым мы работали в оркестрах Юрия Силантьева и Евгения Светланова. И на Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей мы оба стали лауреатами. Это был порядочный и добрый человек, большой музыкант.

... В 1957 году я прошел по конкурсу в оркестр театра имени Ленинского комсомола. С 1959 года стал работать в оркестре оперной студии Московской консерватории — играл партию первого тромбона.

В 1960 году я прошел по конкурсу в эстрадно-симфонический оркестр радио и телевидения под управлением народного артиста СССР Юрия Силантьева».

Силантьев дублей не любил

1960-й год. Херсонский работает в известном на всю страну эстрадно-симфоническом оркестре радио и телевидения СССР под управлением Юрия Силантьева. Оркестр обладал огромным репертуаром, аккомпанировал лучшим эстрадным певцам, постоянно участвовал в записях музыки кино и телевизионных программ.

Ю.В. Силантьев не любил делать дублей, поэтому, чтобы все получалось с первого раза, от музыкантов требовались большое мастерство и концентрация.

Пахмутова, Островский, Кобзон, Лещенко, Магомаев — концерты с участием этих композиторов и исполнителей собирали тысячную аудиторию.

Чтобы перечислить всех солистов — надо писать книгу. Была удивительно интересная работа. Сколько концертных выступле-

ний! Лучшие гастроли. Юрий Васильевич Силантьев был значительной и уважаемой личностью, как в музыкальных кругах, так и «там, наверху».

Дирижёр Юрий Аранович

С 1962 по 1969 год Херсонский работает солистом симфонического оркестра Министерства культуры СССР под руководством выдающегося дирижера двадцатого столетия Юрия Михайловича Арановича. «Именно в этом оркестре я получил превосходную школу читки с листа. А с какими мне довелось играть музыкантами! В. Атлантов, Г. Вишневецкая, Е. Образцова, З. Соткилава, Е. Нестеренко, М. Ростропович, А. Хачатурян, Т. Хренников, А. Эшпай, Р. Щедрин, А. Петров — что ни имя, то легенда!

Когда мы завели с Григорием Михайловичем разговор о Юрии Арановиче, он и его сын Михаил буквально наперебой начали мне рассказывать интересные и теплые истории, связанные с этим именем.

Обобщу услышанное.

В середине 70-х годов Аранович репатриировался в Израиль. Сколько ему пришлось пережить, чтобы в те годы выехать в Израиль, один бог знает, да еще КГБ, подвалы которого он посещал не раз. После одного из таких посещений недосчитался нескольких зубов. Допрос был с пристрастием... Власти никак не могли взять в толк, чего не хватает известному и почитаемому дирижеру. Зарплата и квартира хорошие, что еще нужно этому...

С Григорием Херсонским они не только вместе работали, но и дружили. Особенно их сближала любовь к футболу. Оба были фанатами. «Помню, как меня дядя Юра подбрасывал

Дирижер Юрий Аранович

вверх, когда забивала гол его любимая команда, — рассказывает Михаил Херсонский. — «Гол, Мишуня! Наши забили!»

Папа в те годы часто брал меня на репетиции оркестра, так как видел, что мне это интересно. А это действительно было захватывающе и запомнилось на всю жизнь.

И вот, наконец, Аранович очутился на исторической родине. Его торжественно встречала сама премьер-министр госпожа Голда Меир с членами правительства.

Аранович продирижировал несколькими концертами и... Тишина... Выдающемуся дирижеру не нашлось места в музыке Израиля. Он устроился на мойку автобусов. Очень переживал и, наконец, принял решение уехать в Германию, где сразу стал работать по специальности. Но Израиль он, кстати, очень любил и даже купил квартиру в Иерусалиме.

В 1995 году Юрий Аранович приехал по приглашению израильской стороны на несколько концертов в Израиль. Я тогда работал в оркестре Ришон-ле-Циона. Репетируем Кантату Сергея Прокофьева «Александр Невский». Перерыв. Уставший дирижер сел на стул, ему надо немного расслабиться. Естественно, меня он узнать не мог: прошло много лет и маленький Мишка, которого он когда-то подбрасывал к потолку, уже стал дядей.

Я набираю по мобильнику папин номер телефона, подхожу к Юрию Арановичу и говорю, тут с вами хотят поговорить. Через секунду — взрыв радости: «Гришка, дорогой!.. А это кто, тромбонист, что дал мне с тобой возможность поговорить?». «Да это мой сын Михаил, не помнишь?» — ответил отец. Слезы появились на лице всегда серьезного Арановича. Музыканты оркестра собрались вокруг, не понимая, что происходит.

Через несколько дней у друзей в Хайфе состоялась встреча, где Юрий Аранович дирижировал программу уже с Хайфским симфоническим оркестром, где работал отец. «Пойдем в ресторан!» — предложил мой отец после концерта. «Нет! — отреагировал Аранович. — Никаких ресторанов, пойдем к тебе домой, как в былые времена. Селедочка и картошечка для старого друга у тебя найдется?..»

***

Симфонический оркестр радио и телевидения стал в жизни Григория Михайловича ступенькой, с которой он шагнул к вершине своего исполнительского мастерства и к своему главному делу на протяжении следующих тридцати лет.

Г. Херсонский начинает работать в Государственном академическом симфоническом оркестре СССР под управлением выдающегося советского дирижера Евгения Светланова.

Дирижеры доверяли его вкусу и опыту

Евгений Федорович Светланов очень высоко ценил Григория Херсонского — вспоминают его коллеги по оркестру — доверял его музыкальному вкусу и жизненному опыту. Часто интересовался его мнением насчет исполнителей (и не только духовиков).

В оркестре был художественный совет, куда входили наиболее видные музыканты коллектива, в том числе и Григорий Херсонский. На конкурсах на замещение вакантных мест в оркестр мнение этого органа было решающим. Светланов всегда прислушивался к мнению Херсонского, потому что знал, что он как никто другой объективен и справедлив, что никогда не будет тянуть в оркестр своих протеже.

— **Григорий Михайлович, мы хорошо знаем, что на своем творческом и жизненном пути вам приходилось встречаться со многими выдающимися и интересными людьми. Расскажите о них:**

— За 30 лет работы в Госоркестре СССР было так много встреч, концертов с различными известными деятелями музыкального мира бывшего Союза и других стран, что в пору сесть за мемуары — и это может потянуть не на один том. Яркие впечатления у меня остались от дирижеров Геннадия Рождественского, Мариса Янсонса, Валерия Гергиева, Владимира Кожухаря. Всех их всегда объединял высокий профессионализм, превосходный художественный вкус, способность глубоко вникать в замысел автора исполняемых произведений и блестяще раскрывать его...

— **Григорий Михайлович, через моих друзей из Национальной оперы Украины я получил для вас теплый привет от хорошо вам знакомого Владимира Марковича Кожухаря. Узнав, что вы в полном здравии, живете и работаете в Израиле, он очень обрадовался. Вспомнил работу с вами в Госоркестре Союза ССР, запись симфонии для тромбона с оркестром Э. Блоха на фирме «Мелодия» в 1988 году... Не могу не предоставить ему слово:**

«Играть в таком прославленном, блестящем оркестре как Государственный симфонический оркестр Союза ССР, исполнять партию первого тромбона, быть концертмейстером группы — значит, по рангу быть тромбонистом номер один в стране! Поэтому без преувеличения можно сказать, что Григорий Херсонский — один

из самых выдающихся тромбонистов современности! О Херсонском можно сказать, что у него были совершенный и мягкий тембр звука, потрясающая техника, прекрасное умение управлять течением музыки. Тромбон у него был поющим, не иначе! Это был выдающийся музыкант, как и сам наш руководитель Евгений Светланов. Для обоих музыка — образ жизни.

Я совсем не преувеличиваю значимость Госоркестра. Послушайте в его звучании «Поэму экстаза» А. Скрябина. И сама музыка, и его исполнение потрясает. Такой «меди» как у Светланова, нигде в мире нет и не было. Это Л. Володин (труба), Г. Херсонский (тромбон), валторнисты С. Заставенко и А. Демин, А. Кузнецов и И. Макаров, трубачи В. Зыков и А. Иков, тромбонисты Д. Пигузов и В. Школьник, тубист В. Мачехо.

Этот российский брасс — неповторимый по своему исполнительскому уровню. Все его музыканты — звезды мирового класса!»

«Вспоминаю, как записывали с Владимиром Кожухарем и Госоркестром симфонию для тромбона с оркестром Эрнеста Блоха с моим соло, — продолжает свои воспоминания Григорий Херсонский. — На репетиции было отведено не много времени. С дирижерской стороны все было четко, и мне игралось легко. Результат превзошел все ожидания. Я горжусь этой записью, как и воспоминаниями, связанными с этим!».

А Владимир Кожухарь, в свою очередь, вспоминает вот что...

«Прошло много лет. Я работаю в Киевском театре оперы и балета. Мы на гастролях в Японии. После одного из концертов подходит ко мне человек и протягивает диск: «Подпишите автограф, маэстро!» Ну, что ж, не привыкать. Достаяю ручку. Думаю, интересно, что за запись на диске? Это было начало 90-х годов, и диски были в новинку. Смотрю — и глазам своим не верю:

«Государственный академический оркестр СССР. Дирижер Владимир Кожухарь, солист Григорий Херсонский. Э. Блох, Симфония для тромбона с оркестром».

Оказывается, фирма «Мелодия» продала в Америку какой-то звукозаписывающей фирме много записей из своих фондов. Конечно, без нашего с Григорием разрешения, и дивидендов от этого мы никаких не получили. Уверен, Херсонский об этом и не знает!»

От автора

Узнав об истории с автографом, Григорий Херсонский искренне удивился. В 1990 году, перед выездом в Израиль, он обратился

в Государственный комитет СССР по телевидению и радиовещанию с просьбой отдать или продать копии записанной им за многие годы музыки. На что получил категорический ответ: «В связи с вашим отъездом за границу, ваши записи размагничены». Что же это творилось? Состроили хорошую мину при плохой игре. Человеку сказали, что записи его уничтожены, а сами...

***

О Г. Херсонском рассказывает известный тромбонист, народный артист Татарстана Григорий Ройтфарб:

«Впервые я услышал игру Григория Херсонского в Москве перед Всесоюзным конкурсом музыкантов-исполнителей на оркестровых инструментах в 1963 году. Его игра меня потрясла, поразила мое воображение. Затем я слушал его на конкурсе в Ленинграде. Туда я тоже поехал «продолжать свое обучение» — послушать знаменитых мастеров.

В Ленинграде на конкурсе выступал цвет исполнителей на духовых инструментах. Глаза и уши разбегались во все стороны. Сколько лет прошло, а воспоминания и впечатления живы. Напомню коллегам-тромбонистам обязательную программу того конкурса: концерты Н. Римского-Корсакова, Н. Платонова, А. Нестерова. Концертино: М. Списак, В. Успенский, другие.

Итак, оглашены результаты конкурса. Как я и предполагал, первое место присуждено, и по праву, Григорию Херсонскому. Назову еще двух исполнителей, которым также были присуждены первые места. Это Д. Пигузов и М. Дубирный.

Как же меня впечатлил конкурс в Ленинграде! Тогда я только начал знакомиться с крупными музыкантами-духовиками того времени, это и было моей дополнительной «учебой». Для меня это была великолепная школа самосовершенствования. Всесоюзные конкурсы того времени отличались высоким исполнительским уровнем. К сожалению, по прошествии времени их престиж несколько упал, но я не хочу сегодня вдаваться в подробности, размышлять, почему так случилось. Но 1963-й год — это было незабываемо, это было что-то!»

Об этом историческом конкурсе рассказывает и Григорий Херсонский:

«Да, это был по своей значимости серьезный конкурс. На него приехала уникальная плеяда музыкантов послевоенного време-

ни. Участников изначально было 70 человек, а в финал прошли только пятеро. Первая премия стала самым большим достижением всей моей творческой деятельности. Не могу не отметить других конкурсантов-тромбонистов, не могу не назвать имена М. Дубирного, Д. Пигузова, Е. Нестеренко».

***

Иван Оленчик, кларнетист-виртуоз, лауреат Республиканского, Всесоюзного и Международного конкурсов, заслуженный артист России. Много лет Иван Оленчик был концертмейстером группы кларнетов в Госоркестре СССР под управлением Е.Ф. Светланова. Ныне он преподает в Российской академии музыки имени Гнесиных, профессор. Ему слово:

«...В 1983 году я проходил военную службу в Первом отдельном показательном оркестре министерства обороны СССР. Это был выдающийся коллектив страны. И вот, по инициативе прославленного дирижера Е.Ф. Светланова произошло знаменательное событие в творческой жизни Москвы — исполнение монументального «Реквиема» Гектора Берлиоза.

Дирижировал Евгений Федорович Светланов. На то время Государственный академический симфонический оркестр СССР был в зените творческой формы и славы. Мы, молодые музыканты, считали большой честью побывать на репетициях и концертах оркестра, слушать игру солистов-корифеев, к которым, безусловно, относился солист-тромбонист оркестра Григорий Херсонский.

Произведение Берлиоза написано для невероятного состава, в том числе — огромного количества медных духовых инструментов, и поэтому творческое объединение двух коллективов — духовой группы ГАСО СССР и I ОПО МО вызвало громадный интерес в столице! Я бы не стал столь подробно рассказывать об этом событии, если бы не большое по масштабу и исполнительской сложности соло тромбона в «Реквиеме». Исполнял его, конечно же, Григорий Херсонский!

Прошло много лет, а великолепная игра Херсонского по сей день в моей памяти. На сцене музицировали две личности: гениальный Е.Ф. Светланов и выдающийся тромбонист Г.М. Херсонский. Концертов было два: в Большом зале Московской консерватории и на сцене Большого театра.

...Прошли годы, и я по конкурсу прошел на должность солиста в Госоркестр. Между мной и Григорием Херсонским возникли те-

плые человеческие взаимоотношения. К сожалению, я не слишком много времени проработал с ним. Жизнь диктовала свои условия, и через несколько лет он уехал в Израиль. Но теплые чувства к этому изумительному человеку и музыканту остались в моей душе навсегда.

Пусть это мое воспоминание отзовется в вашем сердце, дорогой Григорий Михайлович, моей искренней любовью и уважением к вам. Вы отметили свое 80-летие. Здоровья вам и огромных творческих успехов!»

Тромбонисты. Семья Херсонских

Подсчеты Григория Херсонского

Как педагог Григорий Херсонский дал путевку в жизнь не одному из ныне играющих профессионалов. Его мастер-классы, которые проходили в Японии, Австралии и Испании, пользовались очень большим успехом.

— Григорий Михайлович, прежде всего вы — педагог для своих детей и внуков. У вас династия тромбонистов. До встречи с вами я полагал, что вас трое: вы и ваши сыновья, Михаил и Денис, — но оказалось, что вас намного больше!

— Да, Борис, ты ошибся ровно вдвое. Нас шесть тромбонистов, и это моя гордость. Значит, я именно тот могучий дуб, откуда ветки пошли в небо.

Представлю свою династию. Сын Михаэль Вуль. Родился в Москве в 1959 году. Начал заниматься на тромбоне в 9 лет у меня, далее окончил Центральную музыкальную школу при Московской государственной консерватории. Учился у моего же преподавателя П.И. Чумакова, который затем взял Михаила к себе в класс уже в Московскую консерваторию.

В 1979 году по конкурсу поступил в Симфонический оркестр Гостелерадио СССР (дирижер Максим Шостакович), затем исполнял партию первого тромбона в Государственном оркестре министерства культуры СССР (дирижер Геннадий Рождественский). С 1991 года Михаил работал в оркестре Израильской национальной оперы. С 2011 года — Хайфский симфонический оркестр. Завидная биография для любого музыканта, не так ли?..

Мой младший сын Денис. Первый тромбон Хайфского симфонического оркестра и продюсер Хайфского биг-бенда Haifa Jazz Band . Это была его идея — организовать при симфоническом оркестре джаз-оркестр. Идея сразу всем понравилась — как музыкантам, так и руководству оркестра — и коллектив был создан моментально.

«Исполнители биг-бэнда говорят на разных языках, и у каждого есть свое слово — лучшей обстановки для творчества я еще не видел!» — рассказывает Денис.

«Haifa Jazz Band» — единственный профессиональный джазовый оркестр в Хайфе и на севере страны.

Григорий Херсонский продолжает представлять свою музыкальную династию:

«Сын Михаила, мой внук Грэг Вуль. Родился в 1982 году. Начал играть в 8 лет. На третий день после приезда в Израиль начал заниматься на тромбоне у Михаила и у меня. Грэг окончил израильский музыкальный колледж «Тель Маэлин». После этого поступил в университет «Linn» в Майами. Работал в Хайфском симфоническом оркестре.

С 2016 года Грэг — солист (партия первого тромбона) симфонического оркестра в Суджо (Китай). Это международный оркестр, где собраны лучшие музыканты из 18 стран.

Эрик Вуль, сын Дениса. Сейчас работает в Хайфском симфоническом оркестре и является студентом Тель-Авивской академии музыки.

Милан Виндовер-Вуль, правнук. Ему 12 лет, учится у меня и у Михаила в консерватории Кирият-Ата.

... Немного арифметики — и мы выходим на цифру шесть. Затронуты четыре поколения! Очень надеюсь, что на этом счет не закончится!»

«Херсонский — это железный стержень оркестра!»

Израильский музыкант — композитор, профессор, с 1994 по 2014 год главный дирижер Хайфского симфонического оркестра Ноам Шериф сегодня считается одним из самых известных и разносторонних израильских музыкантов, и он знает, что говорит, ему можно верить. О Григории Херсонском, с которым немало работал, он сказал необыкновенно: «Херсонский — это «железный стержень» оркестра, вокруг которого расположились другие музыканты».

— Борис, я помню нашу беседу несколько лет тому назад, когда мы говорили о солисте нашего оркестра, великолепном трубаче Натане Бирмане. И я даже помню, что сказал в заключение нашей беседы. «Когда я становлюсь на дирижерский подиум и вижу Натана перед собой, у меня на сердце легко, и я полон уверенности». То же самое относится и к прекрасному тромбонисту, солисту нашего оркестра Григорию Херсонскому. Говоря о Херсонском, я не могу не сказать о его высоком профессиональном уровне (как и у всех музыкантов-репатриантов, с которыми мне приходилось работать. Это специалисты наивысшего класса)!

Но из всех тромбонистов, с которыми я работал, Херсонского я могу выделить особо, в моем «списке» он на первом месте. Выдающийся — и тромбонист, и вообще музыкант. А его династия детей и внуков?! Он во всем феноменальный человек, во всех ипостасях. И в музыке, и в жизни.

Тромбон его — просто бельканто из театра «Ла Скала»! По рассказам его друзей и почитателей таланта я знаю, что он тромбонист-легенда Советского Союза. Рад, что такие именитые люди сегодня с нами, поддерживают и поднимают культурный уровень нашей молодой страны. Вклад их неоценим. Желаю маэстро, как у вас говорят, сибирского здоровья и успехов в преподавательском труде!»

Здоровья и вдохновения вам на долгие годы, дорогой Маэстро!

Одиссея Владимира Чижика

Владимир Чижик. Не уверен, что сегодня это имя широко известно, но в 60-70-е годы Владимир Чижик был кумиром многих музыкантов. Для меня же два коллектива, в которых он играл, были воплощением самого высокого эстрадного и джазового искусства.

Прекрасно помню виниловый диск Всесоюзной фирмы грампластинок «Мелодия», который в 1970 году мне подарили на день рождения: он назывался «Приятный вечер», это была музыка композитора В. Долгова в исполнении ансамбля под управлением В. Людвиковского, и солировал там Владимир. Это был самый дорогой подарок, полученный в тот день.

Напомню своим сверстникам и расскажу молодежи. В те времена каждый вечер после 24-00 на радиостанции «Юность» в качестве заставки к передаче «Для тех, кто не спит» на весь Советский Союз звучала труба Чижика (это была «Колыбельная» Алексея Мажукова).

Владимир Чижик солировал в саундтреках множества знаменитых игровых и мультипликационных фильмов и телепередач: «Операция Ы», «Кавказская пленница», «Романс о влюбленных», «Бременские музыканты», «Ну, погоди!», «12 стульев» (режиссёра Л. Гайдая), «Кабачок 13 стульев», «Варежка» ...

... Обычно я не скрываю, «откуда дровишки» моего нового очерка. Не изменю традиции и на сей раз.

+++

Мой друг, томский композитор и дирижёр Валерий Ермошкин прислал мне видеообращение Владимира Чижика к композитору Мураду Кажлаеву.

Мне было известно, что в конце 1974 года Чижик уехал в Америку, занялся бизнесом и добился успеха на этом поприще. Помню также, как в советской прессе перепечатывалась информация о том, что эмигрировавший Владимир Чижик зарабатывает на жизнь игрой на похоронах — публиковалась даже фотография... На самом деле фото было сделано на похоронах отца Владимира в Риме.

Вспомнились все ниточки, связывающие меня и Владимира Чижика: известный израильский трубач Натан Бирман, тромбонист Михаил Хейбудин, мои друзья-духовики из Львова, — рассказывали мне о Владимире... Я и сам отчасти львовянин — служил в оркестре штаба ПрикВО, а в конце службы был откомандирован в ансамбль песни и пляски округа. Оказалось, что Владимир Чижик три года играл в этом коллективе. Тогдашний трубач мне рассказывал: «Чижик — трубач каких мало. Бомбил все подряд, любую музыку».

Ну и еще одна ниточка — это наш трубач из оркестра штаба, концертмейстер группы труб Петр Лазаревич Брильман, который служил с Владимиром в Ансамбле песни и пляски.

Я набрался храбрости и позвонил в Нью-Йорк. Владимир сразу мне ответил, и у нас завязался, на мой взгляд, теплый разговор.

— **Владимир, расскажите о своём детстве, о родителях...**

— Я родился в Киеве, в очень известном месте, на улице Прорезной.

В соседнем дворе жили мои дедушка и бабушка Раппопорт — родители мамы. Через много лет я навестил это место вместе со своей американской женой Ширли и сыном Майклом.

Мне было почти 4 года, когда началась война. С первого дня войны мы жили в подвале-бомбоубежище: немцы бомбили Киев

днём и ночью.

Папа, Илья Лазаревич Чижик, был профессиональный специалист-связист, окончил Одесский институт инженеров связи. После окончания института он получил назначение на Киевскую АТС, где был главным инженером. Тогда это была стратегическая должность, и ему была предоставлена отсрочка от призыва. Но отец был патриотически настроен и рвался на фронт... В один из дней отец приехал домой в военной форме, на газике с солдатом — водителем и сказал маме (он называл ее Котенька), что у нее есть 15 минут на сборы. Именно благодаря этому его поступку мы остались живы. Папа сообщил нам, что войсками получен приказ оставить Киев. К вечеру немцы должны были войти в город, и последний поезд уходил через 40 минут. Мама быстро вытащила стариков, но дедушка Лазарь, папин отец, и его дочка Евгения уезжать отказались. Дедушка не верил, что немцы могут творить ужасные вещи по отношению к евреям, — мол, все это пропаганда, и они останутся присматривать за нашими квартирами.

Дедушка Лазарь и моя тетя Евгения погибли в 1941 г. в Киеве, в трагически известном Бабьем Яру. Подробности и детали в 1945 году рассказала моим родителям наша няня-домработница Луша. В один из приездов я побывал в Бабьем Яру. Заходил в синагогу. Почтил память родных возле стелы с именами убитых.

... Итак, мы уже на вокзале. Папа с водителем побежали купить что-то на дорогу, но когда они вернулись, поезда уже не было. Папа помчался на ближайшую станцию, чтобы догнать поезд, но и туда не успел. Никакие расписания не соблюдались.

Эвакуация

... Приехали мы — мама, мамины родители и я — в Ташкент, где нас приняли хорошо. У мамы был опыт работы в организации, относящейся к министерству сельского хозяйства, и она в первый же день устроилась на работу. Позднее моя тётя, Мария Лазаревна Чижик, которая была на фронте, помогла нам узнать о судьбе отца, разыскав его по полевой почте.

Позже, в 1943 году, мамин брат вызовом перевёл нас на Урал, где в 6 лет я пошёл в школу. Эвакуация продолжалась — теперь это был посёлок Кисигач Чебаркульского р-на Челябинской области.

В 1945 году друг моих родителей Бражников Вениамин Васильевич стал директором львовского объединения «Укрглаввино». Ему мы и обязаны тем, что очутились во Львове. Отца демобилизовали только в 1947 году: задержали как ценного и нужного армии специалиста.

— Расскажите о первом учителе. Как в вашей жизни появилась труба?

— Во Львове я пошел во Дворец пионеров на ул. Короленко, где был духовой оркестр, которым руководил известный в городе трубач, преподаватель консерватории и солист оркестра театра оперы и балета, Швец Владислав Александрович. Я уже знал ноты, т.к. до этого к нам домой приходила учительница заниматься со мной на фортепиано, кроме того, я ходил в музыкальную школу. Владислав Александрович дал мне в руки тенор и... Дома, когда я его принес, все были в шоке, мама заплакала даже. «Где мелодия?» — спросили родные. Я всем доходчиво объяснил, что это аккомпанирующий, но важный инструмент, а мелодию играют баритоны и трубы.

Вообще-то я хотел играть на барабанах, но Владиславу Александровичу нужен был второй тенорист — и он меня уговорил. Я «проквкал» на теноре несколько недель и, к удовольствию до-

мочадцев, меня перевели на трубу (освободился инструмент).

Швец мне показал правильную постановку, аппликатуру. Думаю, мне повезло в жизни, что мне встретился такой серьезный и знающий педагог...

***

Первая моя работа или, как называли музыканты, халтура у меня была на избирательном участке. Пригласил меня аккордеонист. Мы играли там с самого утра, с шести часов.

А мой педагог Владислав Александрович по этому случаю дал мне свою трофейную серебряную трубу.

Отвечая на ваш вопрос, Борис, со всей ответственностью заявляю, что Швец В.А. — мой первый и главный учитель музыки. И не только музыки!

Как и мой отец, он прошёл всю войну, до самого конца. Настоящий фронтовик, за боевые заслуги награждённый орденами и медалями страны.

Мой учитель много лет дружил с моей мамочкой, которая во Львове работала в обкоме Профсоюза работников культуры. Владислав Александрович был профсоюзным деятелем в театре оперы и балета и по своей профсоюзной работе часто приходил к моей маме на работу. Мои родители и Владислав Александрович с женой Тамарой дружили и домами, часто бывали друг у друга в гостях. Позже по велению сердца мой Учитель много лет ухаживал за могилой моей матери.

А недавно я нашел в интернете внучку своего дорогого Учителя!

Ее зовут Анна Дзялак-Савицкая, она скрипачка, лауреат международных конкурсов, живет и работает в Швейцарии.

Я написал ей — и она мне ответила:

«Приятно, что моего любимого дедушку помнят и такие люди, как вы, Владимир Ильич, — известный музыкант. Он вами всегда гордился!»

Дед оставил мне заповеди, по которым жил сам. Вот главные из них:

- Никогда не обсуждать своих коллег и не высказываться о них негативно. Даже дома. Табу.

- Видеть и чувствовать разницу между «поговорить» и «сплетничать». Он говорил: «Запомни: человек, который сплетничает с тобой, сплетничает и о тебе!»

- Не пренебрегай тем, чтоб работать бесплатно.

(Для него взять деньги за консультацию было равноценно

преступлению. Понимаю, что такие жесты ценились в его время больше, чем в 21 столетии. Уверена, что и в дальнейшем он поступал бы так же. Но, возможно, сейчас я бы с ним поспорила, потому что считаю, что «за шоколадку» работать категорически нельзя...)

- Люби музыку ради музыки».

В поисках пути

... окончив школу, я сыграл вступительный экзамен в консерваторию, и В.А. Швец с удовольствием хотел меня взять в свой класс, но...

Вместо консерватории я поступил во Львовский медицинский институт. Кстати, и в этом мне помогла труба. В институте был приличный оркестр, меня туда сразу взяли на первую трубу. Руководителем был известный во Львове зубной врач, в прошлом скрипач, Кесслер Филипп Максимович. Но скажу, что труба трубой, а экзамены я сдавал на общих основаниях, как все. Проучился год, и после первого курса меня забрали в армию. Вышел приказ Н.С. Хрущёва: ввиду нехватки (из-за войны) допризывной молодежи, с первых курсов ВУЗов призывать всех, кому пришло время. Пришло время и мне – и я стал служить в ансамбле песни и пляски Прикарпатского военного округа.

Особенно важную роль в моей жизни, безусловно, сыграло то обстоятельство, что я жил во Львове — городе, который был одним из центров музыкальной культуры Украины, да и не только. Более 60 музеев, множество фестивалей различных направлений, 7 кинотеатров, где играли оркестры, симфонический оркестр, театр оперы и балета, военные оркестры, ансамбль песни и пляски ПриКВО, десятки танцплощадок, где играли очень интересные эстрадные коллективы. И это, наверное, не все...

На коротких волнах

— Владимир, вы мне рассказывали о роли коротковолнового приёмника в вашей жизни...

Это немаловажный фактор для моего самосовершенствования. И в этом, сам не зная того, сыграл роль мой отец. Я вам рассказывал, что он был связист по специальности и у нас дома был трофейный радиоприёмник с короткими волнами. А это значит, что я мог слушать программы из Америки — и их жадно слушал (такие приёмники были запрещены в стране, и нарушение запрета каралось очень жестко). Конечно, слушал я, в основном, джазовую музыку,

передачи Уиллиса Коновера, радиоведущего и джазового продюсера «Голоса Америки». Начиная с 1955 года его радиопередача Music USA вещалась по всему миру, собирая у приёмников миллионы людей. В период холодной войны, в связи с нарастающим интересом к живому джазу в странах Восточной Европы, Коновер с его ночным вещанием стал очень популярен. Я слушал лучшие оркестры мира. Копировал в игре манеру и стиль лучших трубачей мира. Это было для меня школой музыкального, джазового вкуса.

Много лет спустя судьба "живьём" свела меня и всех нас – любителей и исполнителей джазовой музыки — с Уиллисом Коновером и его женой на первом московском джаз-фестивале.

Военный ансамбль

...Три года службы в Ансамбле песни и пляски ПРИКВО были моей консерваторией.

Это был прекрасный коллектив. В ансамбле в разные времена служили Евгений Беляев — в будущем нар. арт. СССР, солист ансамбля песни и пляски им. Александра, Богдан Ступка — также в будущем нар. арт. СССР, известный актер театра и кино. Со мной служили Роман Виктюк — выдающийся театральный режиссер современности (в ансамбле он был конферансье), певец Зиновий Бабий—нар. арт. Беларуси, пел в Большом театре Беларуси и учился в Италии. А еще был прекрасный трубач Петя Брильман, которого вы, Борис, хорошо знаете по оркестру штаба ПрикВО, где вы с ним оказались в 70-е годы.

Служа в ансамбле, мы небольшим составом играли во Львове на танцах. В один из вечеров — а мы закончили играть в час ночи — ко мне подошла группа людей. Оказалось, они сидели на балконе и слушали мою игру. «Меня зовут Эгил Язепович Шварц», — сказал один из них и представил мне свою жену Ларису Мондрус (в то время эту певицу еще мало знали). Шварц был дирижером Рижского государственного эстрадного оркестра, с которым он был в то время во Львове на гастролях. Оркестру был нужен первый трубач, и кто-то из музыкантов Львова рассказал Шварцу обо мне.

Еще одно приглашение я получил через певицу Юлию Пашковскую (жену Юрия Тимошенко – «Тарапуньки»), которая пела в оркестре Джаза Молдавии под управлением Шико Аранова – это был известный в то время коллектив. Я прослушался там и даже поиграл с ними, но решил поехать в Ригу — город, который меня привлекал больше.

Мне оставалось служить пару месяцев...

Рига-Москва

Сразу после дембеля мне из Риги прислали билеты на ЖД. На вокзале меня встретил известный конферансье Гарри Гриневич.

Приняли меня тепло, дали квартиру. Начались репетиции.

Неожиданно через два месяца у меня раздался телефонный звонок. «Я — Жора Гаранян, — раздалось в трубке. — Вчера мы с оркестром Лундстрема ехали в поезде по северу Прибалтики и по радиоточке слушали живой концерт из Рижской филармонии, где играл оркестр, и ты солировал. Олег Леонидович Лундстрем послал меня на переговоры с тобой».

На следующий день Гаранян появляется в филармонии. Мы заходим в небольшое помещение, Жора садится за рояль. «Давай помузицируем — то, что ты знаешь», — сказал он. После нескольких пьес попросил сыграть верхние ноты. Подошёл, обнял и говорит: «Ты — первая труба оркестра Лундстрема!»

В Москве меня встретил директор оркестра, замечательный человек Михаил Ильич Цын, и отвез в гостиницу «Пекин» (кстати, это была гостиница «Конторы», т.е. КГБ). Там мне был приготовлен шикарный номер, где я мог жить и заниматься на трубе. Так началась моя московская сага.

Именно благодаря Михаилу Цыну оркестр Лундстрема оказался в Москве. Через свои огромные связи он выбил в министерстве ставки и другие денежные средства для поддержки коллектива.

Историческая справка

Государственный камерный оркестр джазовой музыки Олега Лундстрема имеет уникальную историю. Организованный детьми работников КВЖД в Харбине в 1934 году, оркестр в 2021 году отмечает свое 87-летие и 105-летие со дня рождения своего основателя и на протяжении 77 лет бессменного дирижера и художественного руководителя Олега Леонидовича Лундстрема.

Это самый "долгоиграющий" биг-бэнд в мире, что зафиксировано в российской книге рекордов Гиннеса.

После Второй мировой войны политическая ситуация в Китае обострилась, возможности творческого роста в Шанхае были исчерпаны. Иностранцам стало трудно жить в Китае.

В 1947 оркестр в полном составе с семьями приезжает в СССР. Судьба благосклонна к музыкантам, они приезжают в Россию и остаются живы, так как именно в это время прекращается массовый террор по отношению к "возвращенцам" (многие из тех, кто приехал ранее, погибли).

Для проживания музыкантам было предложено несколько городов на выбор. Так как все хотели получить высшее музыкальное образование, то выбор пал на Казань: там была консерватория.

В ту пору худруком Татарской государственной филармонии был композитор А.С. Ключарев. Он сразу же оценил возможности прибывшего в Казань оркестра и сделал все, чтобы он не распался, чтоб давал в Казани и окрестностях разовые концерты.

Далее оркестр переехал в Москву. В концертах коллектива принимали участие живые легенды, лучшие певцы и певицы СССР: квартет «Аккорд», квартет «Гая», Майя Кристалинская, Гюли Чохели. В 70-е с оркестром работали Ирина Понаровская и Алла Пугачева...

Музыканты О. Лундстрема – изумительные люди

— В оркестре мне нравилось все. Изумительные, интеллигентные люди — музыканты оркестра, очень тёплые отношения в коллективе. У всех чистый русский язык (напомню, что советская власть их выманила из Шанхая).

Шикарными музыкантами были Лёся Осипов (труба), Георгий Гаранян (саксофон), Залман Хазанкин (ударник), Игорь Лундстрем (саксофон), пианист Коля Капустин, трубачи Юра Каврайский и Кеша Горбунцов и другие...

***

— **Вместе с Тимофеем Докшицером вы принимали участие в передаче, посвященной искусству трубы. Расскажите, пожалуйста, об этой передаче.**

Давным-давно на ТВ у нас с легендарным Тимой Докшицером был цикл передач о трубе.

Мы сидели за круглым столом и разговаривали. Играли экспромтом. Редактором передач была музыкальный редактор ТВ Нина Франио, в то время она была автором многих музыкальных программ. Замечательный человек и большая умница. Этот цикл вещался из студии на Шаболовке. Это были интересные передачи, и шли они в прямом эфире.

— **Владимир, расскажите о работе в оркестре под управлением Юрия Силантьева.**

Играл первую трубу, был концертмейстером группы трубачей и членом худсовета эстрадно-симфонического оркестра ЦТ и Всесоюзного радио под управлением Юрия Васильевича Силантьева. Там работали настоящие профи своего дела. Времени на репетиции было немного. Много записывались, часто играли все с листа и напрямую — в эфире или на концерте. Юрий Васильевич был очень харизматичным человеком, прекрасным музыкантом, талантливым композитором, все схватывал на ходу. Мы много играли произведений, написанных специально для нашего оркестра — в том числе и сочинения Силантьева.

Но всему этому предшествовала еще одна история. В оркестре Юрия Силантьева первую трубу играл один из лучших эстрадных трубачей того времени, Владимир Тартаковский (уверен, эта фамилия хорошо знакома нашему читателю). Тартаковского пригласили в Ансамбль им. Александрова. В оркестре Силантьева ему выдвинули требования: «Мы тебя отпускаем, но ты нам находишь полноценную замену». Не буду углубляться в перипетии этой истории, но так я оказался в оркестре Юрия Силантьева.

— **Владимир, с Иосифом Давыдовичем Кобзоном, первым из артистов эстрады Советского Союза получившим высокое звание Народный артист СССР, вас связывают многие годы личной дружбы. Поделитесь воспоминаниями, пожалуйста.**

— Во время моей работы в эстрадно-симфоническом оркестре Ю.В. Силантьева, на одной из записей музыки композитора Аркадия Островского, появилась пара новых вокалистов. Это был изумительный дуэт: студенты Гнесинки Виктор Кохно, тенор, и Иосиф Кобзон, баритон. И было это на отборочном прослушива-

нии для популярного в то время конкурса советской песни. Как это работало: в течение года телезрители присылали открытки с названиями трех лучших, по их мнению, песен. Песни, указанные в наибольшем количестве открыток, выходили в финал. Исполнители этих песен становились лауреатами. Это открывало дорогу новым именам в советской эстраде. Таким новым именем был Иосиф Кобзон, ставший мне близким другом на многие годы.

Главный редактор редакции "Советская песня", музыкальных программ Всесоюзного радио Чермен-Касаев сразу увидел в Кобзоне артиста-певца с безграничным потенциалом популярности и любви слушателей.

Чермен-Касаев был замечательным человеком, обладающим великолепным профессиональным чутьем: попал в его поле зрения – считай, получил большой шанс – практически, «путёвку в жизнь». По сути, он был работодателем. Давал рекомендации на передачу «С добрым утром!», «Добрый вечер», «Утренняя почта» и т.д. — и это было отличной рекламой. Это была фигура союзного значения.

Если артисту разрешали звучать на радио, это означало, что его исполнение можно транслировать и по телевидению — как Центральному, так и местному. Сами понимаете, что это значило для молодого, никому не известного студента института им. Гнесиных.

Вскоре мастерство и популярность Кобзона дошли до самого Н.П. Чаплыгина — главного редактора музыкального вещания Всесоюзного радио и ТВ.

На репетиции оркестра Ю. Силантьева часто приходили композиторы. Слушали дуэт И. Кобзона и В. Кохно, и он им очень нравился. Молодые артисты пели чисто и очень подходили друг другу тембрально.

До этого на эстраде самой популярной была другая пара певцов — Владимир Бунчиков и Владимир Нечаев (они пели как патриотические, так и популярные песни). Но к тому времени они как-то устарели, что ли. И тут появляются яркие и полные энергии и задора молодые Кобзон и Кохно!

Изначально они пели только в дуэте. Исполняли песни Островского, Долуханяна, Фрадкина, Френкеля, Пахмутовой, Колмановского, Мурадели, Туликова и др.

У меня был небольшой ансамбль из музыкантов оркестра Силантьева. Мы выступали там, где не нужны были большие коллективы, и это было для нас неплохим материальным подспорьем.

Конечно, я сразу пригласил молодых певцов выступать с нами. К слову, мы аккомпанировали и многим известным солистам — Леониду Утёсову, Муслиму Магомаеву, выступали во Дворце Съездов, Колонном зале Дома Союзов и на других престижных концертных площадках.

Так мы подружились с Иосифом. Помню наш первый разговор. Иосиф рассказал, что недавно демобилизовался из армии, служил в ансамбле песни и пляски Закавказского военного округа, в Тбилиси. Я служил в подобном коллективе — только в Прикарпатском военном округе, во Львове. А еще оказалось, что мы соседи. Он арендовал комнату, а у меня была своя комната в общей квартире по соседству. Вот такие мы были в те времена богачи. К нему часто приходил Юра Гагарин, с которым он меня познакомил. Превосходный человек, умный, мягкий. В детстве и юности, кстати, играл на трубе.

Дядя Владимира Высоцкого, Павел Леонидов, был эстрадным администратором (сегодня его назвали бы продюсером). Услышав дуэт Кохно и Кобзона на одном из концертов в Москве, Паша решил взять их под своё крыло. С этого началась, как говорят в музыкальном мире, их «раскрутка». Среди прочих, П.Л. Леонидов был администратором Вадима Мулермана, Валерия Ободзинского, Ларисы Мондрус, Владимира Высоцкого, Евгения Мартынова, Аллы Йошпе, Стахана Рахимова, Клавдии Шульженко, Марка Бернеса, Гелены Великановой... Как опытный продюсер Леонидов сразу понял, что Иосиф человек с новой и нужной этому времени харизмой. Публика его полюбит! Паша Леонидов разделил этот прекрасный дуэт и создал сольный концерт для Вити Кохно и отдельно — концерт для Иосифа Кобзона. Это было великое продюсирование!

Леонидов порекомендовал Кобзона композитору Аркадию Островскому. Отсюда возникли в его исполнении песни «А у нас во дворе», «Голос Земли», «И опять во дворе» ... Он же купил Кобзону первый костюм.

Мне с Иосифом всегда было интересно — как с человеком и как с музыкантом. Если Иосиф дружил — то все было по-настоящему.

Помню наши многочисленные концерты. Вспоминанию выступление в цирке. Это было представление М. Бертенёва «Куба — любовь моя». Песню с таким названием написала А. Пахмутова. Вскоре эту песню Кобзон исполнил на Всесоюзном телевидении, в одном из выпусков «Голубого огонька».

В цирке мы познакомились с Олегом Поповым и другими ар-

тистами — очень интересными и приятными людьми, с которыми потом отработали много лет и много программ.

Любили завтракать с Иосифом в пельменной, которая находилась недалеко от нас. До сих пор помню, какие вкусные были пельмени. А еще, по секрету: иногда мы баловались коньячком в рюмочных, которые открыли по всей Москве, чтобы люди не пили на улицах. Притом выпивохами мы отнюдь не были.

С мамой и сестричкой Геленой Иосиф жил в маленькой квартирке на проспекте Мира. Мама, Ида Исаевна (в своё время она была народным судьёй на Донбассе), сразу приняла меня как члена семьи, дружила с моим отцом. Когда Иосиф уезжал на гастроли, он оставлял мне мать на попечение. Мне это было в радость. Я возил её по врачам, а она, в свою очередь, заставляла меня принимать витамины и без бутерброда в дорогу не отпускала. С сестрой Кобзона, Гелочкой, я до сих пор дружу и люблю её!

Умели мы и отдыхать.

Примечателен такой случай.

Иосиф купил машину — американский Бьюик — и на ней мы вдвоём поехали в Одессу. Там погрузили машину на теплоход "Шота Руставели": мы были гостями капитана этого круизного корабля.

Вечером Иосиф пел в кают-компании, где собирались пассажиры и члены команды теплохода (там была небольшая сцена и оркестр теплохода). Кобзон уже тогда был известной личностью и популярным артистом. Помню, с каким восторгом встречали на корабле его выступления.

От Иосифа я многому научился. Уважать друзей и любить свою страну.

Иосиф Кобзон всегда был и есть в сердце моем, для меня он никуда не ушел. Он мой друг, он мой брат!

Жизнь Кобзона не всегда была выстелена красной дорожкой. Не раз недруги и завистники подставляли его... Но он, человек высочайшей порядочности и честности, оказался сильнее, умнее и мудрее многих... Были у него и враги, но они боялись с ним связываться: он был бесстрашным человеком и авторитет у него был громадный.

В своей жизни он сделал много хорошего — включая, к примеру, управление несколькими детскими домами на протяжении десятков лет. Помогал как мог не только близким и друзьям, а и

многим, кого и не знал. Иосиф Кобзон — великий артист с большим и добрым сердцем!

СМИ

Музыкальные критики того времени пишут:

«Чижик был самым ярким солистом-трубачом в истории оркестра Ю. Силантьева! Блестящий исполнитель таких авторов, как Т. Хренников, Е. Крылатов, З. Бинкин, Б. Троцюк, Б. Фиготин...

Играл много сольных пьес с оркестром в прямом эфире. Играл безукоризненно!».

— Борис, приятно и трогательно это вспоминать.

Таких воспоминаний немало... Композитор Борис Карамышев написал чудесную Фантазию на темы киномузыки Тихона Николаевича Хренникова, где трубе была отведена важная роль.

Премьера состоялась в Колонном зале Дома Союзов и шла по всем главным каналам телевидения! Т.Н. Хренников сидел в правительственной ложе с женой Кларой.

Присутствовали члены правительства и знаменитости. Оркестр Ю. Силантьева открывал второе отделение Фантазией Карамышева. Приняли со скандированием, и прошло все прекрасно — впрочем, как и положено Оркестру радио. Тихон Николаевич несколько раз выходил на поклон и вёл за руки нас с Силантьевым. Хренников был совершенно божественный человек.

Был успех! В зале присутствовали и многие актёры, игравшие в фильмах, музыку к которым мы исполняли в этой фантазии. В те годы они ещё были живы!

К сожалению, многие записи всего, что происходило с моим участием, после моего отъезда в США, скорее всего, были размагничены — по известным причинам, продиктованным политикой того времени.

Неоднократно меня приглашал на гастроли дирижёр Геннадий Николаевич Рождественский — художественный руководитель Большого симфонического оркестра Всесоюзного радио и телевидения (ныне Большой симфонический оркестр им. П.И. Чайковского). С ним у меня были дружеские и теплые отношения.

Г. Рождественский — дирижер необыкновенного таланта, у него был свой стиль мануальной техники. Жесты его всегда были предельно ясными, он обладал замечательной памятью. Показывал все важные вступления группам и солистам, встречаясь с музыкантами глазами. С ним у меня было несколько гастрольных поездок — в Японию и по Европе. Важной для меня была поездка

в Западный Берлин. Кроме выступлений, мы и часть свободного времени проводили вместе. В один из дней направились посмотреть Рейхстаг. Мы искали на одной из колонн метку моего отца, капитана, инженера-связиста Ильи Лазаревича Чижика: в мае 1945 года, когда взяли Берлин, на правой колонне Рейхстага он угольком написал "Чиж". Увы, не нашли...

В той поездке Геннадий Николаевич познакомил меня с выдающимся дирижёром нашего времени Гербертом фон Караяном. Из-за отсутствия времени встреча была короткой, но запомнилась на всю жизнь.

Вспоминаю, как Геннадий Рождественский и композитор Андрей Эшпай были организаторами моего участия в новой записи Концерта Эшпая для трубы с оркестром. Немного раньше это произведение записал Т. Докшицер. Андрей Яковлевич Эшпай пригласил меня к себе домой, и мы с ним проиграли Концерт (мы дружили с Андрюшей, были на «ты»). Всё происходило по-дружески и искренне. Это была фондовая запись.

— **Тут, Борис, нужна предыстория.**

Работаю у Юрия Силантьева. Для меня это было интересно и, что и говорить, престижно. Один из самых главных и востребованных в СССР коллективов. В оркестре играло 130 музыкантов — включая группу саксофонов, ритм-группу. Внутри оркестра существовал биг-бэнд.

Оркестром исполнялась очень разная музыка. Играли, практически, всё, включая 2-ю картину «Лебединого озера», когда на сцене Дворца Съездов танцевала великая Галина Уланова.

Помню любопытный момент в этом концерте: в финале оркестровую яму подняли до уровня сцены, и группа труб оказалась глаза в глаза с Н.С. Хрущевым и его гостем из Китая, заместителем Мао, Джоу Эньлаем, — которые сидели в первом ряду. Я в этой программе играл много сольных мест, и Н.С. Хрущёв, аплодируя, показал мне большим пальцем — мол, молодец!

А потом, уже в Америке, я встречался с сыном Хрущева, Сергеем. Был у него дома, выпивали по сто грамм. Сергей пригласил меня на свою работу, на кафедру в Университете Брауна (город Провиденс, штат Род-Файленд), где он был профессором и читал лекции по всемирной истории. Эта встреча состоялась благодаря его соседу, моему старинному товарищу по оркестру О.Л. Лундстрема, известному певцу Ара Арсеняну. Оказывается, Сергей всегда интересовался музыкой и помнил меня по моему творчеству в Союзе. Мы очень приятно провели время в воспоминаниях.

— И вдруг... У меня в жизни все происходило вдруг. Божье предзнаменование, что ли???

Юрий Саульский, Вадим Людвиковский и Мурад Кажлаев, члены Союза композиторов СССР, — а это давало немалые возможности — начали организовывать сборные оркестры для исполнения советского джаза. В то время уже приоткрылся железный занавес, и редакторы музыкальных программ московского радио начали делать фондовые записи. Сначала составлялся договор о том, что радио покупает эту музыку и оплачивает работу композиторов, аранжировщиков и исполнителей. Естественно, делалось это осторожно. Внимательно просматривались имена авторов и названия пьес: больше принималось советских и из соцлагеря, меньше — западных. Всем эта идея понравилась, и композиторы и дирижёры обратились к Тихону Хренникову как к председателю Союза композиторов с просьбой поддержать начинание.

— Владимир, я знаю, что у вас с Тихоном Николаевичем Хренниковым были и личные дружеские отношения?

— Говоря о Тихоне Хренникове, надо сказать, что, будучи многолетним Председателем Союза композиторов СССР, он многих композиторов спасал от арестов. Был любимчиком Сталина, особенно после фильма «Свинарка и пастух», и мог позвонить Сталину в любое время. Уже живя в Нью-Йорке, я как-то ехал в машине и включил Русское радио Давидзона (Davidzon Radio). По субботам и воскресениям шла передача с участием деятелей советской культуры. Вдруг я услышал до боли знакомый голос — это был Тихон Николаевич Хренников, у которого брали интервью. Я набираю телефон редакции студии и говорю: «Передайте вашему гостю, что с ним хочет поговорить его давний знакомый, музыкант из Москвы, Владимир Чижик». Через две минуты прямо ко мне в машину звонят из студии и передают слово Тихону Николаевичу. Диктор объявил, что новый американец Чижик сейчас будет говорить со своим соотечественником и коллегой. Мы с ним разговаривали на всю русскую Америку несколько минут. Но какие это были для меня минуты... Через несколько месяцев Тихона Хренникова не стало...

Начал собираться оркестр Вадима Людвиковского. Сначала он был нештатный. Раз в месяц мы с редактором музыкальных передач могли «проталкивать» пару студийных произведений, и таким образом начинала собираться фонотека. В оркестр Людвиковского подыскивались музыканты, которые умели играть джаз — и не только в импровизационной форме, но и были опытными

оркестровыми музыкантами. Собирали биг-бэнд по крупицам — пока не удалось добиться штатного расписания. Коллектив называли «Концерно-эстрадный оркестр радио и телевидения». Передо мной стояла трудная задача: как красиво уйти из оркестра Юрия Силантьева, который меня любил и уважал. Я был у него первый трубач, в репертуаре... Многие пьесы для оркестра писались с учетом возможностей первого трубача. Это была традиция. Я был членом худсовета, Силантьев пообещал мне через две недели присвоить звание заслуженного артиста России — а это и прибавка к будущей пенсии, и другие льготы. Я встал на колени перед ним и сказал: «Юрий Васильевич, это мечта всей моей жизни — играть джазовую музыку». И он, этот великий человек, отпускает меня. Пока он не нашел мне замену, я приходил и помогал оркестру. Слез в глазах Силантьева я не увидел, но он был очень печальным.

Вместе с Вадимом Людвиковским и Георгием Гараняном мы начали поиск музыкантов. Это было первое и основное наше занятие. С первого и до последнего дня я был первым трубачом этого коллектива — пока в дело не вмешалась зловещая фигура С.Г. Лапина. Этот председатель Комитета по радио и телевидению был одним из самых страшных политических идеологов советской музыки... Он и положил конец оркестру. К нему приходили просить за коллектив многие музыканты. Матвей Блантер, уважаемый автор «Катюши», которую знал весь мир, убеждал Лапина, что это лучший оркестр страны, где исполняют всю джазовую и эстрадную музыку Союза композиторов, а джаз играют не хуже американцев, — на что тот ответил: «Поэтому они мне и не нужны».

Так мы все остались без работы. Такие музыканты, столько фондовых записей...

Материалы интернета

Судьбе Вадима Николаевича Людвиковского не позавидуешь: с одной стороны, он много работал, купался в лучах славы, с другой — было в его жизни и немало печальных событий, инициируемых его завистниками. Сын военного дирижёра, он чуть ли не с пелёнок присутствовал на репетициях отцовского оркестра, к пяти годам сочинял, а к восьми — владел несколькими музыкальными инструментами и импровизировал. Юный гений, советский джазовый Моцарт.

1966-й год – один из самых счастливых в жизни Вадима Николаевича: его пригласили возглавить Концертный оркестр Гостелерадио. В оркестр пришли талантливые музыканты – Георгий Гаранян, Борис Фрумкин, Герман Лукьянов, Владимир Чижик. Оркестр был нарасхват – его записывали на радио, показывали по телевидению, с экранов кинотеатров и телевизоров звучала музыка в исполнении оркестра Людвиковского – в фильмах «Кавказская пленница», «Джентльмены удачи», мультфильме «Ну, погоди!»; оркестр играл в телевизионном «Кабачке 13 стульев» ...

Говорят, когда наши джазмены выезжали за рубеж, иностранные коллеги в первую очередь спрашивали: «Что нового у вас в джазе? Что написал Людвиковский?..»

А в 1973 году Вадим Людвиковский был уволен.

***

В.И. Чижик продолжает:

... На помощь пришел мой друг Иосиф Кобзон. Он предложил мне собрать малый состав и работать с ним. Это должна была быть интересная работа, значительная часть выступлений предполагалась в самых престижных местах. Я быстро собрал музыкантов. Мы уже даже пошли в ЦУМ подыскивать материал для костюмов...

Идея пришла неожиданно

В один из дней мне пришла мысль — наверное, от Бога — создать штатный ансамбль или оркестр на Всесоюзной студии

звукозаписи «Мелодия». Я пошел к Борису Давидовичу Владимирскому, Генеральному директору фирмы «Мелодия», с предложением не потерять студийных высокопрофессиональных музыкантов из оркестра Людвиковского, по сути — готовый оркестр. Пошел со мной на эту встречу и горячо поддержал эту идею Геннадий Николаевич Рождественский, великий человек и дирижёр.

Кстати, Борис, читателям это будет интересно: Рождественский — единственный дирижёр-лауреат Ленинской премии, народный артист СССР, который не состоял в рядах КПСС. Удивительный факт на то время.

Если позволишь, я немного отвлекусь от своего повествования.

Провидец и смелый человек Геннадий Рождественский

— Хочу рассказать о премьере Первой симфонии тогда молодого композитора Альфреда Шнитке в 1974 году.

По идеологическим законам того времени это произведение было запрещено.

Многие дирижёры в СССР хотели записать и пытались включить в свой репертуар Первую симфонию Альфреда, но худсоветы запрещали им это сделать...

Геннадий Николаевич понимал значимость музыки Шнитке, видел в нем гениального композитора. Он втайне договорился с директором Горьковской филармонии, что тот предоставит площадку и оркестр для исполнения симфонии (были и тогда рискованные люди). В музыкальных кругах Москвы было известно об этом событии — но это были разговоры «на кухне».

Ночью поезд, заполненный меломанами, диссидентами от мира музыки тронулся... В этом же поезде ехали и мы джаз-группой — музыканты из ансамбля «Мелодия»: Г. Гаранян, А. Зубов, А. Бахолдин и я (в симфонии требовалась джазовая окраска и было много сольных мест). С нами — крупнейший дирижёр и смелый человек Геннадий Рождественский.

Нигде в Горьком об этом концерте не объявлялось. Ни одной афиши — только «сарафанное радио».

Утром была репетиция, и уже весь город шумел о событии. Вечером был концерт. Это было самое первое исполнение симфонии никому не известного композитора А. Шнитке. Зал филармонии был набит до отказа, было много конной милиции. Непонятно — кого и от кого она охраняла?

Концерт прошёл с большим успехом. В зале кто-то записывал

исполнение. Может, это были люди из КГБ... Не знаю. Ни телевидения, ни радио не было. Ночью, после концерта, мы, одухотворенные проделанным, возвращались в Москву. По «Голосу Америки» почти сразу рассказали об этом концерте. А симфония попала в число полузапрещенных произведений. Только в 1986 году она была исполнена в Москве.

Не могу не сказать и о нашей личной дружбе с Альфредом. Он часто приходил к нам на репетиции, был общительным и очень добрым товарищем — в общем, классным парнем. Сегодня Альфред Шнитке — классик.

А сейчас Борис, мы приблизились к рассказу о «Мелодии».

... Изучив многие административные вопросы, я хорошо подготовился к встрече с Генеральным директором «Мелодии». В то время в командно-административной системе страны появилось новшество: возможность работать по договору (это была инициатива А.Н. Косыгина). Эта реформа должна была ослабить экономическое давление на хозяйственную деятельность людей и целых коллективов — и неважно, в какой отрасли они работали. Из Госплана пошли указы, что не надо ждать штатное расписание из Совмина, чтобы, к примеру, взять уборщицу или сторожа на работу. Все это могло делаться по договору и на местах. Трудовое соглашение (контракт) — это была революция на то время. К нам присоединилась бухгалтер фирмы «Мелодия» и подтвердила, что соответствующие директивы получены. Через полчаса мы подписали договор.

Я — руководитель ансамбля «Мелодия». Зарплата приближалась к заработкам музыкантов Большого театра. Так началась творческая жизнь нового ансамбля. Я сел в машину и не задумываясь отправился к Георгию Гараняну, который жил с родителями и был без работы. Долго мне его уговаривать не пришлось. «Жора, — говорю я ему, — мы должны сделать «Совьетише репертуар». Мы будем записывать прекрасную, доступную музыку и на всю страну распространять через магазины грампластинки фирмы «Мелодия».

Впоследствии за короткое время было продано 16 млн. пластинок. На нас с утра до вечера работали несколько заводов: Рижский завод грампластинок, «Апрелевский» и другие... Состав ансамбля: Алексей Зубов, Георгий Гаранян, Владимир Чижик, Борис Фрумкин, Герман Петров, Константин Бахолдин, Александр Бухгольц, Леонтий Черняк, Игорь Кантюков, Александр Симоновский. Благодаря нашей правильной репертуарной политике,

исполнению популярнейших произведений членов Союза композиторов СССР, Георгий Гаранян в короткое время стал членом Союза. Мы все искренне этим гордились.

***

Студию грамзаписи «Мелодия» выбирали ведущие солисты-вокалисты и композиторы разных жанров. На ней записывались Владимир Высоцкий, Лев Лещенко, Иосиф Кобзон, Людмила Гурченко, Валерий Ободзинский, Валентина Толкунова, Майя Кристаллинская, Анна Герман, Алла Пугачева и Андрей Миронов...

Композиторы стремились именно на «Мелодии» записать свою музыку к кинофильмам или театральным постановкам: это обеспечивало им высокое качество исполнения. Композитор Александр Зацепин записал с нами музыку ко множеству своих фильмов.

Мы участвовали в записи Первой симфонии Альфреда Шнитке, альбома «По волне моей памяти» Давида Тухманова, альбома Мурада Кажлаева «Крутые повороты» и огромного количества другой хорошей музыки...

... Вспомнил случай на Пушкинской, в Одессе. Идем после концерта — а из многих окон звучит наша музыка. Как не гордиться этим!

Но среди ясного неба вдруг грянул гром...

Был обыкновенный репетиционный день. Время обеденного перерыва. Мы собирались направиться в столовую редакции газеты «Гудок», где мы были постоянными посетителями (это было напротив нас, там вкусно кормили — за 90 копеек можно было хорошо пообедать — и все мои мысли уже были там: наверное, проголодался).

«Ребята, сейчас небольшое собрание», — вдруг объявил нам Жора Гаранян. Собрание так собрание. Ничего зловещего в этом слове и в том, как оно было сказано, я не услышал.

В действительности же именно оно разделило мою жизнь на две части.

Захожу в помещение для собраний и вижу: стоит стол, как для президиума. Во главе сидит директор фирмы «Мелодия» Б. Владимирский, начальник отдела кадров фирмы В. Лихачёв и два незнакомых мне человека — как потом выяснилось, представители КГБ.

«Интересно, о чем пойдет речь», — подумал я.

И даже на секунду не мог себе представить, что сейчас будет решаться моя судьба.

Слово дали Жоре Гараняну, который вышел с написанным текстом и начал читать.

Я, честно говоря, не сразу вник, о чем и о ком речь. А речь шла обо мне...

«До нас дошли сведения, что наш коллега Владимир Чижик собирается уезжать на постоянное место жительства в Израиль, тем самым он сильно подставляет наш коллектив.

«Вы помните, почему разогнали оркестр Вадима Людвиковского? — продолжил он, — один из музыкантов, тромбонист Владимир Гринберг уехал в Израиль (на самом деле причина ликвидация оркестра была совсем в другом, а именно — в «большой любви» Лапина к коллективу и вообще к джазу). Многие записи размагнитили, работа многих лет была потеряна. Вот и у нас подобный случай», — закончил Гаранян.

Все сидящие в зале притихли — вот это да... Бомба!

Затем на сцену Гаранян пригласил Бориса Фрумкина — тоже с заготовленной речью в руках. И пошло, и поехало... Текст Фрумкина был длиннее, обвинения — те же.

Гера Петров, Алексей Зубов, Константин Бахолдин начали меня защищать: ну как же так, мы о таком не слышали. Отец-фронтовик, до Берлина дошёл, был связистом в штабе маршала К.Г. Жукова. Недавно Владимир его перевёз из Львова в Москву, квартиру трёхкомнатную купил, собирался жениться... Но их голос не был услышан — его, собственно, и не хотели услышать. Я сидел как прибитый гвоздями к полу. Всё вокруг поплыло, я не мог поверить в происходящее.

Ещё один музыкант, Саша Бухгольц, зачитал такую же бумагу — точно как Б. Фрумкин, под копирку.

Кстати, через много лет мне неожиданно позвонила жена Бухгольца и сказала, что Саша умирает и очень хочет со мной поговорить. В трубке раздался голос Сашеньки Бухгольца, он просил простить его и снять с него грех, говорил, что его просто запугали... Конечно, я его простил и до сих пор люблю его. На следующий день он ушёл в лучший мир... Спустя годы будучи в Москве, я помирился и с Георгием Гараняном. Бог им судья!

... Во время перерыва я подошёл к начальнику отдела кадров В. Лихачеву и сказал ему:

«Какой смысл мне уезжать — я человек обеспеченный, толь-

ко что перевёз к себе отца-пенсионера из Львова. Планирую жениться...»

Лихачёв мне сказал: «Ты пойми меня, было продано много миллионов пластинок с твоим именем: «Руководитель Владимир Чижик». Теперь складывается следующая ситуация: ты уезжаешь в Израиль на постоянное место жительства. Что нам остаётся делать?...» И продолжил: «Володя, ты знаешь, насколько я тебя люблю и уважаю как трубача и человека... Как мне быть в данной ситуации?»

Я со слезами на глазах ответил ему, что никуда и никогда не собирался и не собираюсь уезжать. Это стопроцентный оговор!..

На этом собрание и закончилось. В воздухе повисла бессмысленная, безрезультатная пауза...

Я выбежал на улицу и устремился к телефону-автомату — позвонить отцу. С горечью все рассказал.

Он как мог успокоил меня, однако сразу понял серьёзность ситуации.

«Приезжай домой, — сказал он, — мы все обсудим».

Позвонил я и моему дорогому Геннадию Николаевичу Рождественскому. «Приезжайте срочно ко мне», — сразу сказал он.

Сажусь в свой «Жигулёнок» и мчусь. Мне нужен совет, как жить дальше.

При входе в квартиру чувствовался приятный запах из кухни. Узнав, что я еду в гости, мама Геннадия Николаевича Наталья Петровна накрывала на стол....

Когда-то, будучи на гастролях в Японии, мы купили два кимоно, и мой халат хранился на кухне у Рождественских.

Когда я приходил к ним в гости, мы их надевали. Вот такая смешная и красивая была у нас традиция.

... Рассказываю суть событий. «Володенька, срочно увольняйтесь сами и не ждите, чтобы они вас уволили», — сказал Рождественский.

Один из парадоксов советской системы состоял в том, что для отъезда на ПМЖ в Израиль ОВИРу нужна была характеристика с места работы. Характеристика для изменника родины? Зачем? Если там будет написано «Ударник коммунистического труда» — выпускают, а если «негодяй и тунеядец» — не отпускают. Так, что ли?

Полный маразм!

«Через пару дней, — сказал мне Геннадий Николаевич, — я

лечу в Лос-Анджелес на премьеру «Петя и Волк» Сергея Прокофьева. Я Вам оттуда организую приглашение на ПМЖ в Америку.

Так оно и произошло. Уже на следующий день я подал заявление об увольнении по собственному желанию. Некоторые музыканты, увидев меня, переходили на другую сторону улицы — так боялись попасться на глаза КГБ.

Мой близкий друг — я сказал бы, самый настоящий и надежный друг — Иосиф Кобзон пригласил меня в Горький, где он давал концерты, — это были мои последние выступления в СССР!

Через несколько недель я получил вызов. Мы с отцом решили, что я поеду первым, а через некоторое время он приедет ко мне.

А еще надо было продать кооперативную квартиру.

Иосиф Кобзон знал и любил моего отца и взял на себя заботу о нём. Но увы, годы... Отцу стало плохо, и Кобзон помог устроить его в хорошую больницу. После выписки купил ему билет до Рима и проводил на самолёт.

Мои близкие друзья в Риме встретили отца, нашли ему квартиру и окружили заботой. Через некоторое время мне позвонили из римской больницы и сообщили, что моему отцу осталось жить недолго. Я срочно прилетел в Рим, и три месяца мы провели вместе. В один из дней я пошел пообедать, а когда пришел — увидел пустую кровать...

Отец похоронен в Риме, в Вечном Городе. Светлая тебе память, мой дорогой папочка!..

— **Владимир, не хочется заканчивать на грустном.**

Проведя много часов в беседах с вами, я понял, что вы в жизни большой оптимист, человек с хорошим юмором и блестящей памятью. А ещё память у вас благодарная — к своему прошлому, к родителям, друзьям и коллегам.

Если можно — пару слов о том, как Владимир Чижик нашел себя в новой жизни?

***

— Официально и законно я приехал в США 2 февраля 1975 года и сразу стал играть в польском клубе в Нью Джерси за \$50 с польским танцевальным оркестром, а в скором времени меня привели в профсоюз музыкантов Нью-Йорка.

Я стал играть с музыкантами, с которыми встречался в Москве и на европейских джазовых фестивалях — это были музыканты из оркестров Бенни Гудмана, Дюка Эллингтона, Фрэнка Синатра и др...

После их рекомендаций, в тот же день, я стал членом профсоюза «Local 802 New York and Canada» и начал получать почасовую «профсоюзную» ставку.

Вот такое было начало...

А дальше моя судьба оказалась связанной с бизнесом, в котором, как я думаю, я преуспел.

(Добавлю, что Владимир Чижик состоялся как финансист и даже занимал пост одного из вице-президентов компании Merrill Lynch (Уолл Стрит Брокер) — крупнейшего инвестиционного банка Америки. Сейчас эта корпорация называется «Bank of America»)

— Время нашей беседы пробежало очень быстро. Большое спасибо вам за предоставленную возможность узнать вас поближе.

Уверен, интерес к этой статье будет огромен. Вас помнят и высоко ценят многие и многие музыканты и любители музыки. Вы — живая легенда советского джаза! Желаем вам здоровья и долгих лет интересной жизни!

P.S. Хочу выразить большую благодарность Юрию Белоногову, руководителю эстрадно-джазового ансамбля «Экспресс-бэнд» города Пензы, за техническую и фактологическую помощь при написании очерка.

Кроме того, мне приятно отметить, что я — первый музыкальный публицист, которому удалось взять большое интервью у легенды советского джаза Владимира Чижика.

Семен Давидович Райхштейн (к 100-летию со дня рождения)

В 2022 году исполнилось 100 лет со дня рождения известного военного дирижера, педагога, профессора института военных дирижеров Семёна Давидовича Райхштейна.

Это был уникальный человек, разнообразно одаренный музыкант, педагог, обладавший яркой харизматичностью, аранжировщик высокого класса, интереснейший собеседник.

А еще он всегда подчеркивал: «Я одессит — а это значит...»

Не знаю, насколько это уместно, но начну я... с себя.

Шесть счастливых лет я прожил в Одессе. Учился в консерватории и работал в оркестре военного училища, где дирижером был Александр Салик, считавший себя учеником Райхштейна. Александр Яковлевич с большой симпатией и теплотой относился к Семену Давидовичу, много о нем рассказывал.

За те годы, что я прожил в Одессе, Райхштейн несколько раз к нам приезжал. Он очень любил Одессу (а как ее можно не любить?..)

В один из таких приездов А.Я. Салик попросил меня встретить Семёна Давидовича на вокзале, так как сам был занят.

Так я поближе познакомился с Райхштейном.

... Конец июля 1975 года, Одесса, вокзал.

Из поезда вышел красивый средних лет мужчина. Я его сразу узнал по описаниям Салика. У Семена Давидовича был отпуск — и, естественно, он был в гражданском.

Сразу завязалась дружеская беседа...

— Борис, — обратился он ко мне, — если у вас есть время, буду вам очень обязан. Гостиница (он остановился в гостинице моряков), душ — и я хочу погулять по городу.

... Ну как я мог отказать такому гостю?

Мы говорили много и обо всем...

Посетили школу-десятилетку им. П.С. Столярского, где он в юные годы (1930-1941) обучался игре на скрипке (учителем Семена Давидовича был сам Петр Соломонович Столярский — и этим многое сказано; но думаю, что Райхштейн был единственным его учеником, сменившим скрипку на дирижерскую палочку руководителя военного оркестра).

Конечно, Дерибасовская...

Ему было все интересно.

Он хорошо знал моего первого военного дирижера по службе воспитанником оркестра в Вильнюсе, Иосифа Моисеевича Манжуха.

Очень тепло о нем отзывался...

Время пролетело незаметно, и мы вместе отправились домой к Александру Яковлевичу...

Вторая — надо сказать, мимолетная — встреча у нас состоялась через несколько лет, в 1978 году, на концерте прославленного трубача современности Тимофея Докшицера в Одесском оперном театре.

С оркестром штаба Одесского военного округа Тимофеем Докшицером исполнял «Рапсодию в стиле блюз», а дирижировал оркестром Райхштейн.

Кстати, оркестровка произведения принадлежала Семену Давидовичу.

Я тоже должен был участвовать в том концерте (в составе оркестра штаба). Но, увы, мне пришлось отказаться, хотя потом я об этом жалел...

Дело в том, что через неделю у меня был выпускной экзамен в консерватории и я не мог присутствовать на репетициях оркестра штаба.

А концерт прошел на ура!

Одесское высшее командно-инженерное училище ПВО.
Е. Светланов «Калина красная»; (аранж. С. Райхштейна),
дирижер А. Салик. Соло на кларнете Б. Турчинский).

Вспоминаю еще одну оркестровку Семена Давидовича.

Под впечатлением от фильма В. Шукшина «Калина красная» Евгений Светланов написал симфоническую поэму с одноименным названием. Уже через неделю-две оркестровка поэмы была у нас в оркестре.

Думаю, в Союзе мы исполнили ее первыми среди военных оркестров. В прекрасном зале нашего училища состоялся концерт по случаю приезда нового начальника военно-оркестровой службы Н.М. Михайлова — там мы ее и сыграли. Все военные музыканты, собравшиеся в концертном зале, были в восторге. А некоторые даже плакали (говорю это без всякого пафоса).

***

Отмечу некоторые факты биографии С.Д. Райхштейна, которые, на мой взгляд, наиболее важны в его жизни.

Начало: 1941—1942 г.г. — красноармеец-музыкант 2-го запасного стрелкового полка (Одесский военный округ); 1942—1945 г.г. — слушатель Высшего военного факультета Московской государственной консерватории, класс М. М. Багриновского;

1951—1959 г.г. — начальник оркестра штаба Ленинградского военного округа;

1959—1971 г.г. — начальник оркестра Военной академии им. Фрунзе (Москва).

На Всеармейском конкурсе военных духовых оркестров 1960 года коллектив Академии им. Фрунзе, возглавляемый С.Д. Райхштейном, занял второе место, в 1970-м на том же конкурсе — первое.

В 1964 году Семёну Давидовичу было присвоено звание заслуженного артиста РСФСР.

С 1971 года С.Д. Райхштейн — преподаватель военно-дирижерского факультета при Московской государственной консерватории им. П.И.

Чайковского. Среди его учеников — засл. деятель искусств Казахстана, профессор, начальник военно— оркестровой службы СНГ (а затем РФ) генерал-лейтенант В.В. Афанасьев, засл. арт. Украины Д. Волков, засл. арт. Казахстана Г. Рожков, засл. деятель искусств Карелии профессор В. Стачинский и другие.

***

Интересные сведения добавил к портрету Семена Давидовича его ученик Александр Чикин — дирижер военного оркестра космодрома Плесецк.

Первый космонавт Юрий Гагарин. Фото после концерта в академии им. Фрунзе

«В духовом оркестре института мой педагог играл на альту и по рассказам педагогов был лучшим альтистом института. Сейчас этот инструмент мало употребляемый, но до 70-х годов был важным инструментом аккомпанирующей группы оркестра.

Кстати, Семен Давидович прекрасно владел фортепиано и многим ученикам сам аккомпанировал».

С. Райхштейн — автор огромного количества бле-

стящих инструментовок и переложений для духового оркестра. Среди них: симфоническая поэма «Казнь Степана Разина» Д. Шостаковича, «Патетическая оратория» Г. Свиридова, «Реквием» Д. Кабалевского, сцены из «Кармен-сюиты» Р. Щедрина, симфоническая поэма «Калина красная» Е. Светланова, «Рапсодия в стиле блюз» Д. Гершвина и др.

«Авторитет Семена Давидовича на факультете в годы его преподавательской деятельности был огромным, — вспоминает начальник Центрального оркестра министерства обороны России Сергей Дурыгин, — а его блестящая инструментовка песни-марша Б. Окуджавы из к/ф «Белорусский вокзал» включена в сборник военно-оркестровой музыки и живет до сих пор в исполнении абсолютно всех военных оркестров России».

***

Подтверждением большого дирижерского таланта С.Д. Райхштейна служит тот факт, что его неоднократно приглашали выступать в концертных программах ведущих военных духовых оркестров страны — Образцово-показательного оркестра Министерства обороны СССР, Военного Образцового оркестра Почетного караула, оркестра штаба Московского военного округа.

Райхштейну принадлежит идея совместных выступлений с ведущими музыкальными коллективами страны — Государственным академическим хором им. А. Свешникова, Большим хором Гостелерадио. С ним сотрудничали лучшие исполнители страны — такие как народные артисты СССР И. Козловский, А. Ведерников, А. Эйзен, Ю. Мазурок, нар. арт. РСФСР Т. Докшицер и другие.

С различными оркестрами С.Д. Райхштейном записано более 150 произведений, и большая часть этих записей вошла в фонд Всесоюзного радио. Ряд концертных программ с участием возглавляемых им оркестров записаны Всесоюзной фирмой грамзаписи «Мелодия».

***

Опубликовав в интернете очерк о Семене Давидовиче Райхштейне, я решил, что работа над ним окончена. Но нет...

Среди множества комментариев был один, мимо которого я пройти не смог — особенно, получив вдобавок фотографию 1974 года.

М. Таривердиев, С. Райхштейн и оркестр 1 курса факультета военных дирижёров при Московской консерватории. 1974 г.

Рассказывает мой друг и соученик по Житомирскому музыкальному училищу Евгений Вайнбранд, ученик Райхштейна по дирижированию на факультете военных дирижёров (1973-1978 г.г.):

«После первого семестра учебы у нас на факультете состоялся концерт. Он был знаменательным для всех нас, т.к. оркестром руководил выдающийся дирижер и всеми уважаемый педагог Семен Давидович Райхштейн.

Центральным произведением программы была увертюра Микаэла Таривердиева «К звездам», посвящённая Юрию Гагарину.

Мы играли ее очень хорошо и в какой-то момент решили пригласить на концерт автора. Позже мы записали увертюру на студии звукозаписи Мосфильм. Для оркестра начального курса это было очень престижно.

Каждая репетиция была для нас праздником. Когда за пульт становился Райхштейн, мы слушали его затаив дыхание. Работал он спокойно, интеллигентно. Мы чувствовали, как от репетиции к репетиции улучшается звучание оркестра, ансамблевая слаженность и музыкальная выразительность. Полотно созревало на наших глазах. Мы были вдохновлены! Мы были счастливы.

Помню и горжусь, что был учеником прославленного мастера, мэтра духовой музыки».

Похоронен С.Д. Райхштейн на Николо-Архангельском кладбище в Москве. На надгробии дирижера изображены четыре ноты.

Предположительно, это начало песни «Rivers of Babylon» («Реки вавилонские») на текст библейского псалма 136, получившей широкую известность в исполнении поп-группы «Boney M».

Кларнетист Евгений Мартынов

Недавно Фейсбук напомнил о прошедшем дне рождения замечательного певца и музыканта Евгения Мартынова, и это подтолкнуло меня рассказать о той стороне его творчества, о которой, я уверен, знают далеко не все.

Справка:

Родился 22 мая 1948 г. в Камышине (Волгоградская область) — умер 3 сентября 1990 г. в Москве.

***

В школе Женя учился хорошо и без особого труда. У него рано проявились музыкальные способности, и отец научил его играть сначала на баяне, затем на аккордеоне. А в Артемовском музыкальном училище Евгений стал учиться в классе кларнета. Позднее, вспоминая о студенческих годах, композитор рассказывал, что в процессе освоения им кларнета как основного инструмента своей профессиональной деятельности, он неожиданно почувствовал в себе композиторские устремления и стал фиксировать их на бумаге.

В училище он оказался в классе опытного специалиста Бориса Петровича Ландаря. Борис Петрович одним из первых оценил способности — в том числе композиторские — своего ученика. Он же и предложил Жене написать что-то для кларнета.

В итоге на свет появились два замечательных произведения, одно из которых, «Скерцо», Мартынов сыграл на гос. экзамене при окончании училища.

В 1967 году Евгений поступил в Киевскую консерваторию им. П.И. Чайковского, но вскоре перевелся в Донецкий музыкально-педагогический институт, который досрочно окончил в 1971 году.

Музыкальное училище, Артёмовск. Б.П. Ландарь с учениками

Не все знают, что первые записанные сочинения Евгения Мартынова созданы в академических жанрах. Первое среди них — «Романс» для кларнета и малого симфонического оркестра. Это лирическое произведение было написано в 1966 году. Евгений не ошибся в своих творческих устремлениях. Ведь уже в этом ученическом сочинении автор проявил свой вдохновенный, неподражаемый мелодический дар, который чуть позже с ещё большей убедительностью зазвучит в его песнях, принеся композитору всенародное признание и славу.

Духовой оркестр Донецкого муз.-пед. института
Донецкий муз.-пед. институт

Донецкий муз.-пед. институт

В институте Мартынов также учился легко и вдохновенно, учил произведения за считанные дни, брал экзаменационную программу и через несколько дней уже играл ее наизусть. Его педагог в институте, доцент Евгений Васильевич Сурженко (окон-

чивший Одесскую консерваторию у профессора К.Э. Мюльберга, у которого имел честь учиться и я) — сам отличный, «играющий» кларнетист — привил своему ученику вкус к точной фразировке, чистейшей интонации и максимальной эмоциональной наполненности исполняемого мелодического материала. Позже, когда Евгений Мартынов «распоется» на эстраде, мастерство и культура его звуковедения будут ярко выделять его из среды окружающих эстрадных певцов, в большинстве своем, наверное, вообще не знающих, что такое «фразировка», «динамика», «агогика», «окраска и филировка звука» и тому подобные академические тонкости. Защищая диплом об окончании ДГМПИ, Евгений исполнил на госэкзамене Концерт для кларнета с оркестром Моцарта, Рапсодию для кларнета и фортепиано Дебюсси, Фантазию для кларнета Гидаша, Патетическое трио для кларнета, фагота и фортепиано Глинки, а также свое Скерцо — «на десерт».

Мне вспоминается одна история

Мой училищный педагог по кларнету, Валерий Иванович Заяц, был другом Евгения Мартынова — они вместе учились в Донецком муз.-пед. институте. Оба занимались у Е.В. Сурженко.

Год 1971. Я, студент 4 курса Житомирского музыкального училища, приглашён на день рождения к своему педагогу, Валерию Ивановичу.

В разгар застолья раздался звонок: учителя поздравил Евгений Мартынов, который в то время был с концертами в Киеве.

«Женя, ты обещал приехать ко мне в гости, помнишь? — обратился к нему Валерий Иванович, — Посмотришь город, нашу полесскую природу, послушаешь моих учеников: один из них готовится поступать в консерваторию, и в его программе — твой «Романс»...

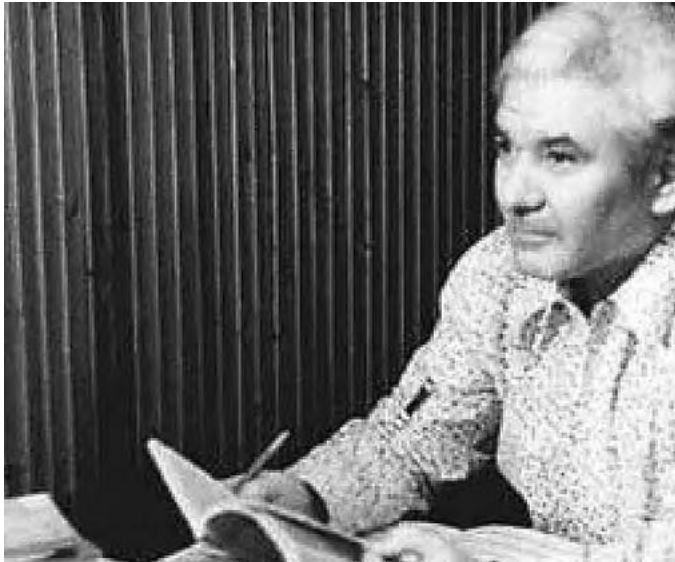
***

... Понимаю, что люди помнят Евгения Мартынова как прекрасного певца, исполнителя своих замечательных песен.

А мне хотелось дополнить его историю. Как кларнетисту о кларнетисте.

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!..

Шамиль Низамутдинов

За время, что я стал писать очерки о своих коллегам-музыкантах, давно не складывалось такой ситуации, как в этот раз. Все, к кому я обращался с просьбой рассказать о тромбонисте, педагоге и человеке Шамиле Низамутдинове, преображались и с радостью принимали мою идею написать о нем.

Народный артист СССР композитор Н. Жиганов, чье имя носит сегодня Казанская консерватория, писал о нем: «Шамиль Низамутдинов — активный музыкальный деятель нашей республики. Прекрасный, глубокий педагог, он воспитал немало замечательных музыкантов, работающих в оркестровых коллективах и учебных заведениях, а возглавляя кафедру, показал себя умелым руководителем учебно-воспитательного процесса».

Об отце вспоминает дочь, Эльвира Шамильевна Низамутдинова, директор музея Салиха Сайдашева, филиала Национального музея Республики Татарстан.

— Так сложилось, что самые яркие события из жизни семьи Низамутдиновых «отмечены» игрушками. Они — часть дома. Когда родился внук, дедушка Шамиль Гильмутдинович первым де-

лом отправился в магазин за игрушечной железной дорогой. Когда одна из моих дочерей была Снегурочкой на президентской ёлке, ей была подарена кукла-Снегурочка...

Маленький ёжик отслужил в армии вместе с моим сыном. Сын играл в образцово-показательном оркестре ВМФ им. Римского-Корсакова на тромбоне, сделанном по особому заказу ещё для его деда. Сидя в футляре тромбона, ёжик участвовал в парадах на Красной площади. После того как фамильный инструмент дважды побывал в Москве — с папой и с его внуком, — семья передала тромбон в Нацмузей Республики Татарстан, где он завершил свой жизненный круг.

Но всему этому предшествовала длинная жизнь...

Мой отец был сыном бедного крестьянина, он родился в 1930 году, 14 декабря в деревне Арслан Буздякского района Башкирской АССР.

Его мать умерла, когда ему было восемь лет, а отец с первых дней Великой Отечественной войны ушёл на фронт и прошёл всю войну — от Сталинграда до Берлина, дважды был контужен, награждён пятью правительственными наградами. А юный Шамиль...

В марте 1944 года Шамиль приехал в Уфу — поступать в ФЗУ. Не поступив учиться, не устроившись работать (ему было всего 14 лет), чтобы не умереть от голода, начал беспризорничать. В один из мартовских дней, во время облавы, его поймали и отвели в милицию. Оттуда он был отправлен в школу военных музыкантских воспитанников (ныне Уфимская школа-гимназия музыкантских воспитанников), где получил начальную музыкальную подготовку по классу тромбона... Школу окончил в 1946 году и был

Выставка в Национальном музее Республики Татарстан. Эльвира Шамильевна дарит в фонд музея ноты и редкие рукописи из библиотеки отца, а также тромбон Шамиля Гильмутдиновича и коллекцию духовых инструментов. 2021г.

направлен в Севастопольское Краснознамённое зенитно-артиллерийское училище в качестве музыканта-воспитанника военного оркестра. Там же проходил действительную военную службу.

Об Уфимской школе музыкантских воспитанников вспоминает однокурсник Шамиля, Борис Гофман, композитор и военный дирижер, чей оркестр из Петропавловска-Камчатского на Всеармейском конкурсе военных оркестров Советской армии в 1970 году завоевал 1-место:

— Гордостью нашей школы являются ее выпускники — такие, как А.Х. Махмутов, академик Академии наук Башкортостана, основатель экономической школы республики, Ш.Г. Низамутдинов — тромбонист, профессор, заслуженный деятель искусств Татарстана, Э.М. Саитов — народный художник республики Башкортостан, Р.О. Багдасарян — кларнетист, народный артист Российской Федерации, профессор Московской академии музыки имени П.И. Чайковского, Г.А. Струве — выдающийся педагог, народный учитель СССР, народный артист СССР, создатель уникальной системы музыкального воспитания ...

В школу отбирали музыкально одаренных ребят с улицы, беспризорников. Возраст отобранных подростков был разный, старшие влияли на младших, младшие подражали старшим. Влияние это было разным... В городе бандитизм свирепствовал жуткий, в том числе и среди пацанов. Очень хорошо, что нас оторвали от улицы!

Нас одели в военную форму — и это нас дисциплинировало. Но в городе было еще и ремесленное училище, и наша форма вызывала зависть сверстников. Сами понимаете, случалось между нами и «фэзэушниками» всякое...

Нам очень повезло в том, что преподавательский состав подобрался великолепный, были педагоги, которые преподавали до войны в Московской консерватории. То, что мы получили за время учебы в школе, в нас сидело всю жизнь.

У нас был полный интернационал: татары, башкиры, евреи, русские... Жили мы дружно. Обучение общеобразовательным, музыкальным, военным предметам, наряды, дежурства, уборка — все это занимало целый день, и во время вечерней поверки мы мечтали о том, чтобы скорее лечь в свою постель на солдатской кровати и уснуть после напряжённого дня.

9 мая 1945 года мы проснулись в пять часов утра, и когда нам сообщили, что война окончена, прыгали на кроватях и кричали

«Ура! Ура!». Утром школьным оркестром играли в центре города. Люди ликовали. В этот день в школе нас кормили вкуснее, чем обычно. Все поздравляли друг друга с Днём Победы.

***

... В 1946 году вместе с Севастопольским военным училищем Шамиль переехал в город Житомир. Там он окончил 7 классов вечерней школы и поступил в Житомирское государственное музыкальное училище.

Преподавательский состав Житомирского музыкального училища в годы учебы Ш. Г. Низамутдинова

Директором училища в те годы был Яков Иосифович Дреслер. Он был умелым и опытным администратором, и бок о бок с ним работали прекрасные преподаватели, украшение Житомирского музыкального училища.

С 1945 года по приглашению Якова Иосифовича в училище начинает работать замечательный трубач и педагог, а также дирижер духового оркестра, выпускник капельмейстерского факультета при Московской консерватории Антон Иосифович Древецкий. В оркестре под его руководством играл и набирался опыта и молодой Шамиль. Духовой оркестр училища был одним из лучших студенческих оркестров в Украине.

***

При А. Дреслере в училище работал удивительный музыкант и педагог – Зельман Зусиевич Ройтфарб. Человек-легенда. Знал, практически, все инструменты. Вел симфонический оркестр училища. Все оркестровки делал сам — любил это делать и делал очень хорошо. Отличный организатор музыкальных коллективов,

З.З. Ройтфарб

он в 1955 году силами студентов и преподавателей поставил оперу С. Рахманинова "Алеко" и отрывки из оперы М. Глинки "Иван Сусанин", и это событие навсегда вошло в историю культурной жизни Житомира. По воспоминаниям местных музыкантов, это был поистине расцвет профессионального уровня коллектива всего училища в целом. Блестящий скрипач и преподаватель игры на этом инструменте, З.З. Ройтфарб вел также занятия и на всех духовых инструментах. Особенно любил баритон и тромбон и прекрасно ими владел.

Кроме того, прошел всю войну от первого до последнего дня. Студенты очень любили его, всегда с трепетом ждали его оценки и высоко ценили его мнение. Авторитет этого универсального

музыканта и среди преподавателей был исключительно высок. Именно у З.З. Ройтфарба учился по специальности Шамиль Низамудинов.

Рассказывает Григорий Ройтфарб — народный артист РТ, профессор, сын З.З. Ройтфарба:

— С Шамилем Низамудиновым меня связывает многолетняя дружба и творческое сотрудничество.

Началось это, когда он был студентом Житомирского музыкального училища в классе моего отца, Зельмана Зусиевича, играл под его руководством в училищном симфоническом оркестре. Мальчишкой я часто приходил на концерты класса баритона и тромбона, репетиции и концерты оркестра. Шамиль был

Г.З. Ройтфарб

очень серьезным студентом, выделялся целеустремленностью и настойчивостью. Показывал отличные результаты в игре на тромбоне и в учёбе вообще. Поэтому его поступление в Московскую консерваторию в класс известного советского педагога профессора В.А. Щербинина все приняли как естественный результат его плодотворного рвения в учебе и результат правильной педагогической работы моего отца.

Тогда ни я, ни отец не могли предположить, что я окажусь в классе Шамиля Гильмутдиновича в Казанской консерватории, но, как говорится, судьба играет человеком, а человек упорно играет на своем любимом тромбоне!

... Жизнь повернулась так, что я не мог поступить ни в одну консерваторию Украины. И тогда отец сказал мне: «Езжай в Казань, к Шамилю!» Так в моей судьбе появилась Казань, где я встретил самый теплый прием и накрепко и надолго связал свою жизнь с этим городом на Волге. А начиналась и крепла эта связь — в патриархальном музыкальном Житомире.

Я благодарен своему педагогу за счастливые годы, проведен-

ные в его классе. Он был очень мудрым человеком и превосходным учителем. С его одобрения я поехал прослушаться в Московскую консерваторию, к его педагогу В.А. Щербинину, и моя игра Щербинину понравилась. Думаю, что Шамиль Гильмутдинович хотел продемонстрировать себя как педагога, — и это удалось ему в полной мере. Профессор предложил мне перевестись в его московский класс, но...

Я не предал своего учителя, тем самым на долгие годы связав себя с музыкальной жизнью Казани.

От автора

Р. И. Турчинский

Мой отец, Роман Иосифович, был на пять лет старше Шамиля, что не мешало им дружить. Они служили в одном военном оркестре и иногда подрабатывали в оркестре местного театра. Отец много хорошего рассказывал о своём друге.

В то время в их военном оркестре служил очень хороший дирижер — А. Колоней, который, несмотря на строжайший запрет для солдат срочной службы учиться где бы то ни было, брал на себя риск и разрешал им посещать занятия в

местном музучилище — понимая, как это важно для молодых людей. Таким образом Шамиль, проходя срочную службу, в послеобеденные часы занимался в музыкальном училище. Отец всегда по-дружески гордился его успехами.

Продолжает Эльвира Шамильевна:

— В 1952 году мой отец окончил Житомирское музыкальное училище и поступил в Московскую консерваторию на оркестровый факультет, в класс тромбона профессора В.А. Щербинина. В 1957 году он окончил учебу и был направлен на работу в качестве преподавателя по классу тромбона и камерного ансамбля в Казанскую государственную консерваторию.

В 1962 году стал и.о. доцента и заведующим кафедрой духовых инструментов и оставался на этой должности до 1977 года. В то время, когда в Казанской консерватории эта кафедра только формировалась как творческий коллектив, роль заведующего была очень значительна. За эти годы на кафедре активизировалась научно-творческая и концертно-исполнительская деятельность, заметно повысился уровень подготовки исполнителей на духовых инструментах. В 1964 году отец заочно окончил аспирантуру при Московской консерватории под руководством двух крупнейших профессоров В.А. Щербинина и Г.А. Орвида. За плодотворную педагогическую и научно-методическую работу в 1967 году ему было присвоено учёное звание доцента, а позднее — звание профессора.

В годы создания Государственного симфонического оркестра ТАССР (1966-1967 г.г.) Шамиль Низамутдинов назначается художественным руководителем Татарской государственной филармонии. Вместе с уже назначенным главным дирижёром оркестра Народным артистом СССР, лауреатом Государственной премии СССР Натаном Григорьевичем Рахлиным, благодаря громадным усилиям, за довольно короткий срок они смогли создать симфонический оркестр. И через полгода, в феврале 1967-го, состоялся его первый концерт.

Тему продолжает Алекс Ройзман, один из ведущих преподавателей по классу трубы в Израиле, выпускник Казанской консерватории:

— Шамиль Гильмутдинович Низамутдинов — яркая личность в музыкальной культуре Татарстана. Когда я занимался в консерватории, он был зав. кафедрой духовых инструментов. По утрам приходил в общежитие, будил духовиков и заставлял заниматься... Конечно, не всем это нравилось, но подчинялись все беспрекословно. Занимались по комплексной системе упражнений его преподавателя в Московской консерватории профессора В.А. Щербинина.

Шамиль Гильмутдинович был прекрасным педагогом — думаю, в этом очерке будут озвучены фамилии и достижения многих его учеников, добившихся в жизни больших успехов.

Первый среди российских консерваторий студенческий духовой оркестр был организован в Казани под руководством Ш.Г. Низамутдинова. Мы много выступали в разных местах — от городских площадок до небольших городов и сёл республики. Ре-

пертуар был разнообразным, но в основном, — музыка, близкая широким массам. Помню, как я играл с оркестром «Неаполитанскую песню» П.И. Чайковского.

Несколько лет я был председателем студенческого комитета. Несмотря на свою занятность, Шамиль Гильмутдинович приходил на все наши заседания. Кого критиковал, а кому и помогал (если, к примеру, студент был стеснен материально).

Горжусь тем, что именно меня он пригласил преподавать на кафедре духового отдела во время годичного отсутствия моего педагога по трубе. Ну и, наверное, с его подачи я стал в консерватории ленинским стипендиатом.

Светлая память большому музыканту и прекрасному человеку.

Материалы интернета

Шамиль Гильмутдинович воспитал более 80 музыкантов, которые в настоящее время работают в ВУЗах и ведущих оркестрах страны: в Москве, Воронеже, Ростове-на-Дону, Казани, Уфе, Омске, Самаре, Ижевске, Волгограде, Чебоксарах, Йошкар-Оле, Саранске, а также в Израиле и других городах и странах...

Ш. Низамутдинов регулярно выступал с сольными концертами. Это был зрелый, вдумчивый музыкант, обладавший отличными исполнительскими способностями и хорошей школой. Владея красивым тембром звука на тромбоне, он был ярко индивидуальным артистом, его исполнительская манера всегда отличалась своеобразной интерпретацией замысла исполняемых произведений. Им было сыграно более 100 сольных концертов и концертов с духовым оркестром студентов консерватории. Он переложил для различных духовых инструментов и духового оркестра более 150 произведений. Совершенствуя методику преподавания игры на духовых инструментах, неоднократно выступал с научно-методическими докладами перед своими коллегами, педагогами музыкальных училищ и студенческими аудиториями. Выступал на крупнейших методических конференциях и открытых уроках на темы: «Духовые инструменты в творчестве композиторов-романтиков», «Духовые инструменты в творчестве А. Глазунова и И. Стравинского», «Индивидуальные занятия исполнителя на духовых инструментах», «Актуальные проблемы исполнительства на духовых инструментах», — в Москве, Ленинграде, Киеве и других городах страны.

В 1991 году за заслуги в области музыкального искусства ему было присвоено почётное звание «Заслуженный деятель искусств РТ», а в 1993 году он был утверждён в звании профессора кафедры духовых инструментов.

Эльвира Низамутдинова:

— Отец был очень домовитым. Всё время что-то мастерил, сам всегда делал ремонт, строил дачу... В доме часто бывали гости, он был очень гостеприимным человеком. Всех своих друзей, кто приезжал в Казань, всегда приглашал домой. Мама и бабушка хорошо готовили, постоянно пекли — и папа предпочитал общаться с друзьями в неформальной обстановке. Часто такие застолья продолжались до самого утра.

Любил путешествовать, объездил всю Среднюю Азию, был в Чехословакии, часто приезжал на Украину, в Житомир. Отовсюду привозил сувениры и везде посещал музеи, знакомился с достопримечательностями.

Любил лес, природу, водил моторную лодку. В лесу собирал замысловатые коряги и ветки, а потом делал из них фигурки. Вообще он был человеком с фантазией.

Был очень мужественным. Зная о своём безнадежном диагнозе, очень стойко переносил это состояние, и уже после операции по удалению одного лёгкого, в день своего 75-летнего юбилея, в концертном зале им. С. Сайдашева в Казани играл соло на тромбоне (романс Рустема Яхина "В душе весна" в собственном переводе).

Семья

За несколько месяцев до смерти отец поехал в свою родную деревню Арслан, привез с собой группу артистов из Казанской филармонии и Татарского театра, сделал подарок местной библиотеке (2000 книг), устроил там большой концерт, накрыл стол, пригласил муллу из местной мечети, повидал всех дальних родственников...

Скончался Шамиль Низамутдинов 23 мая 2003 года, похоронен на Старотатарском кладбище в Казани.

... Бережно относится к памяти о Шамиле Гильмутдиновиче его дочь. Среди дорогих ее сердцу реликвий – два письма Д.Д. Шостаковича и А.К. Глазунова, адресованные отцу, коллекция мундштуков для медных духовых инструментов, среди которых – мундштук, подаренный Т.А. Докшицером, нотный и учебно-методический архив.

Жизнь продолжается!

«Пока будут силы – буду играть»

Михаил Дубирный

Мой друг и коллега из Америки Алекс Харитонов неожиданно напомнил мне об одном интересном событии давно минувших лет: он прислал мне запись вильнюсского военного оркестра под управлением засл. арт. Литвы Иосифа Моисеевича Манжуха, в котором я служил воспитанником.

Я помню тот день: мы записали тогда произведения литовских композиторов Б. Горбульскиса и С. Вайнюнаса, а также тромбонный концерт Н. Римского-Корсакова. Солировал Михаил Дубирный.

Наш дирижёр и мы, артисты оркестра, очень гордились тем, что играли с таким известным музыкантом. Тогда звание лауреата Всесоюзного конкурса ценилось очень высоко.

«Выдающийся исполнитель, один из лучших инструменталистов Европы», — сказал как-то о нем профессор Варшавской консерватории Юлий Петрахович, послушав Дубирного на концерте.

Недавно Михаилу Борисовичу исполнилось 87 лет. Он по-прежнему в хорошей форме, занимается каждый день. Играет в оркестре.

стре и в ансамблях. «Пока будут силы – буду играть», — говорит Маэстро.

Насколько я знаю, с Вильнюсом связаны и другие моменты творческой биографии Михаила Борисовича Дубирного 1960-х годов – в частности, запись «Темы с вариациями» для фагота Б. Дварионаса (переложение для тромбона) с государственным духовым оркестром Литвы «Тримитас» (дирижер Р. Бальчунас), исполнение концерта для тромбона и симфонического оркестра А. Нестерова с оркестром Литовской филармонии под управлением тогда молодого литовского дирижера Юозаса Домаркаса.

Слева М. Дубирный, справа дирижер Ю. Домаркас

Профессиональная биография Михаила Дубирного была насыщенной и разнообразной. Он много ездил по СССР с сольными концертами, преподавал в Новосибирской консерватории и в институте искусств во Владивостоке, записывался на фирме «Мелодия» (в Вильнюсском и Ленинградском отделениях)... Но обо всем по порядку.

Я взял у Михаила Борисовича небольшое интервью

— Расскажите, пожалуйста, о ваших первых шагах в музыке, о первых преподавателях...

— В музыкальном училище я не учился — я окончил военную школу музыкантских воспитанников в Одессе. Учителем по баритону у меня был Л. Г. Вайман. Отношусь к нему с большой тепло-

той — он привил мне любовь к музыке и воспитал во мне трудолюбие. Служил в Одесском высшем военно-зенитном училище, где дирижером оркестра был подполковник Беседин, очень хороший дирижер и добрый человек. У него я многому научился. Иногда он давал мне дирижировать оркестром, увлек меня этим. Именно он рекомендовал мне поехать в Москву, в институт военных дирижеров, куда я и поступил в 1954 году.

От автора

— Тут я не могу не вставить ремарку. В этом же училище служил и я, только в мое время оно называлось «Одесское высшее командно-инженерное училище ПВО».

На этом совпадения в наших судьбах не заканчиваются...

Беседин был также дирижером и у моего отца в Житомирском пехотном училище, а перед этим он его, тринадцатилетнего, вытасил из детского дома. Дело было перед войной, в 1939 году. Позже они вместе дошли до Сталинграда, и там их пути разошлись. Отец вернулся в Житомир, а его начальник был переведен в Одессу. Долгие годы они переписывались, и несколько раз мы с отцом приезжали к нему в гости.

Михаил Борисович продолжает:

— Начальником школы был полковник И.И. Полумбо. За полгода до окончания школы наш детский духовой оркестр должен был посетить известный советский композитор А.И. Хачатурян, и мы должны были играть его произведения — в том числе «Танец с саблями» из балета «Гаянэ». В это время тромбонистов в школе не было, и начальник приказал моему педагогу Льву Григорьевичу Вайману срочно научить меня играть на тромбоне глассандо. Мне это очень понравилось. Через полгода в «Танце с саблями» я уже успешно играл это глассандо.

Справка

В школах музыкантских воспитанников готовили военных музыкантов. В то же время там были все положенные средней школе общеобразовательные предметы. Школы находились под особым вниманием маршала Г.К. Жукова, так как именно он предложил Сталину идею основать эти учебные заведения, а попросту — хоть немногих детей спасти от голода и вырвать из паутины беспризорности... С его легкой руки по всей стране было создано 13 таких школ.

Жуков бывал в некоторых школах, интересовался бытом воспитанников.

От автора

Друг Михаила по школе, а затем и по институту военных дирижёров Гарри Видомский как-то рассказывал мне:

«Вот какой однажды был случай. На последней репетиции перед парадом к нам подошел Г.К. Жуков — а мы открывали парад — и посмотрев, во что мы одеты, очень разгневался: «Что это за войско? Начальника гарнизона ко мне, немедленно!» Одеты мы были ужасно, даже не у всех были сапоги — некоторые маршировали в обмотках.

«Начальник гарнизона, где румыны?» — начал уже кричать Жуков (имея в виду военнопленных).

«По дороге в Дальник, товарищ командующий», — отрапортовал начальник гарнизона (Дальник — район Одессы). «Догнать, раздеть и перешить форму для моих суворовцев!».

Воспитанник Миша Дубирный

Уже вечером тридцать портных начали работать и работали всю ночь до утра в нашем дворе. Утром все было готово, мы выглядели отлично. Объезжая войска на параде, маршал подъехал к нам и, кажется, остался доволен! На этот раз в красивой форме, с лампасами, гордо чеканя шаг, под дробь барабанов и торжественные звуки труб мы открывали парад!»

— Хорошо помню своих друзей по школе, — **продолжил свои воспоминания Михаил Борисович**, — замечательных

преподавателей, обучавших нас музыкальному искусству, строевой подготовке, уставам и другим премудростям, необходимым будущим военным музыкантам. Среди преподавателей были и женщины, окружавшие нас материнской заботой, любовью, согревавшие теплом своих сердец. Многим из нас одесская воен-

но-музыкальная школа спасла жизнь, оберегла от страшных последствий войны.

Позже жизнь разбросала в разные стороны тех, кто вместе со мной постигал азы нотной грамоты и воинской дисциплины...

А еще помнятся встречи со многими выдающимися людьми, которые организовывало наше начальство. У нас в гостях бывали герои Советского Союза, был Королёв – чемпион мира по боксу, Александр Свешников — знаменитый хормейстер, приезжали прославленные музыканты И.О. Дунаевский, А.И. Хачатурян, Д.Д. Шостакович, М.Л. Ростропович, Р.М. Глиэр...

— Не могу не спросить о вашей семье, ваших родителях?

— Родители отца к музыке отношения не имели. Отец был конюхом, отвоевал 4 войны и, контуженый и раненый, приехал в Кишинёв. В 1942 году умерла моя мама, и меня забрали в детский дом. Затем меня отобрали в военный оркестр заниматься на трубе, но постановка амбушюра оказалась неудачной, и меня перевели Одесскую школу музыкантских воспитанников, но уже на баритон.

— В какой-то момент из института военных дирижеров вы перевелись в Кишинёвскую консерваторию — и что затем?

— Учебу в консерватории я совмещал с работой в оркестре театра оперы и балета. Были на этом пути и казусы. Ректор консерватории велел уволиться из театра и поехать с бригадой студентов осваивать целину. Я сразу отказался, что повлекло за собой большие неприятности.

После окончания консерватории поехал в Ленинград и поступил (без направления) в аспирантуру к профессору В.М. Буяновскому. Потом перевелся в класс А.А. Козлова. Это было перед Всесоюзным конкурсом 1963 года.

Всесоюзный конкурс музыкантов-исполнителей на духовых инструментах, организованный в Ленинграде в 1963 году, был первым крупным соревнованием музыкантов-духовиков в послевоенный период. Приехали 192 участника из 12 республик. Конкурс проходил в три тура. Третий тур оценивался объединённым жюри, председателями которого были композиторы Л.К. Книппер и Е.П. Макаров.

В номинации «тромбон» с прекрасными тромбонистами Григорием Херсонским и Дмитрием Пигузовым я разделил первую премию. Не могу не вспомнить поздравления от члена жюри Т. А.

С преподавателем Ленинградской консерватории профессором А.А. Козловым после конкурса

Докшицера. Для меня это очень дорогое воспоминание!

После конкурса А. Козлов получил звание профессора. Мой педагог в Кишинёвской консерватории А. Ененко получил звание доцента.

— В середине шестидесятых вы записали на Литовском радио Концерт Римского-Корсакова с вильнюсским военным духовым оркестром.

Я, маленьким мальчишкой, воспитанником, участвовал в этой записи. Какие отношения у вас были с нашим дирижером И.М. Манжухом? Как случилось, что он Вас пригласил?

— Будучи аспирантом Ленинградской консерватории, по приглашению ректора Литовской консерватории я преподавал там наездами — вел класс тромбона, тубы, камерного ансамбля и дирижирования. Там я и познакомился с замечательным дирижером Иосифом Моисеевичем Манжухом, который, в свою очередь, пригласил меня послушать его прекрасный армейский коллектив. Отсюда и идея записать Концерт Н.А. Римского-Корсакова — благо, партитура была под рукой.

— Михаил Борисович, по рассказам моих и ваших коллег — тромбонистов, живущих в Израиле, немало композиторов писали специально для вас...

— Да, Борис, есть произведения, написанные для меня и даже посвященные мне. Давай я просто перечислю их: Концертная пьеса для тромбона и симфонического оркестра Д. Федова, Фантазия на еврейские темы для тромбона и фортепиано И. Хейфеца, Трио для тромбона, скрипки и ф-но О. Проститова, несколько концертов для тромбона и симфонического оркестра (композиторы Б. Дубоссарский, Д. Киценко, О. Негруца, П. Петров).

А еще я первым в СССР исполнил несколько произведений иностранных авторов: тромбоновый концерт Нино Рота, Концертино М. Списака, Концерт Г. Бехара...

— Ваши ученики: кем гордитесь?

Меня всегда влекла педагогическая работа в ВУЗе. В моём клас-

се выросло много учеников, которые успешно работают в высших учебных заведениях и в музыкальных училищах. К примеру, в Ростовской консерватории заведует кафедрой засл. арт. России профессор Виктор Бударин. В Красноярском институте искусств преподаёт Анатолий Осинкин. Василий Петренко — профессор Дальневосточного института искусств. Успешно работают заслуженные артисты России тромбонисты Борис Вешкин и Сергей Мельников, лауреат Всероссийского конкурса прекрасный трубач Владимир Лысенко... Всех не перечислить.

— Расскажите о своей семье, как Вам живётся в Германии, чем занимались все эти годы?

Моя жена Анна Гуленко — скрипачка. Работала концертмейстером оркестра, преподавала. Сын Родион окончил Нижнегородскую консерваторию по классу трубы. Работал там в филармоническом симфоническом оркестре. В 1993 году я с семьёй выехал на постоянное место жительства в Германию. В Германии сын окончил ещё один вуз. Сейчас работает педагогом и успешно солирует. Наши внуки учились в музыкальных школах, а теперь учатся в Мюнхенском университете. Музыка для них осталась как хобби.

Мне 87 лет, но я занимаюсь каждый день. Играю в оркестре и в ансамблях. Пока будут силы — буду играть...

— Михаил Борисович, что бы вы могли посоветовать молодым музыкантам, которые только определяют свою жизнь в музыке? Как добиваться поставленной цели?

— Как известно, дорогу осилит идущий или, проще говоря, терпение и труд все перетрут. Но! Все это поможет в том случае, если любишь свой инструмент, занимаешься вдумчиво и расширяешь свой кругозор.

И, конечно, желаю всем простой человеческой удачи!

Таким мы его и запомнили...

Семен Мильштейн — известный российский трубач, концертмейстер Отдельного показательного оркестра Министерства обороны России, руководитель эстрадного оркестра «Данс-ленд», заслуженный артист Российской Федерации.

***

К сожалению, сегодня этого человека я могу только вспоминать. 28 июля 2018 года его не стало...

Несостоявшаяся встреча

Наш общий друг и бывший начальник Семена по оркестру министерства обороны Анатолий Борисович Мухамеджан много мне о нем рассказывал, и однажды я написал Мильштейну, что скоро буду в Москве и хотел бы взять у него интервью. Почти сразу Семен мне позвонил. Разговор зашел об Одессе, где и я, и он учились. Говорили о его педагоге по классу трубы и о самой Одессе, которую Семен очень любил и сожалел, что после 2014 года не может приехать в любимый город.

Разговор наш длился довольно долго. Оказалось, что у нас масса общих знакомых — в Одессе, в Москве...

***

В 1978 году я окончил консерваторию, а Мильштейн — десятилетку. Весной того года по предложению моего педагога Калио Эвальдовича Мюльберга (которого Семен, кстати, прекрасно помнил) я сыграл в десятилетке на концерте его класса несколько произведений из моей выпускной программы. Слышал ли меня Семен, я не успел спросить. А вот я его игру помню! Как-то мы с Мюльбергом зашли в класс Рудольфа Александровича Свирского (педагога по трубе и довольно хорошего композитора — в репертуаре трубачей есть немало его произведений) — а у него как раз был урок с Семеном: я успел схватить пару фраз, а про себя отметил, что таких трубачей у нас в консерватории не много.

Рассказывает Владимир Мильштейн, старший брат, скрипач, доктор музыкологии в университете Гвадалахара (Мексика)

О детстве и родителях

Наш отец Петр Вольфович — врач. В возрасте 18 лет приехал в Одессу — учиться в медицинском институте. Участник Великой Отечественной войны, участник обороны Одессы и Севастополя. В 1943 году был ранен и попал в немецкий плен, был участником сопротивления в концлагере Бухенвальд. В лагере находился под фамилией Мильошин и не числился евреем — поэтому и выжил. Отец был очень музыкальным человеком, любил оперу и оперетту_ хорошо играл на мандолине. Всячески поощрял наши желания оказаться в мире музыки.

Мама, Зинаида Моисеевна, — инженер, окончила Одесский мукомольный институт. С пеленок нас воспитывала и бабушка, Блюма Нусимовна. Дома говорили, в основном, на идиш, и я хорошо (лучше, чем Семен) понимал этот язык. Правда, Сеня хорошо «схватил» английский — но это было уже потом. Мама очень любила петь еврейские песни, и мы ее с удовольствием слушали.

С 1952 года наша семья жила в г. Бельцы, где и родился Семен. Прожили мы в этом городе 15 лет. Там я окончил музыкальную школу, после чего меня приняли в школу-десятилетку им. Столярского в Одессе, что и побудило всю семью в 1969 году переехать в Одессу.

Как Семен Мильштейн стал трубачом

Я учился в школе им. Столярского, затем — в Одесской консерватории у профессора В.З. Мордковича — очень известной личности в мире музыки. Однажды он спросил у нашего отца, чем

занимается младший сын. И оказалось, что у Семена прекрасные музыкальные данные! Заведующий отделом духовых инструментов Р.А. Свирский предложил ему выбрать инструмент — и Сеня немного растерялся. Пришлось взять тайм-аут. И тут произошло первое мистическое событие в профессиональной жизни моего брата...

***

В какой-то программе по телевидению Семен увидел выступление Тимофея Докшицера — звучал «Танец с саблями» А. Хачатуряна. Вопрос был решен мгновенно: мой брат будет учиться играть на трубе. А еще у него родилась мечта — он захотел стать учеником великого маэстро. Мечта брата осуществилась: после окончания десятилетки он поступил в институт им. Гнесиных, в класс Т. Докшицера, и сделал под его руководством поразительные успехи. И не только в музыке, а и в целом в жизни.

***

Мы с Сеней были похожи — и внутренне, и внешне. Один из моих учеников, рассматривая наш семейный альбом, с удивлением посмотрел на меня и сказал: «Не знал, Владимир Петрович, что в молодости вы играли на трубе».

Семен обладал невероятной любознательностью и целеустремленностью — и в учебе, и вообще в жизни — например, легко и быстро осваивал новые технические изобретения, с легкостью играл и классику, и народную музыку, и джаз.

Снова мистика

Уже будучи студентом класса Т.А. Докшицера, Семен попросил учителя посоветовать подходящий к его амбушюру мундштук. Через некоторое время Тимофей Александрович принес мундштук, подаренный ему мастером труб и мундштуков фирмы «Vincent Bach», когда он был у него в гостях (кстати, денег у учеников за мундштуки и масло Докшицера не брал никогда, категорически). На мундштуке мастер написал «Т. А. Д.» и поставил дату: 19 января 1960 года. Это дата рождения Семена Мильштейна.

Военно-оркестровая служба

Срочником Семен служил в оркестре штаба Московского военного округа. Тогда же стал думать о том, как остаться жить в Москве. Нужна была московская прописка, и он с этим намаял-

ся... Его брали в аспирантуру, но без прописки — увы! Даже всемогущий Геннадий Рождественский не мог взять к себе в оркестр без прописки. Та же история и с Питером: в оркестр Юрия Темирканова без прописки попасть было невозможно. Еврейский вопрос тоже мешал.

Из интервью композитору и журналисту Гарику Канаеву «Печальная 5 графа, или «синагога» Мильштейна»

«Начальник оркестра попросил меня подыскать на срочную службу духовиков из института. Я набрал хороших ребят, профи в своем деле, и принес ему список. И... нечаянно подслушал разговор начальника военно-оркестровой службы Московского округа: он громко, почти крича отчитывал начальника оркестра: «Твой Мильштейн набрал «синагогу», во главе с собой. Что я буду говорить начальнику штаба округа? Одни евреи в списке: из двадцати восемнадцать — лица еврейской национальности». «Так это лучшие музыканты Москвы», — пролепетал дирижер в ответ. В результате всех музыкантов отправили в Алабино (деревня в Московской области, где был военный оркестр). К счастью, потом, не знаю какими путями, они все были устроены в других оркестрах Москвы.

Если говорить о моей судьбе, то в военно-воздушной Академии им. Гагарина дирижер нашел возможность взять меня на службу, с предоставлением однокомнатной квартиры. А далее — еще один счастливый случай. В декабре 1984 года мы хоронили маршала Д.Ф. Устинова, и на обслуживание этого мероприятия приехали все московские военные оркестры. Холодина была страшная, до сих пор помню это: сильный мороз и пронизывающий ветер — просто жуть... Мимо меня проходил начальник военно-оркестровой службы Советской армии Н.М. Михайлов, который хорошо знал меня по различным выступлениям. Увидев меня, очень удивился и подошел. Спросил: «Вы что делаете в этом оркестре?» Я коротко объяснил ситуацию. «Пишите рапорт в оркестр Министерства обороны», — отчеканил он. Так я оказался в лучшем оркестре Советской армии.

Военная музыка — важный пласт музыкальной культуры

Что касается военной музыки — это целый пласт культуры, как и любой другой жанр, необходимый людям. Оркестр Министерства обороны всегда был эталоном настоящего профессионального исполнения. Слушая достойную игру духового оркестра,

можно получить невероятные эмоции — не меньше, чем от симфонического или эстрадного оркестра. Поэтому я всем рекомендую ходить на концерты духовой музыки — но только в хорошем исполнении.

В оркестре меня назначили концертмейстером группы труб. Было много концертов. Был еще у нас и симфонический оркестр, где я тоже играл и солировал. На базе оркестра я создал джазовый коллектив, который в короткий срок завоевал популярность у музыкантов и слушателей.

Нас стали приглашать на разные концерты и особенно — на облуживание балов. Бальный оркестр — это ответственная работа. Мы стали непременными участниками всех чемпионатов мира по бальным танцам. Были главными участниками многолетнего проекта «Венский бал в Москве».

Уволившись из армии, я организовал джазовый оркестр на штатной основе, который перенял эстафету армейского коллектива и впоследствии стал называться «Данс-ленд». «Тема «Данс-ленд» продолжается.

***

Отрывок из интервью 2014 года (к сожалению, автор неизвестен)

— Как вы заработали свою первую зарплату?

— В Одесском театре я пел в хоре мальчиков. За каждое выступление нам платили рубль. На скопленные деньги купил себе наручные часы «Полет». Не знаю, зачем купил (на самом деле часы не очень люблю). «Полет» до сих пор где-то дома у меня лежит — как память.

— К слову, о вокале. Вы прекрасно поете. Однако, что вам ближе: играть на трубе или открывать возможности собственного голоса?

— Петь меня никто не учил, я самоучка. Другое дело, инструмент. В общем, пою я как многие, а вот на трубе играю лучше многих. Хотя и то, и другое мне доставляет удовольствие. Трудно что-то выбрать.

— Что для вас было главным в 15 лет, в 30 и сейчас?

— В 15 хотел в совершенстве овладеть трубой, в 30 желал славы, а теперь хочу только одного — не терять связи с близкими людьми.

— У вас есть дети?

— Да, у меня дочь Мария, она дизайнер, живет в Лондоне. Правда, видимся не так часто, как хотелось бы. Еще любимая мама, она в Лос-Анджелесе.

— **Место на Земле, куда хочется возвращаться снова и снова?**

— Их много. Вообще, я везде себя прекрасно чувствую. В любом месте и в любую погоду. Главное — это люди, которые тебя окружают. После затяжной болезни, подкравшейся ко мне в 2009 году и отступившей не так давно, понял, что нужно жить только сегодняшним днем. Радоваться всему, что раньше показалось бы мелочью.

Рассказывает актер и шоумен Александр Олешко

— Ушел из жизни Семен Мильштейн... Прекрасный музыкант. Харизматичный человек. Мы все знали, как мужественно он борется со своей болезнью. Мы необыкновенно радовались, когда он работал. Благодаря этому человеку я получил дополнительные возможности петь с живым оркестром, учиться этому. Благодаря Семену и артисты, и зрители были благодарны музыкальным программам и вечерам, которые он придумывал и создавал, очень часто принимая в этом участие бесплатно...

В последний раз мы оказались на одной сцене в арт-кафе театра им. Е.Б. Вахтангова 13 декабря 2017 года. Почему-то именно на этот вечер пришел мой товарищ, замечательный фотограф Саша Иванов и попросил разрешения снимать происходящее... Царствие тебе небесное, Семен. Спасибо тебе за все хорошее, что ты для нас сделал.

***

19 января 2020 года исполнилось бы 60 лет заслуженному артисту Российской Федерации, «золотой трубе России» Семену Мильштейну. Яркий и самобытный музыкант, он одинаково блестяще проявил свой талант в классической, джазовой и эстрадной музыке.

В знак уважения и любви к Семену Мильштейну его коллеги и друзья — музыканты, артисты театра и кино — собрались в этот вечер на уникальном концерте-приношении «Трибьют Трубачу». Среди участников программы — знаменитый саксофонист Владимир Пресняков-старший, известные трубачи Вадим Эйленкриг, Кирилл Солдатов, Владислав Лаврик, Леонид Гурьев, популярные артисты Сергей Волчков, Александр Олешко, Юлия Рутберг, оркестры «Русская филармония», «Данс-ленд» и другие.

***

Сегодня прошло три года, как нет с нами Семена Мильштейна, но музыкальная Москва хорошо помнит этого прекрасного, светлого человека и музыканта. О Семене Мильштейне звучат воспоминания, в его честь исполняются мелодии из его репертуара. Его называли «Золотой трубой» — он же в ответ только отшучивался...

Таким мы его и запомнили...

**«Это наша с тобой биография»
(к 75-летию корифея военно-оркестровой служ-
бы А.П.Сафатинова – дирижёра, педагога, почёт-
ного работника культуры г. Москвы)**

Бывают в жизни чудеса

Я давно хотел рассказать о моём дирижере в оркестре штаба Прикарпатского военного округа, замечательном, талантливом человеке Анатолии Петровиче Сафатинове. Неоднократно бывая в Москве, я пытался связаться с ним, но увы...

И тогда я решил: напишу, что помню. Возьму интервью у его коллег и друзей. Свяжу воедино. Очерк должен получиться!

Теперь я знаю: чудеса в жизни случаются. В день, когда черновик очерка об Анатолии Петровиче уже был «сверстан», я решил сделать еще одну попытку. Какую? – Во всех социальных сетях поставил в поисковик – «Сафатинов». Высветилось несколько женщин с фамилией Сафатинова. Я написал каждой из них.

Думаете, я верил в свою затею? – Скорее нет, чем да. И вдруг... Эврика!

«Я – Вероника Сафатинова, жена того человека, которого вы разыскиваете...»

Через короткое время я уже был с Анатолием Петровичем на проводе. Конечно, внешне мы с ним изменились. Но его голос и спустя 40 лет остался таким же светлым, деликатным и доброжелательным.

Проговорили мы долго, многих вспомнили, и, кстати, всех – добрым словом.

Конечно же, я задал вопрос, который казался мне основополагающим для будущего очерка, для портрета моего героя. И, честно говоря, заранее предугадать ответ я не мог.

– Скажите, Анатолий Петрович, какой вид творческой работы оставил в вашей жизни самый глубокий след, и вы считаете его главным в жизни?

– Конечно, Борис, оркестр штаба ПрикВО. Даже сомнений нет.

***

Анатолий Петрович Сафатинов родился 24 июня 1945 г. – в день первого парада Победы.

В 1957-1960 г.г. учился в Воронежской школе музыкантских воспитанников (класс кларнета преп. И.М. Гаврилова);

1960-1964 г.г. – Воронежское музыкальное училище (класс кларнета преп. А.Ф. Семенова);

1964-1968 г.г. – Военно-дирижерский факультет при Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского (преподаватели: дирижирование – Б.А. Диев, кларнет – Б.А. Диков);

1968-1972 г.г. – работа в оркестрах частей Группы советских войск в Германии;

1972-1984 г.г. – оркестр штаба ПрикВО: дирижер оркестра, начальник оркестра, начальник военно-оркестровой службы ПрикВО (1980);

1984-1987 г.г. – зам. начальника кафедры военно-оркестровой службы;

1987-1989 г.г. – советник Национального оркестра Республики Сейшельские Острова;

1998-1990 г.г. – преподаватель Военно-дирижерского факультета;

1990 г. – уволен в запас;

1993-1996 г.г. – преподаватель кларнета и дирижер оркестра консерватории в Республике Сейшельские острова;

1996-2011 г.г. – преподаватель класса саксофона в ДМШ им. А.Б. Гольденвейзера (Москва), основатель джаз-ансамбля «Блюзтон».

***

На государственном экзамене по дирижированию Сафатинов получил оценку «отлично», представив экзаменационной комиссии такое монументальное произведение, как симфония № 27 Н.Я. Мясковского. Симфония впервые прозвучала в стенах факультета – и это особая гордость Анатолия Петровича, которую он пронёс через всю жизнь.

***

... В скором времени полковой оркестр в г. Йена (ГДР) п/у А.П. Сафатинова занял 2 место на конкурсе оркестров Группы Советских войск в Германии, и Анатолий Петрович был переведён на более ответственную работу – дирижёром оркестра в г. Вюнсдорф, который обслуживал все мероприятия, проводимые Советским командованием и правительством Германской Демократической Республики (в частности, возложение цветов и венков к памятнику советскому воину с немецкой девочкой на руках в Берлинском Трептов-парке).

Далее в его жизни будет происходить еще много интересного, а после многих лет образцовой службы в различных оркестрах Советской Армии Москва снова откроет ему свои объятия.

Но все по порядку.

***

В 1971-1973 годах я проходил службу в оркестре штаба ПрикВО (г. Львов). Мысли часто возвращают меня в те времена...

В нашем оркестре служили высокопрофессиональные музыканты, выпускники Львовской консерватории и музыкальных училищ Львова, Житомира, Черновцов, Тернополя, Ровно, Луцка,

Ужгорода. Говоря о квалификации музыкантов, достаточно назвать такие известные во Львове имена, как трубач Петр Брильман, тромбонист Михаил Хейбудин, засл. арт. Украины Борис Олейник (ударные инструменты), кларнетист Ефим Горелик...

Как ни странно, долгое время у нас не было ни начальника

оркестра, ни даже дирижёра. Начальником военно-оркестровой службы округа тогда был М.Н. Кравченко, который долго не мог остановиться ни на одном из претендентов. Помню, на пробы были приглашены дирижеры В. Васильев из 7-го полка Железной дивизии, Р. Манжух из Житомирского военного училища, М. Кравченко из Яворова...

***

Однажды я был дневальным по оркестру.

... В проёме двери показалась фигура симпатичного и стройного молодого старшего лейтенанта с лирами на петлицах. Ещё не поняв цель его визита, я отдаю честь и жду вопросов. «Дирижёр Сафатинов, – представился он, – ваш новый дирижёр».

Так в 1972 году для оркестра штаба началась новая эпоха.

На следующее утро А.П. Сафатинов уже стоял за дирижерским пультом. Представьте наши ощущения: после долгих поисков перед нами стоял новый дирижер... Не скрою, что атмосфера в оркестре была не очень хорошая. Начальник оркестровой службы демократичностью не отличался. Обидеть человека ему ничего не стоило (и извинений можно было не ждать). Все с ностальгией вспоминали предыдущего дирижёра, Анатолия Борисовича Мухамеджана, умницу, прекрасного человека и блестящего дирижёра (неудивительно, что впоследствии он сделал отличную карьеру и стал Начальником Отдельного показательного оркестра Министерства обороны СССР).

... Нет, на злочку новый дирижер не похож — это мы сразу почувствовали. Может, вздохнем свободнее и будем больше заниматься музыкой?..

«Разрешите представиться и коротко рассказать о себе, – сказал Сафатинов, – Воронежская школа музыкантских воспитанников, Воронежское музыкальное училище, Военно-дирижёрский факультет при Московской консерватории». И скромно добавил: «С отличием. После института проходил службу в одном из оркестров группы советских войск в Германии. Направлен к вам для прохождения дальнейшей службы. Надеюсь на плодотворное сотрудничество».

... А дальше была творческая работа, много новых интересных произведений и концертов.

Анатолий Петрович показал себя талантливым и грамотным дирижёром. Под его управлением оркестр преобразился.

На фото: одно из выступлений оркестра

Сафатинов имел отличную память и держал в ней большое количество разных музыкальных произведений. После нескольких репетиций ему уже не нужна была партитура. Мы – особенно срочники, ценили его как замечательного педагога, никогда не повышавшего голос, всегда помогавшего нам разобраться в сложностях исполняемых произведений.

***

Вспоминает А.Б. Мухамеджан, военный дирижёр, начальник и главный дирижер Первого отдельно-показательного оркестра министерства обороны СССР (1985-1994 годы), заслуженный деятель искусств России, профессор:

«С Анатолием Сафатиновым я познакомился и подружился на Военно-дирижерском факультете в 1965 году. Судьба периодически сводила и разводила нас, но до сегодняшнего дня мы продолжаем дружить.»

По окончании факультета Толя уехал в Германию, а я в Украину, в г. Славуту. Через 4 месяца, в декабре

1969 года, я выиграл конкурс на замещение вакантной должности дирижера в оркестр штаба ПрикВО. Это был великолепный коллектив, наверное, один из лучших военных оркестров СССР, прекрасно показавший себя на конкурсе штабных оркестров в 1970 году. К сожалению, в 1971 году меня откомандировали в Каменец-Подольский, а в 1973 вернули опять во Львов, где начальником оркестра был уже Сафатинов. Здесь судьба свела нас вновь. Я проработал с Анатолием до 1976 года, когда получил назначение на должность Начальника оркестра штаба ЮГВ (г. Будапешт). Наша львовская встреча вылилась в чудесное, вдохновенное творческое содружество, выступления на лучших концертных площадках Украины. Молодые, честолюбивые, полные идей и планов, мы зажигали коллектив, постоянно меняя концертные программы.

Подружились семьями.

Львов – удивительно музыкальный город, и мы вписались в его культурную жизнь. Анатолий – прекрасный дирижер, прекрасный руководитель и настоящий друг. В 1981 году из Будапешта я был переведен преподавателем на Военно-дирижерский факультет при Московской государственной консерватории, куда через 2 года был назначен и Сафатинов. Мы снова вместе, на одной кафедре! Анатолий, с его большим дирижерским опытом, быстро завоевал любовь и уважение курсантов и преподавателей кафедры.

Выпустил много прекрасных специалистов-дирижеров в оркестры Советской армии. В 1985 году наши пути опять разошлись: я прошёл по конкурсу на место Начальника Первого отдельно-показательного оркестра министерства обороны СССР и ушел с факультета.

Позже, уже сняв погоны, мы остались верны своей профессии.

Анатолий стал блестящим преподавателем игры на саксофоне, его ученики становились лауреатами различных фестивалей и конкурсов. К сожалению, болезнь остановила его прекрасную творческую и преподавательскую деятельность. Но все мы, его коллеги и, конечно, его ученики, с нетерпением ждем и надеемся на возвращение в строй блестящего дирижера, великолепно педагога и чудесного человека Анатолия Петровича Сафатинова».

***

Я уже упоминал, что Сафатинов был кларнетистом. На факультете он учился у выдающегося преподавателя кларнета профессора Б.А. Дикова. Однажды в Одессе у меня состоялась встреча с Борисом Александровичем.

Я работал в оркестре Одесского высшего военного командно-инженерного училища ПВО под руководством дирижёра А.Я. Салика. Летом, перед самым отпуском, Александр Яковлевич объявил нам, что послушать нас приезжает его педагог, сам Борис Александрович Диков – известнейший в стране преподаватель кларнета, профессор Московской консерватории и Института военных дирижёров.

Мы, музыканты оркестра, уже были настроены на отпуск, и тут – на тебе... Опять репетиции...

Прошедший год был напряжённым. Множество концертов, окружной конкурс военных оркестров (мы, как всегда, заняли первое место) – и это ещё не всё. Совсем недавно с инспекторской проверкой из Москвы приезжал начальник военно-оркестровой службы Советской Армии Н.М. Михайлов. Наш оркестр получил наивысший балл и был назван Михайловым правофланговым оркестром, на который должны равняться все оркестры Советского Союза. Но чего это нам стоило!..

... Для Б.А. Дикова мы исполнили «Кармен-сюиту» Ж. Бизе-Р.

Щедрина, симфоническую поэму Е. Светланова «Калина красная» (аранж. С.Д. Райхштейна), несколько сочинений замечательного одесского композитора, бывшего военного дирижера М. Сафьяна и концерт для квинтета духовых с оркестром А. Арутюняна (солировали В. Панченко (флейта), А. Конько (гобой), В. Пономарчук (труба), С. Машкевский (валторна) и автор этих строк (кларнет).

Вечером, после выступления, на дружеской встрече мне и довелось пообщаться с Борисом Александровичем.

О чём могут говорить два кларнетиста?.. Об инструментах и производящих их фирмах, о коллегах-исполнителях и, конечно же, Диков рассказывал о своих учениках, которых очень любил – как военных, так и гражданских.

***

«А ты знаешь, у меня на факультете занимались и занимаются много способных ребят, которые играют на уровне консерваторских», – сказал Борис Александрович и среди прочих назвал

фамилию Анатолия Сафатинова. Меня это очень обрадовало, и я рассказал Дикову о том, что имел честь служить в оркестре штаба во Львове под началом Анатолия Петровича и остался о нем очень хорошего мнения. Рассказал, как Сафатинов иногда занимался со мной – и работал не только над оркестровыми партиями, но и над концертными произведениями для кларнета довольно сложной фактуры (концерт для кларнета С. Василенко, «Конкурсное соло» А. Мессаже). «Да, он такой – любознательный, знающий. И любит кларнет! Таким я его помню», – подытожил профессор.

Житомирский городской духовой оркестр

С 1979 по 1983 г. я работал дирижёром Житомирского городского духового оркестра. Анатолий Петрович часто приезжал к нам в город по служебным делам – ведь тогда Житомир и военные оркестры, находящиеся в городе и области, относились к Прикарпатскому военному округу. А Сафатинов к тому времени уже был начальником военно-оркестровой службы.

Приезжая на кустовой смотр-конкурс в Житомир, он приглашал меня в жюри, что мне очень импонировало. Приглашал и еще двух моих коллег, преподавателей музыкального училища: Г.О. Белинского, зав. духовым отделом, и Б.М. Фишермана, дирижёра духового оркестра.

В один из приездов я предложил Анатолию Петровичу принять участие в выступлении нашего оркестра, продирижировать несколько произведений. Мы тогда готовились к отчётному концерту, посвященному какой-то дате.

Сафатинов с радостью согласился. В оркестре играли музыканты, хорошо его знавшие. Это были бывшие и действующие музыканты военного училища и танкового полка. Много молодых ребят в разное время служили в различных военных оркестрах округа. Для музыкальной культуры города это было бы важное событие. Я быстро подготовил письмо-просьбу от имени отдела культуры Горсовета на имя командующего округом. Определили, какие произведения Анатолий Петрович будет дирижировать... Увертюра И.О. Дунаевского к к/ф «Светлый путь», «Пассакалия» Г.Ф. Генделя, марш С.А. Чернецкого «Вступление Красной армии в Будапешт», несколько песен...

Не помню, почему, но приезд А.П. Сафатинова не состоялся – скорее всего, нашлись более важные дела по службе. Это армия, там все сложно...

Я всегда сожалею о чем-то не свершившемся. Уже и афиша концерта была готова и расклеена по городу... Выступление, конечно, состоялось, но без гостя из Львова.

Мир тесен

Летом 1983 года я случайно встретил Анатолия Петровича в одном из львовских кафе в старом городе, где познакомился с его супругой Вероникой. Была приятная встреча, наполненная воспоминаниями и вопросами. Оговорюсь, что я часто приезжал во

Львов навещать свою дочку Жанну, которая там живет и поныне. Сафатинов сообщил мне по секрету, что ждет решения Москвы о переводе его преподавателем на одну из кафедр Института военных дирижёров. И Вероника была этому рада, так как была москвичкой.

Мы тепло поговорили и распрощались. «Мир тесен, Борис, – сказал мне на прощание Сафатинов, – еще встретимся!»

Увы... это пророчество Анатолия Петровича пока не сбылось...

Я беседую с Михаилом Хейбудиным, музыкантом оркестра штаба ПрикВО:

– Михаил, в своих архивах я нашел афишу концерта нашего оркестра. Ей 57 лет. Программа – от Вивальди и Чайковского до Щедрина и Кос-Анатольского. Ты помнишь этот концерт в зале Львовского театра оперы и балета? В зале тогда присутствовал известный украинский композитор Анатолий Кос-Анатольский.

После концерта он поднялся на сцену и поблагодарил коллектив за отличное выступление, сказал много приятных слов в наш адрес. Этим, несомненно, мы

были обязаны Анатолию Петровичу Сафатинову, который в ко-

роткий срок поднял исполнительский уровень оркестра на более высокий уровень. И, кстати, ты тогда солировал.

– Извини, Борис, этого концерта не помню. Таких выступлений было немало. Но спасибо, что сохранил. Приятно вспомнить!

– Анатолий Петрович Сафатинов. Ты с ним прослужил много лет, а еще, в его время тебя уговорили стать старшиной оркестра.

Хотя, честно говоря, это совсем не твоя должность. Ты человек добрый и мягкий, прекрасный музыкант. А это должность, извини меня, «собачья».

– Да, были такие обстоятельства, я служил за границей, после пяти лет службы должен был вернуться в Союз – и хотелось бы в свой оркестр. Тут-то меня и подловили. Хочешь вернуться – есть только одна опция: старшина оркестра. Я и сам себя долго не представлял в этой роли...

– Мне рассказывали солдаты-срочники, что они старались тебя не подводить. Мол, совестливый у нас старшина, как его подставить...

– Борис, это только на словах. Разное бывало, и поверь мне, не одной бессонной ночи мне это стоило. А нервы, как ты знаешь...

Анатолий Петрович – эмоциональный дирижер с пластичными и выразительными жестами. Несомненно, человек талантливый, мы восхищались его исключительной памятью и основательным знанием всех инструментов оркестра. Оркестр преображался, когда он становился за дирижерский пульт. Игра коллектива становилась ярче, а звучание – богаче. И это не просто слова.

Но служба у нас была нервная, и не все зависело от Сафатинова. Командующим округа был тогда непростой человек. Своенравный и державший округ в напряжении. От генерала армии В.А. Беликова (1979-1983) доставалось всем.

Генералу важнее всего была муштра.

Иногда нам удавалось заниматься и творчеством. С оркестром выступали солисты отличного уровня – лауреат Республиканского конкурса им. Н. Лысенко солист Львовского оперного театра Владимир Чайка, солистка Львовской филармонии Клавдия Чернет, наш музыкант, засл. арт. Украины Борис Олейник, солировал на вибрафоне и ксилофоне...

Анатолий Петрович всегда интересовался новым репертуаром для оркестра. Из Москвы получал от своих друзей и учителей прекрасные аранжировки. Работа с Сафатиновым была для нас настоящей отдушиной.

***

А теперь я беседую с Борисом Михайловичем Фишерманом — украинским кларнетистом, педагогом, дирижером, засл. деятелем искусств Украины (Житомир-Нюрнберг):

— Борис Михайлович, я знаю, как дружны вы были с Анатолием

Петровичем. Он вам всегда передавал приветы через меня, интересовался вашими делами. Всегда подчеркивал, что ваших учеников принимает в оркестр штаба без прослушиваний. Так он вам доверял и ценил вашу преподавательскую работу.

— Анатолий Петрович — уникальный человек. Ты, наверное, спросишь меня, в чём, собственно, его уникальность. Мы довольно часто встречались — практически, каждый раз, когда Сафатинов приезжал по служебным делам в Житомир. До музыкального училища я работал в Житомирском культурно-просветительском училище. И без хвастовства скажу, что мои ученики играли не хуже, чем в музыкальном училище. Некоторые из них добились очень больших успехов. И Сафатинов об этом хорошо знал.

Так вот, об уникальности...

Не секрет, что на факультете военных дирижёров игра на инструменте — не главный предмет, хотя и уделяют этому много внимания. Есть курсовые оркестры, есть один центральный, но... Сафатинов всегда любил свой кларнет, хорошо разобрался в тонкостях преподавания на этом инструменте, отлично знал кларнетовый репертуар. Слушал моих студентов-кларнетистов и делал ценные замечания. Особенно уделял внимание исполнительскому дыханию, построению музыкальных фраз.

Отлично разобрался в интерпретации произведений для кларнета К.М. Вебера.

На своем веку я знал и знаю многих прекрасных военных дирижёров, но Анатолий Петрович выделяется среди них своими знаниями во многих областях музыкального искусства, любовью к своему первому инструменту.

***

Кафедра военно-оркестровой службы.

Начальник Военно-оркестровой службы РФ генерал-лейтенант, нар. арт. России Валерий Халилов (2002-2016) сказал однажды:

«Дирижер военного оркестра воспитывает не только своих оркестрантов, но и всех слушателей». Это и есть центральная зада-

Валерий Халилов и Анатолий Сафатинов

***

Мой собеседник – композитор, аранжировщик, дирижёр, преподаватель, засл. работник культуры РФ Александр Гилёв

В 2007 году мой друг, профессор Московского университета культуры и искусств Василий Матвейчук предложил мне послушать диск с произведениями композитора Александра Гилёва, преподавателя Института военных дирижеров.

Так я познакомился с музыкой Александра – живой, интересной, написанной необычным музыкальным языком. Об этом языке вот так писала пресса: «Острые, резкие звукокомплексы у Александра Гилёва гармонично сочетаются с богатством мелодики и колорита». Одним словом, это музыка, приносящая радость!

– Саша, рад встрече, хоть и заочной. Это тоже общение – особенно, в трудные времена пандемии. Во время наших встреч в Москве мы вспоминали многих наших общих знакомых – их у нас много. Вспоминали и о твоём коллеге и друге Анатолии Петровиче Сафатинове...

ча всех кафедр института военных дирижеров и кафедры военно-оркестровой службы. В Уставе Военно-оркестровой службы сказано:

«Игра военного оркестра в строю и при прохождении должна вызывать чувство восторга, эмоционально воздействовать на зрителей и воинов, стоящих в строю». Для всего этого нужна упорная и кропотливая работа военного дирижера. Этому всему курсанты и обучаются на кафедре военно-оркестровой службы.

– Да. С Анатолием Петровичем Сафатиновым я встретился в стенах Института военных дирижёров. Сошлись мы легко и сразу благодаря тому, что Сафатинов обладал широкой душой и был открыт к общению. Профессионал самого высокого уровня, из тех, которые умеют деликатно подсказывать очень тонкие и правильные вещи, при этом не выпячивая своё я – а это действительно большое мастерство. У нас – взрослого полковника и молодого старлея – быстро сложились добрые дружеские отношения.

Опера на Сейшелах

Хочу рассказать об одной очень интересной истории, главными действующими лицами в которой были мы оба.

Шли годы активной перестройки. Чего только не было в те времена... Все торговали. Вся страна – один большой базар.

У меня возникла идея создать на Сейшельских островах, где ранее Анатолий Петрович был в командировке по линии министерства обороны, – проект, подобный замыслу Р.М. Глиэра, который написал балет «Красный мак» для поднятия национальной культуры народов Средней Азии. И мы решили попробовать. Ведь дело благородное, а еще можно и что-то заработать...

В институте я учился в классе профессора валторны Юрия Иосифовича Гриценко, который обладал удивительным даром созидания и благородной предприимчивости! Во многом именно он сформировал мой профессиональный, творческий и жизненный путь! Это у него я перенял потребность и желание создавать какие-то чудные, необычные проекты.

Мысль о поднятии культуры на Сейшельских островах родилась мгновенно.

В справочнике я нашёл телефон министра культуры этих островов, мадам Джексон.

Звоню, объясняю суть. Мы собираем группу музыкантов с большими именами (многие из Большого театра). Музыканты, хореограф, солисты-вокалисты и инструменталисты. Даже знаменитая российская певица Ирина Архипова дала согласие на участие в этом проекте. Музыка оперы моя, аранжировки – мастера высочайшего класса Алексея Клещенко. Команда всего из двадцати человек.

Как мы представляли себе это технически?

Мы им – оперу, а они с нами рассчитываются заморскими фруктами, которых нет в Москве. Бизнес-идея: фрукты мы реализуем и вырученными деньгами расплачиваемся с артистами.

Перешли к активной фазе. Полгода переговоров на моём не совсем хорошем английском.

Но, как сказал наш великий сатирик Михаил Задорнов, мы с ними говорим, а они отвечают. Так вот, со вторым была проблема – понять, что отвечают.

В конце концов всей командой напряглись и поняли. Оказалось, им проект наш очень интересен, но бюджет Сейшельских островов не может себе позволить пригласить 20 артистов. Островное государство очень бедное. Вот, пожалуй, одного музыканта для поднятия музыкальной культуры края они могут пригласить. Тут, разводя руками, я говорю Анатолию Петровичу: «Это ваш билет.

Вам придется поехать на острова второй раз».

Сейшельские острова

Анатолий Петрович провёл на островах два года. Много рассказывал о прелестях и трудностях жизни там. Ему было интересно! Многих музыкантов он научил играть на разных инструментах.

Заложил базовое музыкальное образование по подобию российского. Я считаю, что это подвиг. Подвиг личного участия музыкального педагога, дирижёра и человека, оставившего свой след на далеких островах.

«Со скрипом башмаки»

Анатолий Петрович руководил «Народный духовым оркестром» ДК «40 лет Октября» в городе Кимры (ст. Савёлово).

Город известен своей обувной фабрикой, которую, по легенде, заложил Петр Первый. В основание обуви клали кусок коры, и при ходьбе обувь скрипела. Вот откуда, наверное, пошло выражение «Со скрипом башмаки». Уезжая, Анатолий Петрович оставил мне этот оркестр на попечение. Мне там даже предложили землю под дачу. Но я был молод и не понимал прелести дачной жизни. А зря! Места там восхитительные. Природа шикарная. В тех местах начинается большая Волга...

***

После выхода на пенсию Анатолий Петрович не переключился на выращивание цветов на даче. А.П. Сафатинов успешно преподавал класс саксофона в Детской музыкальной школе им.

А.Б. Гольденвейзера (Москва). В 2001-м основал Джаз-ансамбль «Блюзтон» и руководил им до 2011 года.

***

... Вот и подошел к концу мой рассказ о замечательном человеке и дирижёре, внесшем большую лепту в развитие военной духовой музыки и не только, оставившем след и в моей жизни; о человеке, которого добрым словом вспоминает каждый, кто его знает. Многое еще осталось в рабочем блокноте. Кое-что подождет своего часа и, возможно, будет опубликовано позже.

Мир тесен, Анатолий Петрович, – еще встретимся!..

Что может быть важнее...

***Р.М. Манжух – военный дирижер, преподаватель и прекрасный человек – в воспоминаниях учеников, сослуживцев, коллег, друзей
(к 94-летию со дня рождения)***

... В семье Манжухов было три сына, и все они посвятили себя военно-оркестровой службе. Владимир был трубачом в армейских оркестрах, Иосиф — военным дирижером, заслуженным артистом Литвы, начальником ансамбля песни и пляски Дальневосточного военного округа. А Рафаил закончил свою карьеру дирижёром военного оркестра Житомирского высшего зенитно-ракетного училища.

***

... Рафаил Моисеевич родился 26 февраля 1927 года в городе Ашхабад (Туркмения), в семье музыканта (отец, Моисей Абрамович, служил в оркестре оперного театра в Ашхабаде – играл на ударных инструментах).

Там же, в Ашхабаде, начался его путь в музыку. Каждый вечер совсем еще маленький Рафаил и его старшие братья бегали в парк на выступления оркестра, в котором по совместительству играл их отец. Музыканты оркестра помогали любознательным мальчикам прикоснуться к азам исполнительского искусства.

Позже семья перебралась в Тамбов.

Тамбов – город, знаменательный историей родившихся или работавших там музыкантов. Среди них Илья Алексеевич Шатров – композитор и военный дирижёр, автор вальса «На сопках Маньчжурии», Василий Иванович Агапкин – композитор и военный дирижёр, автор бессмертного марша «Прощание Славянки». В центральном сквере города им установлены памятники, в их честь в Тамбове ежегодно проводятся фестивали духовой музыки, на которых выступают лучшие военные оркестры России.

И в Ашхабаде, и в Тамбове братьям везло с наставниками. В Тамбове отец направил сыновей в музыкальную школу, а затем – в училище, директором которого был Марк Наумович Реентович, один из четырех братьев– музыкантов, чью фамилию знала буквально вся страна: прославленным ансамблем скрипачей Большого театра много лет руководил один из братьев – Юлий Реентович. Марк Наумович был человеком неувядающей энергии и хорошей педагогической интуиции. Он внимательно отнёсся к своим новым студентам. Младшего, Рафаила, определил к себе в класс, на скрипку, Иосифа – на виолончель, в класс к своему брату, Иосифу Реентовичу. Старший из братьев Манжухов, Владимир, также занимался в Тамбовском училище – по классу трубы.

Рафаил, Владимир, Иосиф. 1960 год. Вильнюс

Годы учебы в Тамбовском музыкальном училище стали прочным фундаментом для всей дальнейшей музыкантской жизни этих ребят.

В 1948-1952 г.г. Рафаил Моисеевич учится на военно-дирижёрском факультете при Московской государственной консерватории. Его педагоги – профессор Е.П. Макаров (класс инструментовки, профессор А.М. Седрамян (курс игры на духовых инструментах), В. Дубровский (класс дирижирования).

А подполковник Х.М. Хаханян, один из лучших дирижеров Военно-оркестровой службы Советской армии, обучал студентов института особенностям и приемам работы с музыкальным коллективом при исполнении гимнов, маршей, строевых песен.

В 1952 году молодой лейтенант Р. Манжух получает направление в Прибалтийский военный округ, в небольшой гарнизон в Калининградской области. В 1964 году вместе со своей воинской частью он оказывается в Северной группе войск (Польша), а в 1969 году получает должность военного дирижера Житомирского высшего зенитно-ракетного училища.

Рафаил Моисеевич со студентами музыкального училища, 1972 год.

Его имя знали все

Его имя знали и уважали все музыканты города Житомира, где в 70-х годах Манжух был дирижёром военного оркестра зенитно-ракетного училища ПВО.

А в музыкальном училище Рафаил Моисеевич руководил духо-

вым оркестром, преподавал чтение партитур и дирижирование. И это как раз в то время, когда в училище учился и я.

Это был добрейший человек, прекрасный музыкант. К нам, студентам, относился по-отечески, всегда помогал делом и советом. Вспоминаю такой случай. Эстрадный оркестр военного училища по вечерам играл на танцах в гарнизонном Доме офицеров. Рафаил Моисеевич попросил меня один сезон поиграть с его ребятами. Я с радостью согласился, так как всех там знал. В один из таких вечеров я пришел в Дом офицеров после занятий, прямо из училища, и Манжух увидел, что, кроме саксофона, у меня в руках кларнет:

«Борис, до начала танцев еще есть время. Можно, я послушаю, что у тебя сейчас в работе? Мне очень интересно».

Мы зашли в одну из комнат (я даже начал волноваться), я исполнил несколько фрагментов из своей программы, и мне показалось, что я его по-хорошему удивил (в то время я занимался серьезно). «Я не кларнетист, – сказал мне Рафаил Моисеевич, – и не знаю некоторых специфических вещей, но что касается изложения музыкального материала – хочу тебе кое-что подсказать. Приходи в следующий раз с нотами и пораньше».

... Мы работали над фразами, исполнительским дыханием, филировкой звука... Впервые я узнал от Рафаила Моисеевича о перманентном или цепном дыхании. Были у нас и уроки по дирижированию и чтению партитур, которые мы проводили в училище, закрывшись в классе.

Благодарность моя этому человеку безгранична. Очень жалею, что в 90-х годах, когда мы оба уже жили в Израиле, у меня не получилось встретиться с ним. Я жил на севере страны, а он в Иерусалиме. Всё думал, успеется, ещё встретимся... Но у жизни свой сценарий... Иногда жестокий. В 1996 году после очень короткого недомогания Рафаил Моисеевич внезапно умер. Похоронен на одном из Иерусалимских кладбищ.

***

Мне хочется немного рассказать о старшем брате Рафаила Моисеевича – известном военном дирижере Иосифе Манжухе, заслуженном артисте Литвы, начальнике ансамбля песни и пляски Дальневосточного военного округа.

... Я познакомился с И.М. Манжухом летом 1964 года. Меня, 12-летнего мальчишку, отец взял с собой в отпуск в Вильнюс. Он

собирался навестить своего старого друга-сослуживца Савелия Грищенко, который в свое время служил в оркестре Житомирского военного училища. Мы попали на генеральную репетицию Республиканского праздника песни в вильнюсском парке «Вингис». А после красочного действа к нам подошел папин друг — он и познакомил нас с военным дирижером Иосифом Манжухом.

И тут состоялся разговор, определивший мою судьбу: через год я стал воспитанником оркестра, возглавляемого Иосифом Моисеевичем.

Вильнюсским дивизионным оркестром Иосиф Манжух руководил с 1959 года. На протяжении всей его службы в Вильнюсе коллектив постоянно занимал первые места на окружных конкурсах, музыканты побывали с концертами практически во всех городах Литвы. Его вклад в развитие музыкального — в том числе и литовского — искусства был по достоинству оценен в республике. Ему присвоили звание заслуженного артиста ЛитССР...

Закончив свою воинскую службу начальником и художественным руководителем Ансамбля песни и пляски Дальневосточного военного округа, Иосиф Моисеевича вернулся в Вильнюс. В 90-е годы переехал на постоянное место жительства в США. Умер в марте 2018 года в Вашингтоне.

В жизни многое – дело случая

Мой отец, Роман Иосифович Турчинский, много лет был музыкантом Житомирского военного училища, и именно он оказался инициатором перевода Рафаила Моисеевича в Житомир.

В военном училище, где служил отец, к нему было очень хорошее отношение — и не только со стороны коллег, но и со стороны начальства. Все ценили в нем замечательного, отзывчивого человека, настоящего профессионала.

Начальником училища был генерал Е.Е. Полуэктов. Встречая отца, непременно о чем-то с ним советовался. Во время одной из таких встреч он спросил: «А как коллектив – в творческом плане?»

Отец замялся... Вопрос походил на провокационный. Дело в том, что дирижер, который в то время возглавлял оркестр, был... как бы помягче выразиться... не очень почитаем музыкантами. Не особенно любил работать, никакого стремления к творчеству не проявлял. Любимым занятием его был бильярд, которому он отдавал немало служебного времени. В оркестре все ограничивалось, в основном, церемониальным репертуаром. Короче говоря, тоскливо было жить с такой «музыкой». А музыканты в оркестре были хорошие.

«Что вам ответить... Жалко, что у такого коллектива нет профессионального роста», – примерно так ответил отец.

Генерал все понял. «Роман, так считают все или ты один?» – «Думаю, 90 процентов оркестра».

Через некоторое время, воспользовавшись случаем, начальник училища вместе с начальником строевого отдела пришли в оркестр – как бы для проверки быта. Собрали всех сверхсрочников и прямо спросили, соответствует ли дирижёр уровню оркестра.

Оркестр Житомирского высшего зенитно-ракетного училища ПВО

По выслуге лет дирижера могли уже отправить на пенсию, а могли дать еще послужить. Все в один голос сказали правду. «Ищите замену», – по-военному коротко бросил генерал. И замену нашел именно мой отец.

Я жил тогда в Вильнюсе – был воспитанником оркестра, кото-

рым руководил Иосиф Моисеевич Манжух, и отец регулярно навещал меня. А у Рафаила Моисеевича в это время заканчивался срок службы в Польше, и он искал себе новое место... Поворот судьбы – и младший Манжух оказался в Житомире.

Василий Петрович Матвейчук – профессор Московского государственного института культуры, засл. работник культуры РФ, кандидат искусствоведения:

«В моей профессиональной судьбе Рафаил Моисеевич Манжух сыграл большую – точнее, решающую – роль. Для меня он был и остается образцом интеллигентности, тактичности, доброты и профессионализма.

В музыкальное училище я поступил без должной подготовки, и первый оркестровый опыт пришел ко мне в студенческом оркестре. Но главные, основные навыки оркестровой игры я получил в оркестре военного училища под руководством Манжуха. Немалая заслуга в этом, Борис, и твоего отца – Романа Иосифовича, первого валторниста, который был опытным оркестрантом и всячески мне помогал.

Именно в оркестре военного училища я почувствовал, что приобретаю нужный музыканту опыт ансамблевой игры. Играя в этом армейском коллективе, я по-настоящему влюбился в духовую музыку. Нравилась мне и армия, и именно тогда я решил, что буду военным дирижером. Первое время Рафаил Моисеевич меня от этого отговаривал. Он видел меня солистом симфонического оркестра, радовался моим успехам в игре на валторне.

В 1972 году во Львове проходил окружной конкурс исполнителей на духовых инструментах Прикарпатского военного округа, и Манжух предоставил мне честь выступить от имени нашего оркестра. Я стал дипломантом конкурса. Кстати, со мной там выступал и наш с тобой однокурсник Владик Янковский, который в номинации Кларнет завоевал 1-е место и получил звание лауреата.

(Я тоже участвовал в этом конкурсе, будучи музыкантом оркестра штаба ПриКВО, и стал дипломантом – Б.Т.)

По тем (думаю, и по нынешним) временам, у нас был очень хороший военный оркестр. Впрочем, о его исполнительском уровне хорошо говорит даже простое упоминание некоторых сложнейших сочинений, которые звучали на наших концертах. Вариации Н. Римского-Корсакова на тему романса М. Глинки «Что, красotka молодая» для гобоя с духовым оркестром (солист А. Шоромко),

увертюра; Край родной; Б. Диева, танцы из оперы «Иван Сусанин» М. Глинки, Неоконченная симфония Ф. Шуберта, «Пассакалия» Г. Генделя, «Славянские танцы» А. Дворжака...

Манжух был прекрасным оркестровщиком и много произведений аранжировал сам для нашего оркестра. Его оркестровки всегда звучали профессионально, убедительно, наполнено! Не будем забывать, что оркестр наш был профессиональным, но все же духовым...

Три года службы в этом коллективе дали мне возможность хорошо ознакомиться с репертуаром духового оркестра. В какие-то моменты жизни меня и сейчас посещают воспоминания о тех годах и о том коллективе в Житомире. Причём вспоминаю я не только о музыке. Вспоминаю наставников, среди них – старшину оркестра Ивана Григорьевича Красуцкого. Кларнетистов Юзика Портного, Сашу Фесюка, гобоиста Сашу Шоромко и многих других ребят. Дружелюбный был коллектив, и в этом, конечно, была большая заслуга дирижера оркестра. Тон задавал именно он!

Вспоминается, как Рафаил Моисеевич работал с оркестром, как вел себя на репетиции... Каким он был внимательным и терпеливым, как никогда не ставил «стену» между собой и музыкантами. Любил воспитанников оркестра и заботился о них.

Он был очень добрым и всегда был готов помочь в любом вопросе. Не отказал мне взять в оркестр воспитанником моего младшего брата Петра – хоть на тот момент вакансий не было (в оркестре могло быть только 10 воспитанников). В дальнейшем Петя, получив хорошую музыкальную подготовку, смог поступить в Одесскую консерваторию и окончить ее.

Помним Вас, дорогой Рафаил Моисеевич! Что может быть важнее этого» ...

Фрагмент интервью с Владиславом Янковским, засл. арт. России, концертмейстером группы кларнетов Новосибирского симфонического оркестра, основателя и руководителя Новосибирского юношеского симфонического оркестра, который с 2016 года носит его имя:

«Всегда с особой теплотой вспоминаю Рафаила Моисеевича Манжуха, у которого имел честь служить срочную службу в оркестре Житомирского военного училища. Об этом человеке и возглавляемом им коллективе можно написать не одну книгу. Это были три удивительно интересных года в моей жизни – несмотря

на то, что это была армия, со всеми ее особенными правилами.

Я много полезного взял из нашего общения, он для меня на всю жизнь стал идеалом человека, педагога и музыканта. Доброжелательность, тактичность в отношениях со всеми. Готовность всегда прийти на помощь, желание поддержать, что-то нужное подсказать. Годы службы в армии для меня совпали с годами учёбы. Рафаил Моисеевич, наверное, был одним из немногих военных дирижёров, кто разрешал

солдатам срочной службы учиться, да ещё на стационаре! Не раз на моем веку при заполнении различных анкет у чиновников возникал вопрос: как это получается, что годы учёбы приходятся на годы службы в армии?

Рафаил Моисеевич был прекрасным дирижёром, знал, как работать с оркестром и как он должен звучать. Как достичь желаемого звучания произведения – в зависимости от его жанра и стиля. Никаких фальшивостей он не пропускал мимо ушей.

И еще: он добивался поставленных целей, стараясь не утомлять людей. Не было у него, как у некоторых, «сто раз с двадцатой цифры».

Григорий Онуфриевич Белинский – преподаватель трубы, зав. духовым отделом Житомирского музыкального училища (1975-2005 гг.), засл. работник культуры Украины:

«В 1970 году директор нашего училища Зоя Афанасьевна Янулис пригласила меня на беседу. Речь пошла о вакансии руководителя студенческого духового оркестра. Если честно, ответ у меня был готов давно.

Я предложил пригласить нового дирижёра из оркестра военного училища. О нём музыканты говорили исключительно хорошие вещи. Ну, а Житомир город небольшой – слухи распространяются быстро. Так Рафаил Моисеевич начал у нас работать, и мы очень быстро подружились.

С Рафаилом Моисеевичем мы общались часто и всегда полезно.

Тщательно обсуждали репертуар. Не все, что было в военной библиотеке, нам подходило. Из министерства культуры Украины приходили требования к программам: в частности, надо было исполнять произведения украинских композиторов – и много других указаний...

Характеризуя Р. Манжуха, скажу, что никто и никогда не слышал от него грубого слова, тон его речи в любой ситуации был неизменно вежливым и тактичным. Уровень нашего оркестра и раньше был, можно сказать, профессиональным – но у Манжуха было осязаемое стремление приблизить его звучание к симфоническому оркестру, и это дало результаты: оркестр зазвучал мягче, более гибкой стала фразировка, более выразительными и тонкими стали нюансы.

В 1977 году Рафаил Моисеевич пришел со мной попрощаться: он выходил на пенсию и уезжал к своим братьям в Литву (где он впоследствии также не изменил своей деятельно натуре: преподавал дирижерские дисциплины на духовом отделе Вильнюсского музыкального училища, вел самостоятельный духовой оркестр на одном из предприятий города). На память он подарил мне часы «Командирские» – в то время это был ценный подарок. Они у меня сохранились до сих пор и, представьте себе, идут...

Сергей Голоскевич – преподаватель Житомирского музыкального училища (1979-83) и детской музыкальной школы № 2 (1974-2000):

С Рафаилом Моисеевичем Манжухом меня связывают годы моей учебы в Житомирском музыкальном училище им. В.С. Косенко и самые теплые воспоминания. Он был руководителем духового оркестра училища. Играть в этом коллективе было не только огромным удовольствием, но и величайшей школой оркестровой игры. Благодаря упорной и кропотливой работе, а также грамотному и умелому подбору репертуара, Р. Манжух сумел из начинающих музыкантов создать оркестр, который мог конкурировать со многими профессиональными коллективами.

Рафаил Моисеевич был очень знающим, эрудированным, требовательным педагогом. Он обладал тонким ощущением музыкальной фразы, не допускал ни одного коряво или невыразительно сыгранного пассажа.

Но при всей своей требовательности он никогда не позволял

себе унижить студента, которому не удалось справиться с партией или который ошибся или сыграл не так, как требовал дирижер. Он тактично указывал на недостатки и в случае необходимости просил обратиться за помощью к педагогу по специальности. Сам он также поддерживал в этом вопросе постоянную и тесную связь с преподавателями училища.

Будучи высокоинтеллигентным человеком, он никогда не позволял себе вслух критически оценивать работу других преподавателей или исправлять их ошибки.

Навсегда остались в душе и стали руководством на протяжении всей моей жизни его слова, которые он часто повторял нам: «Вы здесь учитесь, чтобы стать хорошими музыкантами. Людям нужна хорошая, качественная музыка.

Неважно, где – на параде, концерте, в парке, на свадьбе или похоронах. Нет для музыканта почетных и не почетных, главных и второстепенных мероприятий.

Музыкант обязан играть всюду, где требуется музыка. Играть качественно, хорошо и добросовестно». Рафаил Моисеевич отдавался своей работе в училище с большим энтузиазмом и любовью, хотя и работал там по совместительству.

В заключение хочу выразить уверенность, что все, кто работал, был как-то связан или знаком с этим чудесным человеком, навсегда сохранили в памяти его доброту, профессионализм, человечность.

Если бы на Земле было больше таких людей, жизнь была бы лучше!

Михаил Гаркуша, военный дирижёр:

«С Рафаилом Моисеевичем Манжухом мы познакомились в 1969 году.

Тогда я впервые увидел, что военный оркестр может жить как единый организм. Порядок, организованность, систематические занятия индивидуальной, оркестрово-ансамблевой и общеоркестровой подготовкой — все это произвело на меня огромное впечатление. В памяти сохранились хорошо продуманные, очень познавательные занятия, которые Манжух проводил с личным составом. Методическая подготовка была на высоком уровне, а главное, подход к каждому музыканту был индивидуальный.

В то время в оркестре проходили службу многие одаренные музыканты, которые в дальнейшем продолжили учебу в вузах

страны: Это Иван Йотко, Василий Матвейчук, Владислав Янковский, Юрий Фещук и другие.

Методику Рафаила Моисеевича по организации занятий многие дирижеры и музыканты Прикарпатского военного округа (и не только) изучали на практике и применяли в своей служебной деятельности. Собрать и сплотить дружный военный творческий коллектив, который на всех конкурсах занимал ведущие места и показывал высокую профессиональную подготовку, — это под силу человеку, наделенному большим музыкальным и педагогическим талантом.

Я благодарен судьбе, что мне посчастливилось пройти путь военного музыканта под руководством такого человека».

Евгений Белкин, музыкант оркестра военного училища, с 1982 года – старшина оркестра, старший прапорщик:

«Борис, я безмерно благодарен тебе за то, что ты взялся написать очерк о дорогом и близком мне человеке, дирижёре и учителе – о Рафаиле Моисеевиче Манжухе!

Именно Манжух пригласил меня в свой великолепный коллектив, выделявшийся не только профессиональными качествами, но и тем, насколько добрые и отзывчивые люди служили в нем. Рафаил Моисеевич был во многом примером для меня и моих сослуживцев. Он был нам как отец, в нем чуткость и забота о людях сочетались с качествами организатора, настоящего дирижёра, хорошо знающего своих музыкантов, подбирающего свою методику, свои действия в соответствии с их потенциалом. Таким был Манжух – замечательный, умный, интересный руководитель.

Пользуясь случаем, Борис, я хотел бы добавить имена музыкантов оркестра, без которых картина, написанная тобой, была бы неполной.

Кларнетисты: Е. Левицкий, В. Фесюк и А. Фесюк (династия, отец и сын), В. Янковский, Ю. Портнов, И. Красуцкий, В. Эль, М. Горкуша; Трубачи: С. Монахов, В. Яловко, М. Столярец, В. Гриневич, Ю. Фещук, М. Жидецкий. Валторнисты: Р. Турчинский, Р. Тихонов; Гобоист А. Шоромко, тубисты А. Блиндер и В. Блиндер, Ф. Коник, Н. Нижник, баритонисты В. Волынец, М. Сологуб, тенорист Э. Малецкий, флейтист А. Котвицкий, тромбонисты В. Пугачёв, Л. Волков, ударники Ю. Яровой, О. Лоскутников и др.

Хочется вспомнить многолетнего помощника Рафаила Моисеевича, старшину оркестра Ивана Григорьевича Красуцкого, чело-

века порядочного, доброго и в то же время справедливо строгого по отношению к солдатам и воспитанникам. Можно с уверенностью сказать, что он был правой рукой дирижера. Многие заслуги коллектива — это и его кропотливый ежедневный труд и поддержка Манжуха во всех его начинаниях».

***

Рафаил Моисеевич был большим профессионалом, эталонном педагога и дирижёра, а в общении – человеком необычайной простоты. Но главное – он был и остаётся для всех нас учителем. Учителем отношения к профессии и людям. Учителем жизни!

Зоя Прокудина, повелительница валторны, или Есть такое слово – надо!

Вспоминаю такую историю. Когда я учился на втором курсе музыкального училища, к нам в Житомир на гастроли приезжал Харьковский театр оперетты. Кто-то сказал, что на тромбоне там играет женщина. Всем курсом мы пошли посмотреть на это явление.

***

Вопрос к музыкантам и любителям музыки, которые помнят оркестры Советского Союза: много ли женщин вы видели в группах духовых инструментов, а особенно – медных?.. Скажу сразу: вплоть до 80-х годов медные духовые осваивали только единицы женщин.

Вопрос ко всем. На каждом ли шагу встречаются женщины, в равной, высокой степени реализовавшиеся как профессионал, преподаватель, мама и счастливая супруга?..

***

Жизнь жены офицера всегда была на 90% предсказуема: переезды, первичность карьеры мужа... О своей собственной профессиональной реализации обоснованно могли думать, в основном, жены, входящие в категории «пед» и «мед».

В судьбе Зои Анатольевны Прокудиной определенная нестандартность была, наверное, заложена изначально.

Но обо всем по порядку.

Окончив музыкальное училище по классу фортепиано и готовясь поступать в Московскую консерваторию, Зоя вдруг узнала, что прием на ее специальность окончен! Но время было послевоенное, и на таком «мужском» факультете, как духовой, был недобор. Так пианистка стала единственной девушкой-студенткой факультета духовых инструментов.

Ситуация была загадочно-вдохновляющей, но непростой. Заниматься Зое приходилось более чем серьезно: во-первых, пришлось с нуля осваивать новый инструмент, во-вторых, некоторые откровенно в нее не верили...

А еще у Зои даже не было своего инструмента – занималась на казенном, не бог весть какого качества. В какой-то момент это заметил известный педагог и дирижер В.А. Щербинин – он и организовал покупку хорошей валторны.

Прошло немного времени, и молодая, красивая девушка встала за дирижерский пульт духового оркестра – и тогда другие студенты периодически стали бросать свои занятия, чтобы занять зрительское место...

... За новый инструмент Зоя рассчитывалась три года. Благо, рабочих мест хватало: в те времена в Москве в каждом театре был оркестр. Вот Зоя и бегала от театра к театру: им. Вахтангова, им. Маяковского, На Малой Бронной и в оперный театр им. Станиславского и Немировича-Данченко... А по выходным становилась дирижером в парковом оркестре (в котором играли одни мужчины).

Так наполненно, результативно и целенаправленно и живут одаренные, энергичные люди! От «инструмента с нуля» ко всюду востребованной валторнистке и дирижеру. Ах да, и не только: еще – к молодой супруге! На дне рождения подружки познакомилась со слушателем адъюнктуры – и больше с ним не расставалась.

И никаких «пед» и «мед»!

***

... Нечасто в нашем во многом провинциальном Житомире надолго задерживались музыканты из больших городов...

Зоя Анатольевна Прокудина, выпускница Московской консерватории, оказалась в Житомире по воле судьбы: ее муж, окончив адъюнктуру, получил назначение в город Станислав (сегодня это Ивано-Франковск), а затем – в Житомир.

Семья Прокудиных – подполковник связи Андрей Кузьмич, его жена Зоя Анатольевна и две их маленькие дочери – появилась в Житомире в 1956 году.

Конечно же, профессионал такой квалификации не может замкнуться в домашнем хозяйстве. К тому же Зоя была общительным и обаятельным человеком и с музыкантами сравнительно небольшого города раззнакомилась довольно быстро.

Играла в оркестре музыкально-драматического театра. Выступала с сольными программами и в составе инструментальных ансамблей.

В начале 50-х годов в Житомире при активной поддержке директора музыкального училища Якова Дреслера был создан симфонический оркестр.

Оркестр собирался только на летне-осенний период и играл в парке популярную музыку. Вместе с Зоей Прокудиной (первая валторна) в оркестре играл и сам Я. Дреслер. Мы с отцом всегда ходили на эти выступления. Помню инструмент Прокудиной – всегда начищенный, ухоженный. Кстати, как и у Дреслера.

Очень скоро Зою Анатольевну пригласили преподавать.

В разное время она успешно преподавала валторну в двух

учебных заведениях города – в музыкальном и культпросвет училище.

***

Яков Дреслер был отличным директором и сумел собрать в училище коллектив первоклассных преподавателей. О них – коллегах и друзьях Зои Анатольевны – хочу коротко вспомнить.

Трубач и педагог, а также дирижер духового оркестра училища Иосиф Антонович Древецкий – зав. отделом, вел все предметы дирижерского цикла. Имел отличное образование: институт военных дирижеров в Москве. Вел класс трубы, тубы, кларнета. Под руководством Древецкого духовой оркестр училища был одним из лучших в Украине.

Зельман Зусиевич Ройтфарб, человек-легенда. Знал, практически, все инструменты. Вел симфонический оркестр училища. Отличный организатор музыкальных коллективов, он поставил силами студентов и преподавателей оперу С. Рахманинова «Алеко» и большую концертно-музыкальную сюиту на музыку оперы М.И. Глинки «Иван Сусанин». Все оркестровки делал сам. Любил это делать и делал на очень высоком уровне.

Сергей Андреевич Каплун (многие годы был завучем училища) – превосходный теоретик, исключительно скромный человек. Из верхнего кармана его пиджака всегда торчал красный карандаш. У него была феноменальная память. Во время экзамена Сергей Андреевич проходил по рядам и... «Это вы списали у Ивана – там

такие же ошибки». «А это списано у Володи. Сверьте...»

Эти педагоги были украшением музыкального училища.

И, конечно, Зоя Анатольевна Прокудина.

Со временем из ее учеников сложилась прекрасная плеяда валторнистов. Ю. Корецкий – выпускник Львовской консерватории, преподаватель и дирижер оркестра Житомирского музыкального училища, В. Цурман – выпускник Беларускай консерватории, концертмейстер группы валторн симфонического оркестра Беларускаго радио и ТВ, В. Яковчук – концертмейстер группы валторн оркестра штаба Прикарпатского военного округа, работал солистом симфонического оркестра Львовской филармонии и оркестра Львовского театра оперы и балета; В. Штефанец – выпускник Одесской консерватории, солист оркестра Одесского театра оперы и балета; и самый известный ее ученик – Владимир Бондарчук, нар. арт. Украины, концертмейстер группы валторн Одесского филармонического симфонического оркестра, профессор Одесской Национальной академии музыки им. А.В. Неждановой...

***

Я тоже хорошо знал Зою Анатольевну: ведь мой отец тоже был валторнистом, и они были дружны. Я бывал с отцом у нее дома, где нас всегда ждал теплый прием. Им, коллегам, было о чем поговорить.

Иногда отец подменял Якова Дреслера в симфоническом оркестре и играл рядом с Прокудиной. Играли они вместе и в некоторых спектаклях в театре. «У нее прекрасный звук, и играет очень музыкально», – помню эти слова отца...

А еще помню, как в 1969 или 70 году меня пригласили на концерт духового отдела культпросвет училища. В программе, кроме прочего, прозвучало и два квартета для валторн, где педагог Прокудина играла вместе со своими учениками – и это было очень, очень хорошо...

**Вспоминает дочь Зои Анатольевны,
Ольга:**

«Маме нравилось все новое. Когда в 60-е годы у нас появился «Москвич», мама не задумываясь научилась на

нем ездить и делала это хорошо. Тогда довольно редко можно было увидеть женщину-водителя, это было диковинкой. Житомиряне, увидев за рулем женщину, бывали шокированы. Просьбы подвезти и привезти сыпались со всех сторон. Как она повсюду успевала – не знаю.

Мама очень любила своих учеников и часто приглашала их к нам домой. Первым делом угощала чем могла, интересовалась их жизненными проблемами. Помогала в поиске инструмента. Со многими потом переписывалась. Ученики всегда поздравляли ее со знаменательными датами. А еще она была супер-обязательным человеком с большой энергией. Она всегда говорила: «Есть такое слово – надо!». Можно сказать, это был девиз ее жизни.

Эпизод из моего детства. Мне запомнился один из концертов, на котором солировала мама. Она вышла на сцену в невероятно красивом платье, со сверкающей, почти золотой валторной. Я от радости подпрыгнула на месте и закричала: «Это моя мама!» Гордость за нее буквально переполнила меня».

От автора:

У Зои Анатольевны среди коллег было много друзей. Один из них – Борис Михайлович Фишерман, недавно ушедший в мир иной.

Борис Михайлович был вдохновителем многих моих очерков.

Б.М. Фишерман:

«Зоя Анатольевна была удивительным человеком. Интересный собеседник и, замечу, очень эрудированный. Иногда мы и спорили, но всегда уважали мнение другого. Годы, проведенные в стенах Московской консерватории, встречи с ведущими музыкантами страны не могли не повлиять на Зою как на личность – и в жизни, и в музыке. Интересна она была и в разговоре о музыке, и в обсуждении наших учеников, и в своих воспоминаниях-байках о жизни в столице. Зоя любила природу, которая у нас на Житомирщине диковинная. Не раз говорила, что уже привыкла и полюбила наш край.

Долгое время я был дирижером училищного оркестра, и питомцы Зои Анатольевны меня всегда радовали хорошей игрой, манерой исполнения, четкой с листа... Я с Зоей устраивал совместные концерты, и уровень их всегда был на хорошем, добротном

уровне. Недаром многие ее выпускники поступили в консерваторию и стали профессиональными музыкантами. Единственный в Украине валторнист-народный артист Украины Вл. Бондарчук, профессор Одесской консерватории – ее ученик. Это ее большая заслуга, успех и, как говорится, «отличная работа». В классе Зои Анатольевны занимался и младший брат Владимира, Валентин. Так же, как и старший брат, он окончил Одесскую консерваторию и многие годы преподает в Житомирском музыкальном училище.

В 1986 году Зоя Анатольевна с семьей переехала в Москву, а в 1991 году они со старшей дочерью Ольгой переехали в Испанию».

Ольга Прокудина (Шюдтц) продолжает:

«В Житомирском музыкальном училище занималась и я. Хорошо помню своих учителей и сокурсников. Училась на дирижёрско-хоровом отделении, у меня был хороший голос. Затем поступила в Московский государственный институт культуры (дирижёрско-хоровой факультет).

Семья у нас очень музыкальная. Знаменитыми стали мой сын Андрей, внук Зои Анатольевны, и моя 20-летняя внучка Андреа Дель Байе, которая скоро едет учиться в Кремону, в престижную школу А. Страдивари (поступила, справившись с большим конкурсом). Горжусь ими! Они скрипичных дел мастера. Таким образом, у нас в семье – вокал, валторна, скрипка и скрипичные мастера».

Андрей Шюдтц – скрипичный мастер из Кремоны. (материалы интернета)

Свою первую скрипку Андрей сделал в 11 лет, а в 15 он уже принял участие в международном конкурсе скрипичных мастеров имени Чайковского, будучи самым молодым его участником за всю историю существования этого конкурса.

Впоследствии учился в городе Кремона (Италия), в институте скрипичных мастеров имени А. Страдивари. С успехом закончил обучение и получил диплом. В 1998 году Андрей Шюдтц открыл в Кремоне собственную мастерскую, и с этого времени его известные инструменты начали свое путешествие по всему миру.

Михаил Дикер – кларнетист, композитор:

«Спасибо, Борис, что ты обращаешься к истории нашего музыкального училища, рассказываешь о его замечательных педагогах и выпускниках. Зоя Анатольевна среди них занимает особое место. Почему?..

В то послевоенное время с преподавательским составом было непросто. Многие не вернулись с фронта. Преподаватели на духовом отделении вели по два-три инструмента. Сам понимаешь, нужны были узконаправленные учителя. Каждый педагог должен преподавать тот инструмент, на котором сам хорошо играет и имеет соответствующее образование.

Появление в училище нового педагога, тем более выпускницы Московской консерватории, всеми было воспринято с радостью. Я учился на старших курсах училища, и по возрасту мы были друг от друга недалеко. В общем, можно сказать, подружился. Я часто бывал и на уроках нового преподавателя.

Симфонический оркестр училища был очень серьезным коллективом, играл сложные произведения, и конечно, ему нужны были играющие валторнисты. С приходом Прокудиной у нас они появились.

Зоя Анатольевна была человеком и профессионалом с большой буквы, работающим не ради какой-то благодарности или званий – она просто наилучшим образом делала свое Дело. И я сам, лично, однажды имел счастье в этом убедиться. Как-то после экзамена по специальности (или академконцерта – сейчас уже не вспомню), заметив у меня кое-какие проблемы, она подошла ко мне и посоветовала поработать над новыми для меня упражнениями. Я послушался, и это вскоре позволило мне с легкостью справляться с трудностями в исполнительском дыхании.

Я бывал, и не однажды, у нее дома, был знаком с ее мужем, Андреем Кузьмичом, добродушным и гостеприимным человеком. Они были прекрасной парой и очень дополняли друг друга во всем. Оба симпатичные, красивые, приветливые. С такими людьми было приятно общаться.

После того, как я окончил училище, мы еще многие годы не теряли друг друга из вида».

Владимир Бондарчук – нар. арт. Украины, профессор Одесской Национальной академии музыки:

«Высокообразованная, интеллигентная, скромная, чуткая и вместе с тем очень требовательная к себе и к ученикам. Сама

регулярно занималась на валторне и заставляла своих студентов уделять большую часть своего времени занятиям на инструменте. Никогда не повышала голос, могла пожуричь, но тут же давала совет, как избежать подобных ошибок или устранить только что сделанную. Была человечной, большой души личностью!

Многие советы Зои Анатольевны для меня актуальны и сегодня в моей практической деятельности. Я бы даже сказал, что сегодня они для меня как заповеди в профессии».

***

8 апреля 2019 года в Житомирском колледже культуры и искусства состоялся концерт, посвященный ее памяти. Памяти человека, педагога и музыканта, оставившего заметный след в музыкальной культуре города.

В концерте прозвучали произведения из репертуара Прокудиной и ее класса. В программе концерта принимали участие и «музыкальные внуки» Зои Прокудиной – ученики ее учеников.

***

Последние годы Зоя Прокудина жила в Испании, в г. Овьедо, с дочкой Ольгой и ее семейством. Была хорошей бабушкой и успела стать прабабушкой.

По словам дочери, годы обошли ее стороной. Будучи уже в приличном возрасте, она по-прежнему была полна задора. И так же, как в молодости, была открыта для всего нового. Старалась не пропустить ни одного концерта. Усердно учила испанский язык. Научилась готовить испанскую еду. Полюбила корриду!

Веселая, энергичная, по-прежнему умная и обязательная. Такой мы и будем ее помнить!

Диалоги с Иваном Оленчиком

Иван Оленчик – мой добрый старый друг. Мы познакомились с ним в Одесской консерватории. Познакомились – и сразу подружились. Мы оба учились в классе Калио Мюльберга. Естественно, вместе участвовали в концертах класса учителя.

Ваня занимался на курс старше, хотя по годам мы одногодки. На пятом курсе Иван уже преподавал в консерватории и был моим преподавателем по ансамблю. Было очень интересно, он сам играл с нами. Мы успели выступить вместе на нескольких концертах.

Наша дружба продолжается по сей день. Сегодня мой друг расширил сферу своей деятельности, он – составитель и редактор нотных изданий. Недавно я узнал, что скоро получу от Ивана подарок: новые издания его нот. Среди них – собственные произведения, переложения для кларнета других композиторов и т. д.

Мне всегда с ним было интересно, очень. Это мое ощущение и сегодня со мной.

***

Иван Оленчик – выдающийся российский кларнетист, педагог; заслуженный артист РСФСР, профессор Российской академии

музыки имени Гнесиных; автор педагогического и учебно-методического репертуара для кларнета и блокфлейты (в частности, «Шестнадцать виртуозных этюдов для кларнета соло», «Хрестоматия начинающего кларнетиста», «Хрестоматия для блокфлейты»), а также пьес и этюдов для ансамблей духовых инструментов. И.Ф. Оленчику принадлежит ряд интересных концертных сочинений для кларнета: «Двадцать капризов для кларнета соло», «Концертная пьеса на темы Д. Шостаковича» для кларнета и фортепиано, «Вариации на тему М. Леграна» для кларнета и фортепиано, «Фантазия на темы М.П. Мусоргского» для кларнета соло, Концерт для кларнета, струнного оркестра и фортепиано, две «Фантазии в свободном стиле» для кларнета и фортепиано, «Концертный марш» для духового оркестра, обработки народных песен, сборники «Славянский базар» и «Жемчужины Украины».

В репертуаре Ивана Оленчика всегда было большое количество произведений различных авторов для кларнета соло. Отдельную главу составляют сочинения современных композиторов – Романа Леденёва, Шалвы Давидова, Вадима Кулёва, Георгия Сальникова – отмеченные посвящением Ивану Оленчику.

Ныне в радифонде России хранятся и звучат в эфире записи, сделанные кларнетистом в сопровождении оркестра и в сопровождении фортепиано.

***

Иван Федорович Оленчик родился в 1952 году в селе Касперовцы Тернопольской области. Игре на кларнете учился в Тер-

нопольском музыкальном училище (класс преподавателя Г.С. Гевояна), окончив которое в 1971 году, продолжил обучение в Одесской консерватории (класс профессора К.Э. Мюльберга). Затем совершенствовался в аспирантуре государственного Музыкально-педагогического института имени Гнесиных у профессора И.П. Мозговенко.

И.Ф. Оленчик – лауреат Республиканского (Киев, 1976), Всеобщего (Минск, 1979) и Международного («Пражская весна», 1981) конкурсов. Награжден орденом «За заслуги перед отечеством» II степени.

Карьеру оркестрового музыканта Иван Федорович Оленчик начал в 1973 году в симфоническом оркестре Одесской филармонии. Затем, с 1976 года, служил в Советской Армии, в оркестре штаба Одесского военного округа. С 1978 по 1984 год – концертмейстер группы кларнетов Первого отдельного показательного оркестра Министерства обороны СССР.

С 1986 по 2002 год – солист Госоркестра СССР под управлением Е.Ф. Светланова. С 2003 по 2011 год – солист Московского государственного академического симфонического оркестра (дирижер П. Коган). С 2002 года преподает в Российской академии музыки имени Гнесиных и в специальной музыкальной школе имени Гнесиных.

***

– Иван, как начинался твой путь в музыке? Предполагаю, что в родном селе, как и во многих селах тогда, был духовой оркестр, где играли такие же мальчишки, как и ты, – и это тебя заинтересовало. А твои родители? Имели ли они отношение к музыке?

– Я в музыке столько, сколько себя помню. Отец был уникальным, очень одаренным музыкантом, который всю свою короткую, но яркую жизнь посвятил духовой музыке. Он умер в 53 года. Многие музыканты его помнят: Федор Васильевич Оленчик.

Возвратившись с войны, отец начал создавать в разных селах Тернопольщины духовые оркестры. Это была его страсть. По моим подсчетам, этих оркестров было восемь. Так что не просто сельский оркестр был в моем детстве, а были оркестры, созданные и руководимые близким и дорогим мне человеком – моим отцом!

Время тогда было беспокойное, только-только начиналось становление советской государственности на территории Западной

Украины. Отец был беспартийный, но где прежде всего был нужен духовой оркестр? – Конечно, на собраниях, митингах, демонстрациях, на праздничных мероприятиях. И в первую очередь надо было разучивать с оркестром гимн СССР, Интернационал и т. д. Как отец остался жив, одному Богу известно, это до сих пор для меня загадка. Но, во всяком случае, музыкой он зарабатывал, и это давало нашей семье какой-никакой достаток. Отец знал великолепно гармонию, инструментовку и умел играть на всех духовых инструментах в достаточной степени, чтобы обучать молодежь. Больше всего он любил кларнет и играл на нем довольно прилично, во всяком случае, мне тогда так казалось.

Мне этот инструмент достался по наследству, и на нём я делал свои первые шаги в музыке. Кроме кларнета, я брал уроки игры на скрипке. И на этом инструменте мой отец играл довольно прилично.

Мама, Стефания Антоновна, не была музыкантом, но очень хорошо пела и обладала отличными музыкальными данными. Старший брат Ярослав окончил Харьковский институт искусств и был превосходным теоретиком.

Моими первыми учителями музыки были четыре человека, о которых я с благодарностью вспоминаю. Это мой отец, преданные своему делу школьные преподаватели музыки Эротей Григорьевич Сохацкий и Валерий Павлович Гель и мой старший брат.

– Расскажи нам о Тернопольском музыкальном училище. Каким оно тебе запомнилось? Кто был твой учителем по специальности, запомнились ли преподаватели других дисциплин, с кем ты дружил? Я помню, как директор Тернопольского училища приезжал в Одесскую консерваторию послушать игру своих выпускников. Кажется, это было в 1978 году.

– Да, Борис, ты не ошибся. Это был Е.П. Давыдов. В Тернопольское музыкальное училище им. С.А. Крушельницкой я поступил без особых трудностей. Возможно, сыграло и то обстоятельство, что за год до этого училище окончил мой брат, который зарекомендовал себя в учебе с самой лучшей стороны.

Духовой отдел в училище был элитным благодаря высокому исполнительскому уровню духового оркестра. Оркестр прославился на республиканском уровне под руководством В.В. Розсохи, прекрасного музыканта и дирижера. Под руководством Виктора Васильевича я неоднократно выступал как солист-кларнетист. Те-

плые, дружеские отношения у нас сохранились и по сей день.

Преподавателем по кларнету в училище у меня был Г.С. Гевоян. Мое становление как начинающего кларнетиста осуществлялось под его умелым руководством. С этим человеком меня и сегодня связывает большая дружба. Я всегда готов выразить этим людям свою признательность и любовь за все, что они для меня сделали.

– Помнится, первые этюды Иваном Оленчиком были написаны еще в студенческие годы? Сложные в техническом плане, по своему музыкальному содержанию они были очень интересны...

– Хотелось написать такие этюды, которые нравились бы кларнетистам, игрались с желанием и в то же время способствовали бы профессиональному росту исполнителя. Что касается каприсов для кларнета-соло, то впервые в России такого рода сочинения были выпущены еще первым профессором Санкт-Петербургской консерватории Э. Каваллини. Выстроены они по принципу «от простого к сложному», где простые – очень легкие, а сложные не превышают трудностей, заложенных в этюдах Л. Видемана, Г. Клозе, А. Штарка. Эти этюды были написаны в XIX веке и, естественно, за истекшее время кларнетисты сделали огромный технический скачок. Мои «20 каприсов» – движение времени, острая необходимость преодолевать очередные технические трудности. Я счастлив, что они завоевали большую популярность не только в России, но и за рубежом. Хотелось бы высказать огромную благодарность моему другу, замечательному музыканту и человеку, генеральному директору издательства «Современная музыка» Ф.И. Такуну за выпуск всех моих произведений.

– Иван, ты много лет прожил в Одессе. Чем эти годы были для тебя?

– Запомнились многим. Это и учеба в консерватории, и работа в Одесском симфоническом оркестре, и, наконец, служба в замечательном оркестре штаба Одесского военного округа, в коллективе, который в 1980 году завоевал второе место на Всесоюзном конкурсе военных оркестров СССР (дирижер С. Волынов), а в 1988 году стал лучшим оркестром Вооруженных сил СССР (дирижер народный артист Украины А. Салик).

– Мне вспоминается одно твоё блестящее выступление с военным оркестром. Исполнялись концерт Шалвы Давидова, «Деннериана» Андре Блоха и Молдавская фантазия «Чокыр-лия». Правда, это было позже... Давай начнем с консерватории.

– Вопрос «куда поступать?» для меня не стоял. Будучи на четвертом курсе музыкального училища, я поехал в Одесскую консерваторию на консультацию, и именно к Калио Эвальдовичу Мюльбергу. После первых встреч с ним мой творческий путь был для меня четко обозначен – такой он был увлекающий музыкой человек!

Я с первых шагов просто-таки влюбился в своего преподавателя. Пять лет учебы пролетели как один миг. Я много занимался, стремился как можно лучше овладеть любимым инструментом.

Меня послали представлять Одесскую консерваторию на Всесоюзном отборочном конкурсе исполнителей к Международному конкурсу «Пражская весна», и на нем я стал лауреатом Республиканского конкурса, завоевав первую премию.

Я учился на втором курсе, когда был приглашен в Одесский симфонический оркестр, на место первого кларнетиста. Для меня началась новая, очень интересная жизнь, концерты с известными всей стране дирижерами и музыкантами. С Одесским симфоническим оркестром стремились выступить многие звезды отечественной сцены, а также именитые музыканты из разных стран мира.

Однако главным делом на то время для меня была учеба в классе К.Э. Мюльберга. Он был моим кумиром, таким остается и сегодня. Всем, чего достиг в мире музыки, я, в первую очередь,

обязан ему – его правильно выстроенной методической работе, великолепной, в высшей степени профессиональной игре. Он был блестящим интерпретатором многих произведений, его сольные выступления всегда были праздником для любителей музыки города Одессы и не только. И, конечно, я не могу не сказать о его человеческих качествах. Это был прекрасной, доброй души человек.

В моей творческой жизни его заслуга огромна!

После окончания консерватории Мюльберг предложил мне работать на кафедре духовых инструментов консерватории. Он оказал мне неоценимую помощь в моей подготовке к поступлению в аспирантуру при Государственном музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных, как он раньше назывался.

– У тебя много учеников, и я думаю, нашему читателю будет интересно узнать подробней о некоторых из них, о твоих надеждах и их успехах.

– До 2011 года в РАМ имени Гнесиных я работал по совместительству в качестве ассистента профессора И.П. Мозговенко, поэтому ученики были как бы наши общие. Многих я считаю своими, потому что вложил сердце, душу и все свои знания в их профессиональное становление. Многие из них стали лауреатами различных конкурсов, которых сейчас в России обилие. И это очень хорошо! Молодые музыканты имеют возможность себя творчески показать. Когда я пришел в Академию работать в качестве ассистента, все они были на разных курсах. В судьбе некоторых из них я принимал личное участие, чем очень горжусь. Я занимался с ними изучением оркестровых партий, приглашая играть в различных программах Государственного академического симфонического оркестра России под управлением Е. Светланова и Московского академического симфонического оркестра под управлением П. Когана. Сейчас это известные кларнетисты в Москве – А. Харламов, Е. Соловей, С. Богатыренко (к сожалению, трагически погибший), Д. Климович, солист оркестра Большого театра С. Петров, кларнетист ГАСО имени Е. Светланова А. Облежян.

В данное время у меня в классе занимается новая плеяда талантливых ребят. Думаю, что их ждет большое будущее. Как гласит библейская мудрость: «Идущий после меня будет сильнее меня»!

– Скажи несколько слов о своих педагогических принципах...

– Если человек талантлив, но не хочет работать, ничего не получится. Бывает и по-другому: и талантлив человек, и много работает, но педагог не может раскрыть ученика. Часто случается, что у студента нет качественного звучания, и причину этого может определить только знающий и опытный преподаватель. Важно все: начиная с инструмента, трости, мундштука и заканчивая многими тонкостями постановки губного аппарата, не говоря о дыхании – это основа, с которой надо начинать занятия.

Несколько слов о важности ансамблевого воспитания. К сожалению, в нашей стране очень мало камерно-ансамблевых курсов. Бесконечная сольная концертная игра в юном возрасте наносит духовику определенный вред. У очень многих детей развивается «звездная болезнь», что вряд ли произойдет в камерном ансамбле. Я глубоко убежден, что каждый исполнитель должен готовить себя к игре в оркестре. Главным направлением для духовика является оркестровая и камерная музыка. Это и есть то, чем он будет заниматься в своей профессиональной деятельности.

Я и сегодня остаюсь при мнении, что концертная деятельность духовика не может равняться с сольной деятельностью пианиста, певца или струнника. На мой взгляд, кларнет, как и любой другой духовой инструмент, – это определенная оркестровая краска, хотя и очень яркая.

Так сложилось в нашей стране, что обучение в начальных, средних и высших учебных заведениях скорее ориентировано на сольное концертное исполнительство, что, как мне кажется, имеет определенные негативные черты. После окончания вуза молодой человек приходит в оркестр совершенно не готовым играть камерную музыку, он не умеет играть в ансамбле!

И тогда обучение в оркестре начинается как бы с нуля. Во многих западных странах ансамблевой игре отводится едва ли не самое важное место, во всяком случае, она ценится ничуть не ниже, чем сольное концертное исполнение. Собственно, чем отличаются хорошие западные симфонические оркестры от «наших»? Большой ансамблевой слаженностью!

Я всегда сочетал основную работу в симфоническом оркестре с сольной концертной деятельностью. Апогеем моей сольной активности была работа в оркестре Министерства обороны СССР.

Это сольные выступления практически на всех крупных площадках страны и за рубежом: Франция, Норвегия, Венгрия, Австрия, Швеция. Я сделал множество записей на российском радио. Кстати, именно в тот период я первым среди военных музыкантов получил звание заслуженного артиста РСФСР.

Но вот парадокс: когда я начал работать в Госоркестре, пришлось мои концертные выступления сократить – в первую очередь, из-за нехватки времени, а во-вторых, как бы помягче сказать... наш дирижер Евгений Федорович Светланов был не в восторге от моей сольной исполнительской деятельности. Странно, да? До сих пор не могу до конца понять причины этого. Думаю, он считал, что музыкант, который играет в его коллективе, должен все силы отдавать только оркестру.

Главный дирижер МГАСО, в котором я тоже работал, Павел Коган, сольные выступления поощрял. В частности, в сезоне 2005–2006 в Большом зале Московской консерватории я сыграл под его руководством первый концерт К.М. Вебера совместно с Московским академическим симфоническим оркестром.

Сейчас, когда я полностью перешел на педагогическую работу, у меня в этом отношении неограниченное поле деятельности.

– Иван, до Московского академического симфонического оркестра ты работал в лучшем на то время Государственном академическом симфоническом оркестре СССР под управлением Евгения Светланова. Затем у вас в коллективе случился кризис, и ты перешел в оркестр под управлением Павла Когана...

– Государственный академический симфонический оркестр СССР под управлением Евгения Светланова был выдающимся творческим коллективом. 1980-е годы были вершиной его взлета, но, к сожалению, как иногда бывает, после небывалого взлета происходит болезненное падение. Причин тому много. И развал страны, когда стало не до искусства, и большой отток хороших музыкантов за рубеж, и маленькие, смехотворные зарплаты. Все это привело к «бунту», иначе не скажешь.

Е.Ф. Светланов в эти времена часто бывал за границей и не владел ситуацией. Все кончилось плачевно. Не стало великого оркестра, а вслед не стало и великого дирижера. Все попытки поднять оркестр на былую высоту ни к чему не привели.

Я счастлив, что проработал в этом великом коллективе в качестве солиста-кларнетиста 16 лет.

Многие музыканты начали покидать оркестр, в их числе оказался и я. Павел Коган пригласил меня в свой оркестр, за что я ему очень благодарен. Время было смутное, непонятное. Куда идти – вопрос. Вопросов было много, ответов было мало. Вот так мы жили в те годы.

Не хочу сравнивать, какие оркестры по исполнительскому уровню выше и лучше, какие хуже – все это достаточно субъективно и спорно. Есть несколько оркестров в России, безусловно, первоклассных, в их число входит и Московский академический симфонический оркестр. Этот коллектив пользуется огромной популярностью, как в стране, так и за рубежом. И еще один важный штрих. Билет на концерт оркестра под управлением Павла Когана приобрести не всегда просто.

– Готовясь к нашему разговору, я перелистал немало страниц Интернета. Тебе приходилось работать почти со всеми гигантами современного музыкального мира. Даже и не знаю, кого среди них нет...

– Действительно, трудно было бы пересчитать всех дирижеров, с которыми пришлось работать в разное время. Кроме сказанных слов благодарности двум художественным руководителям коллективов, где я работал, – Е.Ф. Светланову и П.Л. Когану – хотелось бы добрым словом вспомнить многих других. На всю жизнь в памяти останутся незабываемые концерты в нашей стране и за рубежом с М.Л. Ростроповичем, К. Мазуром, И. Менухиным, И. Стерном, С.Т. Рихтером и многими, многими другими. А чего стоит встреча и совместные концерты в Москве с Монсеррат Кабалье! Я благодарю Бога за то, что имел счастье соприкоснуться с искусством всех этих великих людей!

– У тебя музыкальная семья. Супруга – заслуженная артистка РФ Татьяна Борисовна Григорьян – прекрасный музыкант, твой концертмейстер. Как вам двоим работаете вместе?

– Моя супруга, Татьяна Бо-

рисовна Григорьян – мой постоянный концертмейстер с первых дней моего обучения в аспирантуре. Ученица великого отечественного педагога Я.В. Флиера, она со временем стала выдающимся концертмейстером. На Международном конкурсе «Пражская весна» Татьяна была признана лучшим аккомпаниатором. Сейчас она работает в качестве концертмейстера в моем классе и передает свой богатый музыкальный опыт начинающим кларнетистам. Ее разносторонний интеллект, хорошее знание репертуара – все это очень помогает мне в работе со студентами. Она удивительно чуткий и внимательный к людям человек. Этот синтез – залог хорошей игры моих ребят.

***

Разговор с Иваном Оленчиком – для меня всегда радостное событие. Но формат очерка-интервью диктует свои условия, и в заключение я прошу Ивана Федоровича поделиться своим секретом: что он считает главным стимулом своей успешной многогранной деятельности.

– Обращаюсь ко всем читателям – и к маститым музыкантам, и к творческой молодежи. Пусть не покидает Вас одержимость! Даже в ежедневных занятиях на своем инструменте пусть не будет у вас рутины – обязательно нужна страсть!

«Верить в свои силы»

Наш рассказ – об интересном и заслуженном человеке, кларнетисте, педагоге и дирижёре Борисе Михайловиче Фишермане. Человеке, который много в жизни повидал, работал с известными музыкантами бывшего Союза, много сделал на преподавательской ниве.

С детства я часто слышал это имя в своей семье. Говоря о Фишермане, мой отец, Роман Иосифович, всегда добавлял слова «большой музыкант», «эрудированный человек», «интересный собеседник» – и обязательно с дополнением «очень». Недаром впоследствии он доверил ему обучение моего младшего брата Ефима.

Моё первое самостоятельное воспоминание о нем связано с кинофильмом «Фантомас». Борис Михайлович играл в оркестре кинотеатра «Украина» и достал мне и моему старшему брату Леониду две контрамарки. Для нас это было большим подарком.

Затем Фишерман уехал работать в Омский симфонический ор-

кестр, а я через короткое время оказался воспитанником военно-духового оркестра в Вильнюсе.

Борису Михайловичу приходилось работать с такими выдающимися музыкантами СССР, как дирижеры Н. Рахлин, В. Дударова, И. Шерман, К. Элиасберг, солисты-инструменталисты В. Спиваков, Б. Гутников, А. Марков, И. Зетель, Я. Зак и другие.

В составе симфонического оркестра Омской государственной филармонии он гастролировал в Москве, Ленинграде, Риге, Таллинне, Красноярске, Новосибирске, Свердловске и других городах Союза.

... Через много лет состоялась наша следующая встреча. Борис Михайлович вернулся в Житомир и стал преподавать в местном культпросветучилище. Мы стали видеться часто. Я советовался с Борисом Михайловичем по многим вопросам, и не только связанным с профессией.

Дружба наша оказалась долгой. Впоследствии я два раза бывал у него в гостях в Нюрнберге, где он проживал с 2004 года до своего ухода из жизни в 2023-м.

Среди учеников заслуженного работника культуры Украины Б.М. Фишермана – много талантливых, состоявшихся исполнителей и педагогов – таких, как С. Свинцицкий – лауреат Международного конкурса исполнителей на духовых инструментах, В. Горноста́й – солист Киевского государственного духового оркестра – лауреат Республиканского конкурса (Одесса, 1989 г.), И. Штеренберг – солист симфонического оркестра г. Сан-Антонио, преподаватель кларнета в Техасском университете (г. Сан-Антонио, США), П. Винницкий – концертирующий кларнетист, музыкант оркестра Метрополитен-опера (Нью-Йорк, США), Ю. Гринах – солист Национального Президентского оркестра Украины, Н. Покрапивный – директор Житомирского училища культуры, В. Гнитецкий – преподаватель Житомирского училища культуры, Ю. Гринах – солист Киевского эстрадного оркестра «Диксиленд», В. Шляфман – выпускник института им. Гнесиных (Москва), Е. Турчинский – директор музыкальной школы, преподаватель, дирижер оркестра (Израиль) – и другие.

***

2016, Скайп

Я счастлив, что успел записать одну из наших бесед...

– **Борис Михайлович, не могу не вспомнить наши встречи в Германии.** Сказать, что они были очень теплые – ничего не ска-

Нюрнберг 2010

зять. До того мы не виделись много лет; общались иногда по скайпу – но это связь виртуальная, и она не заменит живое человеческое общение. А тут мы рядом, смотрим в глаза друг другу. Мы не могли наговориться, помните? Вы и я были полны оптимизма. Вы были с любимой женщиной, Ирмой Хубияровой, которую я знал много лет и очень уважал. Увы, она ушла из жизни в 2013 году, и я знаю, как вам ее не хватает все эти годы...

– Борис Михайлович, расскажите о своих первых шагах в музыке...

Как-то я зашел в Житомирский Дворец пионеров. Из коридора услышал звучание музыки: духовой оркестр исполнял бравый марш. Мне это понравилось, и я решил записаться в этот кружок, хотя мама была поначалу против – правда, не категорически.

Руководителем был Леонид Казимирович Уманский. Он дал мне тенор, и я очень скоро начал на нём играть. Прошло немного времени, и Уманского сменил Семён Николаевич Москалёв – знаковая фигура в музыкальной жизни города. Много мальчишек прошли через его руки. Не один десяток из них стали профессиональными музыкантами и вспоминают его добрым словом. Семён Николаевич, пообщавшись со мной, недолго думая, дал мне в руки кларнет. Вот отсюда – точка отсчёта. Занимался я и у прекрасного кларнетиста, солиста военного оркестра Владимира Васильевича Фесюка. Он давал мне полноценные и содержательные уроки. Я ему многим обязан.

– Не могли бы вы поделиться воспоминаниями об учителях и студентах нашего Житомирского музыкального училища? Понятно, что в формате одного очерка всех не вспомнишь...

Мой отец много лет дружил с замечательным музыкантом, тромбонистом, нар. арт. Татарстана, профессором Григорием Ройтфарбом. Теперь с ним дружен и я...

Григорий Ройтфарб

был удивительно одаренным человеком. Блестящий скрипач и преподаватель игры на скрипке, он ввёл в программу и сам вёл занятия на всех духовых инструментах. Особенно любил баритон и тромбон и прекрасно ими владел.

В историю культурных событий Житомира навсегда вошла его постановка оперы С. Рахманинова «Алеко» в июне 1955 года – причём исключительно силами студентов и преподавателей музыкального училища. В то время Зельман Зусиевич дирижировал симфоническим оркестром училища, и, по воспоминаниям местных музыкантов, это был поистине расцвет профессионального уровня коллектива всего училища в целом.

Яков Дреслер

Нельзя не сказать, что Зельман Зусиевич – фронтовик, прошел всю войну до последнего дня, мужественно перенес все её тяготы.

Студенты очень любили его, всегда с трепетом ждали его оценки и высоко ценили его мнение. Авторитет этого универсального музыканта и среди преподавателей был высочайшим.

– Борис, о самом Григории Ройтфарбе ты написал интересный очерк («Тромбон Григория Ройтфарба»), который, я надеюсь, читали многие духовики. Там хорошо написано об этом музыканте, гордости нашего училища. А вот о его не менее талантливом отце я бы с удовольствием сейчас вспомнил...

Зельман Зусиевич

В это же время директором училища был Яков Дреслер. Заметная личность, интересный, уважаемый всеми человек. Преподавал, директорствовал, играл в симфоническом оркестре. Этот симфонический оркестр собирался только на летне-осенний период и играл в парке популярную музыку. Помню валторну Дреслера – всегда начищенную, ухоженную. Кроме того, он был мастер на все руки. После того, как перестал быть директором, не захотел сидеть дома. Работал на маленькой мебельной фабрике.

Не удивляйся: работал он там токарем. А еще он был краснодеревщиком. Мой товарищ Вася Иванченко, его ученик, вернулся из армии, и мы решили навестить Якова Иосифовича. Увидев нас, он очень растрогался, заплакал. Душевная встреча, нечасто такие случаются.

Воспоминания об Учителе

Часто в наших разговорах Борис Михайлович вспоминает своего педагога в Казанской консерватории профессора А.П. Баранцева:

– Анатолий Павлович – уникальный человек. Всеядный к учебе и постоянному совершенствованию. Скромно замечу, что я это у него перенял. Главное – не стоять на месте. Все в нашей жизни развивается и вопросы «кларнетизма» тоже.

Баранцев был близок, скажем так, к Ленинградской школе. Впоследствии учился в аспирантуре у В. Генслера и В. Красавина. В 1973 году перебрался поближе к Питеру, в Петрозаводскую консерваторию, где получил звание профессора.

Анатолий Павлович – автор ряда книг, которые представляют большой интерес для духовиков и не только. Назову такие из них, как «Мастера игры на кларнете Петербургско-Ленинградской консерватории», «Духовые инструменты в творчестве И. Стравинского», «Старейшина московской школы игры на кларнете И.П. Мозговенко».

А. П. Баранцев

– Борис Михайлович, вы были дружны с моим отцом. Встречались изредка, но у вас всегда были темы для обсуждения.

Р. И. Турчинский

нившийся мне случай.

В театр поступил на работу новый дирижер. Он решил прибрать к рукам все, что оплачивалось в театре, в том числе и переписку нот. На одной из репетиций разложили партии в его «исполнении» – написанные не слишком понятно, трудно читаемые. Все начали напряженно всматриваться в текст – и дело затормозилось, репетиция остановилась.

Весть об этом эпизоде дошла до дирекции театра, и твоего, Борис, отца с извинениями попросили переписать все ноты этого спектакля. На следующей репетиции, через несколько дней, музыканты аплодировали Роману Иосифовичу.

С легкой руки Романа оркестровые музыканты становились за дирижёрский пульт и находили себя уже в новом амплуа. Так, заслуженный артист Украины В.К. Талах был музыкантом оркестра, играл на кларнете. Роман обратил внимание, что Талах не только хороший исполнитель, но и вообще одаренный человек, причем во многих видах искусства... Хорошо разбирался в живописи, знал поэзию и сам писал стихи.

Когда в театре появилась вакансия дирижера оркестра, Роман внес предложение – мол, зачем нам кого-то искать на стороне, когда у нас в коллективе есть такая потенциально подходящая кандидатура! И получилось все отлично!

В 1976 году Житомирский горсовет совместно с городским от-

Я могу много рассказывать тебе и о твоём отце, и о всей вашей большой семье...

О Романа Иосифовиче всегда вспоминаю с большим уважением. Замечательный, талантливый человек. Я, как и многие другие музыканты города, сохранил о нем светлую память.

Помимо того, что он был хорошим музыкантом, он ещё владел профессией, на то время очень востребованной, – перепиской нот.

Насколько это было важно – уметь качественно и быстро переписывать ноты, доказывает запо-

делом культуры решил создать штатный духовой оркестр для обслуживания городских мероприятий.

Для помощи в организации такого коллектива пригласили не кого-нибудь, а именно Романа Турчинского – и не ошиблись. В короткие сроки оркестр был создан, началась его творческая жизнь. Не удивительно, что и тебе Борис, он помог стать дирижёром, в 1979 году передав в твои руки руководство этим коллективом.

А самым большим достоинством этого человека было общение с людьми и понимание их проблем. Он всем и всегда был готов помочь. Добрая память – это то, что он оставил после себя. А это очень и очень весомо.

– Расскажите о вашем знакомстве с Натаном Рахлиным.

– Замечательный человек, Натан Григорьевич Рахлин. Большой музыкант, умница.

Он вел у нас в Казанской консерватории симфонический оркестр. Его студенты очень любили, слушали затаив дыхание. Они понимали, какого масштаба музыкант и знаменитость перед ними.

Проводил репетиции спокойно. Наш студенческий оркестр в его руках звучал не хуже филармонического, я так думаю... Я часто заходил к нему на уроки дирижирования, наблюдал за его работой, за общением со студентами.

Потом долгие годы вспоминал его грамотность, вежливость, умение лаконично и доходчиво объяснить суть требования.

Нередко я бывал в гостях у его друга, замечательного и известного дирижёра Исая Эзровича Шермана. Рахлин называл эти встречи чаепитием. В прошлом Исая Эзрович был дирижёром театра оперы и балета имени Кирова в Ленинграде. Он первым осуществил постановку балетов «Лауренсия» А. Крейна и «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева (1940). В 60-х годах он был главным дирижёром Татарского театра оперы и балета.

Не раз и не два мы с Натаном Григорьевичем после консерватории ехали в гости к Исая Эзровичу. Много разговаривали,

и не всегда только о музыке. Натан Григорьевич был эрудитом во многих вопросах искусства. Хорошо знал поэзию и живопись. Мог много рассказывать о людях этой среды, среди которых было много его друзей. Могу много рассказывать об этом великом дирижёре и человеке. Непростую жизнь прожил, не раз его жизнь «обижала». Но он не потерял любовь к ней и к людям. **Очень любил Украину, которую хорошо знал. Любил Киев до конца своей жизни. А вот Киев его – нет...**

– Борис Михайлович, вы много лет руководили духовым оркестром училища, и за эти годы коллектив оркестра завоевал высокие места на конкурсах духовых оркестров Украины.

– Дважды (1991 и 1992 г.) оркестр училища получал высшие призы на Республиканских конкурсах духовых оркестров в Ровно, а в 1996 году на Международном конкурсе «Золоті сурми» (Ровно) – также стал лауреатом.

Хочу подчеркнуть, что на Международном конкурсе мы получили 2 место, разделив его с профессиональным коллективом – Ялтинским Городским оркестром. Я этим горжусь. Большую помощь мне оказывали бывший директор училища Б.А. Свириденко и зав. отделом духовых инструментов Г.О. Белинский. Большое им спасибо! Это уже история...

Должен, Борис, сказать, что наш духовой оркестр во все времена отличался хорошим звучанием и профессиональной подготовкой – благодаря отличной работе всех преподавателей отдела. Не буду их перечислять, боюсь кого-то забыть.

Спасибо и дирижёрам, моим предшественникам, которые работали до меня: М. Лукашенко, Ю. Корецкий, Р. Манжух, В. Заяц. А еще надо вспомнить основателя отдела духовых инструментов, корифея духовой музыки Житомирщины дирижёра И.А. Древецкого.

От автора

В Международном конкурсе 1996 года в Ровно также принимал участие и завоевал 1-е место Одесский муниципальный духовой оркестр под управлением А.Я. Салика.

Не секрет, что в одесском оркестре работали студенты консерватории и музыканты оркестра штаба Одесского военного округа – лучшего на то время в вооружённых силах СССР.

Так что завоеванное оркестром музыкального училища 2-е место – это просто потрясающий успех.

С Александром Яковлевичем Саликом я долгие годы с ним переписывался.

После конкурса он написал мне, приблизительно, следующее: «Приятно удивлен, Борис, игрой твоих земляков. Такое мягкое и в то же время, когда нужно, упругое звучание. Техника, нюансировка, музыкальность. Все на месте. Мои наилучшие пожелания дирижёру Борису Фишерману. Блестящая работа!»

***

... А совсем недавно, будучи в Ровно, где я работал преподавателем в институте культуры последних четыре года перед репатриацией, в компании моих бывших коллег мы вспоминали тот конкурс, и я как будто еще раз услышал слова А.Я. Салика... Мой друг, зав. кафедрой отдела духовых инструментов, профессор, член жюри этого конкурса, засл. деятель искусств Украины Степан Данилович Цюлюпа сказал:

«Прекрасный коллектив из Житомира. Думал, что наш, ровенский, из музыкального училища возьмёт второе место, но как только заиграл ваш, мы, все члены жюри, переглянулись и поняли друг друга. Это был уровень профессионального оркестра».

Добавить нечего.

Немного истории, или «Время, назад!»

– Хочу рассказать о тех годах, Борис Михайлович, когда вы преподавали в культпросветучилище, а я был дирижером Житомирского городского духового оркестра (1979-1983).

Большинство музыкантов городского оркестра были выпускниками наших двух училищ.

Вспоминая кларнетовую группу, концертмейстером которой был ваш выпускник Игорь Гринах (впоследствии солист Национального Президентского духового оркестра), скажу, что ваши ученики были лучше подготовлены к игре в оркестре, имели более хорошую читку с листа, чем ребята из музыкального училища. Это говорит о многом. Недаром многие ваши выпускники стали профессиональными музыкантами.

***

Говорит Григорий Онуфриевич Белинский – преподаватель трубы, зав. духовым отделом Житомирского музыкального училища (1975-2005), засл. работник культуры Украины:

– С Борисом Михайловичем мы дружим много лет. В нашем училище это была знаковая фигура. Многие студенты-кларнетисты хотели заниматься у него в классе.

Прежде всего Борис сам был прекрасным кларнетистом. Хорошо знал дирижирование, чтение партитур и другие сопутствующие дисциплины. Оркестр под руководством Фишермана показал высокие результаты. На конкурсах призовые места, а на Международном конкурсе в Ровно получил звание лауреата (2-место). Это большое достижение коллектива и огромная заслуга самого Бориса Михайловича.

Рассказывает Александр Мостовой, преподаватель, дирижёр эстрадно – симфонического оркестра, руководитель детского джаз–ансамбля «Юниор – бэнд», директор Винницкой детской музыкальной школы №2:

– Я благодарен судьбе за то, что в моей жизни есть такой замечательный человек, как Борис Михайлович Фишерман. Можно сказать, что он появился в моей жизни с момента моего рождения (1957 г.)

Моя мать, Мостовая Анна Михайловна, привозила меня в коляске к старому зданию музыкального училища, и пока она бежала на рынок за продуктами, Борис Михайлович, будучи студентом музучилища, катал меня в коляске. Помню, как у нас дома отец готовил с Борисом Михайловичем программу для поступления в консерваторию.

Он был для меня с самого детства образцом для подражания.

Борис Михайлович имел артистическую внешность и аристократическую манеру поведения, что всегда приводило меня в дикий восторг. Шло время, я подрастал, и однажды, когда мне было лет 5–6, к нам в гости зашёл Борис Михайлович. Он приехал из Казани, где уже учился в консерватории. Дело было вечером, и я уже спал, но он уговорил маму меня разбудить. Моей радости не было предела, когда я получил в подарок мармеладного мишку. Я этот случай запомнил на всю жизнь. Ещё один смешной случай произошёл со мной, когда Борис Михайлович взял меня с собой в кинотеатр «Украина». Люди старшего поколения помнят, как перед сеансом устраивали концерты для зрителей. Борис Михайлович играл там в оркестре, а я во время их выступления находился на сцене, за кулисами. Во время концерта моё внимание привлекла круглая ручка. Недолго думая, я подошёл и начал

её вращать. Слышу, в зале начался смех. Оказывается, я начал закрывать занавес.

Именно этот замечательный человек помог мне постигнуть азы и основы игры на саксофоне. Он дал мне свой саксофон, чтобы я смог научиться играть. Когда я заканчивал четвертый курс музыкального училища, Борис Михайлович своими золотыми руками лично перекрыл мне кларнет рыбьим пузырьём. Кларнетисты постарше помнят этот трудоёмкий процесс изготовления подушек. На этих подушках я играл более 20 лет без единого ремонта.

Шли годы, и жизнь нас разбросала по разным городам, но по прошествии многих лет я вернулся в Житомир. В моей личной жизни произошли изменения, и мне на помощь пришли Борис Михайлович и его замечательная супруга Ирма Георгиевна. Мне попросту негде было жить, и они предоставили нам с женой Таней свою квартиру. Это был очень смелый и благородный поступок.

Бориса Михайловича вспоминаю как замечательного музыканта. Прекрасный педагог, великолепный дирижёр и очень образованный человек, личность, которая всегда была для меня образцом для подражания! Спасибо, Борис Михайлович, что Вы были и есть в моей жизни!

От автора

Удивительно чуткий человек

Говорят, что главное качество настоящего педагога – человечность. Б.М. Фишерман – настоящий, замечательный педагог и удивительно чуткий человек! Всегда вежлив, внимателен и доброжелателен к людям.

Эти его качества выросли не на пустом месте. Вспоминаю, как я бывал у него дома. Борис Михайлович жил со своей мамой, и между ними были очень тёплые отношения. Я просто восхищался, насколько внимательным сыном он был. Как ласково, по-доброму она смотрела на него. Явно гордилась им. Он всегда был смыслом ее жизни.

Наверное, не случайно они были коллегами, педагогами.

Мать Б.М. Фишermana, Мария Борисовна Храмой была преподавателем Житомирского педагогического института, автором «Учебника русского языка», который выдержал 13 изданий, и более ста научных статей в газетах и журналах.

***

– Борис Михайлович, вы много повидали на своем жизненном пути. География мест, где вы жили и создавали, растянулась на многие тысячи километров. Не везде и не всегда вам приходилось легко, но человек вы стойкий и целеустремленный, всегда верили в успех того, чем занимались – будь то учеба в консерватории, преподавание или руководство коллективами. Спасибо вам от всех нас, ваших учеников, коллег и друзей, за большой вклад в музыкальную культуру!

Хотелось бы услышать наставление для музыкальной молодежи. Что бы вы могли сегодня им пожелать?

***

– Я обратил внимание, что в твоих очерках, Борис, многие герои в своих пожеланиях непременно говорят прежде всего о необходимости трудиться. Не стану исключением и я, так как труд в нашем деле – это самое главное, его значение – наравне с талантом. Вот мое пожелание: трудитесь и не ждите, что завтра станет легче, проще, лучше!

Трудности будут всегда – но что поделать? Ведь это жизнь.

И еще: очень важно трудиться и верить в свои силы!

© Борис Турчинский

Редактор и корректор Ольга Монетова

Верстка и полиграфические услуги Студия Клик, Иерусалим

Иерусалим, 2023

От редактора книги

Редактированием текстов я занимаюсь только по любви. Можно называть это хобби, можно – превентивным ударом по Альцгеймеру или ошибочным выбором основного пути – и не исключено, что все будет по-своему правильно. Но в любом случае работает одно ключевое условие: мне должно быть интересно. Представленная вам книга – такой случай.

Небольшой по объему сборник включает в себя рассказы, герои которых – музыканты, сформировавшиеся в разное время, в принципиально разной среде, ставившие и ставящие перед собой радикально разные цели. Им по-разному везло и не везло в жизни, перед ними возникали задачи разного масштаба и характера – но среди этих людей нет ни одного, чей путь был бы лишен индивидуального шарма, далеко не всегда ожидаемых поворотов и связи с историческим моментом, в котором им пришлось жить и реализовывать свой дар.

Борис Турчинский умеет (и кстати, от книги к книге делает это все лучше) собирать материал для своих очерков, он делает это одновременно основательно и деликатно, с безусловным почтением к своим визави и со стремлением создать проступающий сквозь текст портрет соответствующей исторической ситуации...

Мне было интересно!

Монетова Ольга Юрьевна

Содержание

Это наша с тобой биография	1
Предисловие	4
«Старая фотография»	
(заметки об истории духовой музыки Израиля)	5
Слышать душу своей истории	
(к 95-летию Нехамы Лифшицайте)	11
«В поисках истины»	
(другой Ганелин)	15
Владимир Глушков,	
русский парень с еврейской душой	18
Московская встреча	20
Израильская мечта Евгения Егудина	
(к 30-летию творческой деятельности)	35
ПЕРСОНА МУЗЫКАЛЬНОЙ ВАЖНОСТИ	
Александр (Алекс) Ческис	49
Природная любознательность и Божий дар	
(Михаилу Дикеру – 88)	58
Феномен Григория Херсонского	69
Одиссея Владимира Чижика	84
Семен Давидович Райхштейн	
(к 100-летию со дня рождения)	109
Кларнетист Евгений Мартынов	116

Жизнь продолжается!.. Шамиль Низамутдинов	120
«Пока будут силы – буду играть»	
Михаил Дубирный	131
Таким мы его и запомнили...	138
«Это наша с тобой биография» (к 75-летию корифея военно-оркестровой службы А.П.Сафатинова)	145
Что может быть важнее... Р.М. Манжух (к 94-летию со дня рождения)	160
Зоя Прокудина, повелительница валторны, или Есть такое слово – надо!	173
Диалоги с Иваном Оленчиком	182
«Верить в свои силы»	193